

ФІЛОСОФІСЬКИЙ ПОШУК ГЕОРГІЯ ЩЕДРОВИЦЬКОГО ТА МЕТОДОЛОГІЧНА ШКОЛА

Сергій Григоришин

ORCID: 0000-0002-2509-6382

<https://doi.org/10.36169/2227-6068.2022.01.00002>

Анотація. Дослідження дає цілісне та несуперечливе уявлення про філософію Георгія Щедровицького у контексті ідейної еволюції Московського методологічного гуртка. З метою детального опису всіх етапів розвитку ММК було обрано жанр історико-філософського аналізу, який дозволив гнучко реагувати та систематично фіксувати численні зміни як у методологічних поглядах Щедровицького, так і в цілком залежних від особистості Щедровицького ідеях методологічної школи. На думку автора, методологія в трактуванні ММК була особливою технологією мислення, лише за формальними ознаками, що збігається зі звичним визначенням методології. Методологія – це колективне мислення радянських методологів, унікальне для повоєнної історії СРСР.

Вперше в історії вивчення філософії Щедровицького та еволюції ММК розкрито та продемонстровано на численних прикладах інтелектуальну боротьбу методології як технології мислення з класичною логікою у викладі радянського аристотелізму, діалектичною логікою ортодоксального та неортодоксального радянського марксизму, а також з психологічною теорією діяльності та з педагогічними діловими іграми. Нарешті, проаналізовано перехід від завершеного радянського етапу до сучасного російського етапу у розвитку методологічної школи та методологічного руху взагалі. Виявлено, що ключова зміна у стратегії ММК полягає у переході з логічних проблем на онтологічні. Доведено, що сучасна методологічна школа перебуває у пошуках власної онтологічної системи.

Ключові слова: Георгій Щедровицький, Московський логічний гурток, Московський методологічний гурток, радянська філософія, російська філософія, методологія, логіка, психологія, педагогіка, мислення, аналітичний центр, школа мислення

Повнотекстова версія статті доступна російською мовою.

ФИЛОСОФСКИЙ ПОИСК ГЕОРГИЯ ЩЕДРОВИЦКОГО И МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА

Сергей Григоришин

ORCID: 0000-0002-2509-6382

<https://doi.org/10.36169/2227-6068.2022.01.00002>

Аннотация. Исследование дает целостное представление о философии Георгия Щедровицкого в контексте идейной эволюции Московского методологического кружка (ММК). С целью детального описания всех этапов развития ММК был выбран жанр историко-философского анализа, позволивший гибко реагировать и систематически фиксировать многочисленные изменения как в методологических взглядах Щедровицкого, так и в целиком зависимых от личности Щедровицкого идеях методологической школы. По мнению автора, методология в трактовке ММК была особой технологией мышления, лишь по формальным признакам совпадающей с привычным определением методологии. Методология – это коллективное мышление советских методологов, уникальное в своем роде в послевоенной истории СССР.

В статье впервые в истории изучения философии Щедровицкого и эволюции ММК раскрыта и продемонстрирована на многочисленных примерах интеллектуальная борьба методологии как технологии мышления с классической логикой в изложении советского аристотелизма, диалектической логикой ортодоксального и неортодоксального советского марксизма, а также с психологической теорией деятельности и с педагогическими деловыми играми. Также проанализирован переход от завершеного советского этапа к современному российскому этапу в развитии методологической школы и методологического движения вообще. Выявлено, что ключевое изменение в стратегии ММК состоит в переключении с логических проблем на онтологические. Доказано, что современная методологическая школа находится в поисках собственной онтологической системы.

Ключевые слова: Георгий Щедровицкий, Московский логический кружок, Московский методологический кружок, советская философия, российская философия, методология, логика, психология, педагогика, мышление, фабрика мысли, школа мышления

Введение

Это исследование посвящено истории советских школ мышления. В центре внимания находится анализ становления одной из таких школ – Московского методологического кружка¹ – и развитие ее центральных идей и подходов. На периферии внимания будут другие школы советской мысли, менее известные чем ММК, но в свое время гораздо более авторитетные чем изучаемый Кружок.

Употребление словосочетания «школа мышления», способное натолкнуться на неприятие своей новизной, может быть оправдано хотя бы тем фактом, что не каждое институализированное или, наоборот, неформальное объединение советской интеллигенции в разнообразные кружки и союзы лишь в крайне редких случаях можно трактовать в качестве философской школы. Если же быть невзыскательным к словоупотреблению, то любая кафедра философии любого института или университета, каждый сектор Института философии столичного или республиканского подчинения в равной степени заслуживают почетное звание философской школы. А это совсем не так, о чем свидетельствуют все семьдесят лет развития философии в Советском Союзе. Вместо перегруженного многослойными смыслами понятия «философской школы», представляется оправданным употреблять нейтральное и пока совсем незатасканное понятие «школа мышления». Это понятие автоматически втягивает свою орбиту неисчислимое множество мыслительных практик, пронизывающих жизнь СССР с момента основания государства и до его ухода в историю. Генетика, физиология, психология, логика, история, филология, философия на равных правах встраиваются в сложную конфигурацию советских школ мышления. Органически вписывается в представленную структуру целый ряд междисциплинарных школ, таких как, например, теория систем, теория организации, теория управления, теория игр, теория принятия решений, теория рефлексии, теория прогнозирования и даже теория деловых игр. А поскольку все эти науки и научные направления так или иначе были сосредоточены на исследовании сознания и мысли, это дает все основания обобщить их в понятии «советские школы мышления». При этом мы оставляем за собою право не придерживаться со всей строгостью избранного словоупотребления и в каждой случае отдельно решать, имеем здесь дело со школой мышления или полноценной философской школой.

Исследование построено по хронологическому принципу, и основная его часть охватывает весь позднесоветский период с 1952 по 1991 годы, всю вторую часть советского XX века. Так построены три основные главы. Последняя, четвертая часть бегло описывает ситуацию в современной методологической школе мышления начиная с 1991 г., по возможности охватывая самые последние тенденции. Во вступлении, в качестве, назовем это так, «скрытого трека», располагается история вопроса о преемственности, или же отсутствии таковой, между Московским логическим кружком и Московским методологическим кружком. Задача представить

¹ В предложенном на суд читателя исследовании понятия «методология», «методологический», «методологический кружок» и все производные от этих другие понятия употребляются исключительно в трактовке Московского методологического кружка и не подразумевает понятия «методология» в общеупотребительном значении.

панораму интеллектуальных течений в Советском Союзе с неизбежностью привела к необходимости включить в изложение историографию советской философии вообще.

Для предварительной ориентации в изложенном ниже материале достаточно принять во внимание пять временных отрезков. Во введении, где будет представлена история МЛК, первый временной отрезок начинается с 1952 года и завершается в 1959 году. Второй отрезок оформлен как первый этап ММК, или первая исследовательская программа ММК, и отчасти дублирует первый временной отрезок. Рождением ММК, также, как и МЛК, будет 1952 год, а завершающей датой – 1964. В третьем отрезке времени отмечается второй этап эволюции ММК, или вторая исследовательская программа ММК. Этот период располагается между 1964 и 1979 годами. Последний советский период ММК расположен на четвертом временном отрезке, и соответствует времени становления третьей исследовательской программы ММК, полностью преобразованного в движение организационно-деятельностных игр. Наконец финальный, пятый временной отрезок уже находится за пределами существования СССР, и, как следствие, не имеет пронумерованной программы. Постсоветская методология – феномен не до конца изученный, хотя бы по причине того, что он длится и еще далек от завершения. Будучи современниками постсоветской методологии, самое большое, что мы можем сделать, это выхватить из нерасчлененной на этапы истории современности лишь отдельные имена, и то лишь в наиболее значительный с позиции сегодняшнего дня период. И практически нет сомнения в том, что методологическое движение в ближайшие десять-двадцать лет не только не угаснет, но и приобретёт новое дыхание. Предугадать новую конфигурацию, по крайней мере с ограниченного горизонта наших дней, не представляется пока возможным. Любовь к прогнозированию будущего чужда вкусам исследования, выполненного в скромном историко-философском жанре.

Диалектическая, формальная и содержательная логика.

Московский логический кружок (1952 – 1957)

Нашей задачей является изображение того, как Маркс исследовал и изображал свой предмет, т.е. изображение восхождения. Для этого нужно выработать особые категории, по отношению к которым применяемые Марксом к исследованию капитала приемы мышления являются частным материалом. Иначе на вопрос о том, каким путем Маркс раскрыл и изобразил диалектику предмета своего исследования, мы должны были бы ответить: читайте «Капитал».

Александр Зиновьев

Московский логический кружок считается предтечей Московского методологического кружка. Но в историко-философской литературе МЛК обычно представляют не отдельным кружком, а первой версией ММК. Не пребывая внутри этой, казалось бы, частной и необязательной дискуссии, сложно понять в чем состоит важность ответа на вопрос был ли лишь один кружок или все же их было два. Между тем практически ни один авторитетный труд по советской философии за прошедшие двадцать лет эту тему не упускал из виду.

Первая проблема, требующая своего разрешения, состоит в понимании того, чем был феномен МЛК. Для начала нужно будет определить исторические рамки деятельности кружка, ясно представляя, какие события стали причиной его создания, существования и распада. После воссоздания хронологии нужно будет заполнить лауну и вернуть на законное место ММК на карту советской философии. Но прежде всего в предстоящем разборе упор будет сделан на воссоздании творческой атмосферы внутри МЛК. А это обязывает нас обратиться к воспоминаниям участников кружка и им сочувствующих.

В этой предварительной части исследования будут защищаться следующие тезисы.

Во-первых, здесь представлена позиция, согласно которой МЛК и ММК – это два разные кружка, две школы мышления, принципиально отличающиеся по своим целям и задачам, идеалам и ценностям.

Во-вторых, исторические рамки существования МЛК четко обозначены периодом с 1952 по 1957 годы, что будет доказано на примере ключевых событий в научной жизни участников кружка. Косвенным результатом полученных их исторических фактов доказательств станет раскрытие причин, вследствие которых историю Московского методологического кружка нельзя начинать ранее 1952 года.

В-третьих, будет предложено суждение о том, кого конкретно из участников кружка считать его организатором, лидером и вообще главной фигурой. Несмотря на предельную ясность ответа на этот вопрос, обосновать ответ необходимо. Соответственно, обратная сторона вопроса состоит в терпеливом объяснении, почему неверно придерживаться мнения об МЛК как о кружке, где существовало коллективное лидерство.

В начале сосредоточим внимание на главных обобщающих трудах по истории советской мысли, где, среди прочих других вопросов, часто затронуты интересующие нас. Далее предстоит обратиться к специализированным трудам по истории методологического движения, в которых всегда одной из первых ставилась задача раскрытия характера преемственности между МЛК и ММК. В завершении важно будет напомнить версии создания кружка, существовавших в воспоминаниях его непосредственных участников.

Таким образом, чтобы понять феномен МЛК будет задействовано три уровня масштабирования одного и того же исторического события: масштаб общей истории советской философии, масштаб методологического движение внутри школ советской мысли и, наконец, масштаб личностный и индивидуальный, позволяющий взглянуть на историческую ситуацию под разными углами зрения. Анализ всех собранных вместе позиций и мнений, как предполагается, позволит восстановить общую картину происходящих в советской философии событий, и позволит определить место МЛК в перечне советских школ мышления.

Круг источников, обобщающих достижения советской философии второй половины XX века, совсем невелик. Практически целое десятилетие с момента исчезновения СССР с геополитической карты мира и вплоть до конца 1990-х годов, советская мысль была крайне непопулярна. Еще теплилась надежда на то, что преемственность между дореволюционной русской мыслью и постсоветской русской философией была не до конца утрачена.

Мечталось раскрыть в себе, уже теперь не советских, но русских философов, тех же болей, какие волновали философов Серебряного века. Верилось в то, что спустя почти целый век разрыва между русской и советской мыслью можно было одним рывком обратно вернуться в горнило русской религиозной философии.

Но к моменту смены эпох оказалось, что нерв мысли Соловьева, Шестова или Бердяева, а также других русских философов-идеалистов, совсем не откликается в душах людей, воспитанных на ценностях философии материализма. Робко имитировался стиль работ Флоровского, Зеньковского, Яковенко, Лосского, Чижевского, и не получалось либо ничего, либо что-то вроде работы Игоря Евлампиева «История русской метафизики XIX – XX вв.» (2000, второе издание – 2020).

Постепенно пришло осознание, что русский религиозный ренессанс востребован лишь аспирантами высших учебных заведений, не овладевших за годы своего обучения ни одним иностранным языком. Одновременно, во всех частях огромной России в то время находилось немало людей, чьи мысли резонировали с размышлениями поколения философского парохода, но эти токи не проникали высшие учебные заведения и научные институты. Любой талант оттуда был выжжет каленым железом, а место философов повсеместно заняли перекрашенные бюрократы.

Нужно было признать, что русский дореволюционный идеализм, догоравший в эмиграции, уже в Россию не вернуть никогда. Требовалось мужество признать, что не исполин, а гомункулус был в основании родословной. Русский марксизм, большевики и меньшевики, ленинское и сталинское поколения рожали в муках новое советское дитя. Симптоматично, что одним из первых это признал Мамардашвили. Многого понимал Мень. Но ни тому, ни другому не суждено было увидеть землю обетованную новой России. Отрефлексировать себя через советское прошлое пришлось совсем другим людям.

Изучение непосредственно советской философии, освобожденное от угла зрения генеральной линии партии, началось в эпоху политических реформ Горбачева, то есть, перед самым закатом великой империи. В период между 1987 – 1991 годами был краткий период русской истории, когда правилом хорошего тона считалось изобличение философии эпохи Сталина.

Образцом подобного подхода может служить сборник «Суровая драма народа. Ученые и публицисты о природе сталинизма» (1989). В сборник помещено сразу две статьи, исключительно важные для понимания сталинской философии, а именно исследования Николая Маслова «Краткий курс ВКП (б) – энциклопедия культа личности Сталина» и Александра Огурцова «Подавление философии». Несмотря на обилие оценочных суждений и риторических оборотов, вызывающих в памяти словесные обороты в стиле ранних номеров журнала «Под знаменем марксизма», фактологическая сторона проработки исторического материала была у обоих авторов образцовой. Они впервые продемонстрировали (если не считать напечатанную в московском издательстве Политиздат, но не изданную книгу известного идеолога сталинизма Марка Митина «В идейной борьбе. История философской мысли в СССР» (1979)¹ и вышедшую в Нью-Йорке книгу советского эмигранта Иегошуа Яхота «Подавление философии в СССР» (1981)) какое значение для советской философии с конца тридцатых до начала пятидесятых годов имел «Краткий курс истории ВКП (б)» (1938).

В самом начале эпохи правления Ельцина вышел русский перевод монографии американского советолога Лорена Грэхема «Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе» (1991). Вторая глава «Диалектический материализм в Советском Союзе: его развитие в качестве философской науки» содержит беглый анализ идей Плеханова, Богданова и Ленина. Гораздо сильнее эта книга излагала историю советской психологии, кибернетики и генетики, включая сложную судьбу ученых, работающих в этих науках в сталинское время. Философская глава, в сравнении с другими частями книги, выглядела наиболее слабой.

Но несмотря на это, именно книга Грэхема спровоцировала появление первого обобщающего труда по советской философии второй половины XX века. Коллективная монография Елены Мамчур, Николая Овчинникова и Александра Огурцова «Отечественная философия науки: предварительные итоги» (1997), о которой годы спустя положительно ключе отзывалась Нелли Мотрошилова, стала исследованием, сумевшим преодолеть существующий еще к середине девяностых годов комплекс неполноценности советской и зарождающейся заново русской философии.

Ранее, сравнивая свои труды с трудами западных философов, многие советские философы осознавали какая огромная пропасть разверзлась между западными и советскими достижениями в философии науки. Их казенный синтаксис и рабоче-крестьянская лексика явно уступали аристократичности построения мысли в трудах буржуазных философов. Однако Мамчур, Овчинников и Огурцов приняли себя,

¹ Выдержки из книги Митина есть в книге Юрия Шарапова «Лицей в Сокольниках. Очерк истории ИФЛИ» (1995, второе издание есть в сборнике работ Шарапова «Мое время» (2021)).

своих коллег и учителей как полноценных участников исторического процесса и естественных носителей мировоззрения отечественной философии науки. В отношении того, насколько книга Грэхема повлияла на русских авторов, свидетельствует их собственное признание, в контексте объяснения того, зачем их книга нужна читателю и объяснение, чем их труд отличается от работы американского советолога. (Mamčur et al. 1997: 4). Легитимировать советскую философию науки, в первую очередь наработки своего научного сектора, и поставить их в один ряд с западной традицией, очевидно, авторам книги не совсем удалось. Зато удалось другое. Впервые в обобщающем труде по советской философии на радары попала методология ММК и личность Георгия Щедровицкого. Большим успехом можно считать и то, в каком ракурсе представлен ММК. По мнению автора соответствующей главы, Николая Овчинникова, ММК наследовал структуру и характер научной коммуникации Венского логического кружка (Mamčur et al. 1997: 212). Хотя в книге Мамчур, Овчинникова и Огурцова об истории методологического движения больше не сказано ни слова, предложенного вектора рассмотрения было вполне достаточно, чтобы в последующих работах по истории советской мысли сработал принцип домино, и каждое новое исследование генерировало один и тот же смысл:

- 1) ММК и МЛК не различаются как два независимых друг от друга сообщества;
- 2) ММК намертво привязан к фигуре Щедровицкого, с обязательным, не терпящим никакого исключения, упоминанием о том, что основатель ММК определял во все годы существования кружка программу исследований этого сообщества;
- 3) обязательное указание на то, что через кружок прошло множество философов и ученых других дисциплин, что еще раз подчеркивало незыблемость позиции основателя.

Книга Валерия Сойфера «Сталин и мошенники в науке» (2007, второе издание – 2016) во многом ретранслирует грэхемовский способ описания советской довоенной научной мысли. Философский аспект книги Грэхема дополнен у Сойфера гораздо более подробным, впрочем, совсем не оригинальным, рассказом о дискуссии диалектиков и механицистов, и описанием атаки Митина, Юдина и Ральцевича на марксистскую школу Деборина. В книге переизбыток оценочных суждений, наличие которых демонстрирует, что радикальный антисталинизм ничем не лучше радикального сталинизма. Уровень нетерпимости к чужому мнению делает их тайными союзниками. Философия послевоенной эпохи в книге Сойфера нет, и, соответственно, в ней отсутствует какое-либо упоминание об МЛК.

В 2006 году была опубликована книга Бориса Бирюкова «Трудные времена философии», соединяющая жанр мемуаров с жанром истории философии. Бирюков был выпускником ИФЛИ (или – МИФЛИ, Московского института истории, философии и литературы им. Н. Г. Чернышевского), загадочного советского высшего учебного заведения, просуществовавшего всего десять лет с 1931 по 1941 годы. ИФЛИ важен хотя бы по той причине, что в его стенах получили образование Теодор Ойзерман, Эвальд Ильенков и Александр Зиновьев. Здесь же работали Валентин Асмус и Георгий

Александров. Однако книга Бирюкова была не первой книгой об ИФЛИ. Первая книга об истории вуза и о судьбе его выпускников написал Юрий Шарапов, о книге которого говорилось выше в связи с цитированием фрагментов из неопубликованной монографии Марка Митина.

Также, как в случае с Ильенковым и Зиновьевым, война прервала обучение Бирюкова в ИФЛИ и только в 1945 г., как и главные звезды советской послесталинской философии, он поступил на философский факультет МГУ. Научным руководителем Бирюкова был главный на то время специалист по математической логике в Советском Союзе – Софья Яновская. К слову, учениками Яновской были сразу три участника Московского логического кружка, которые покинули его практически одновременно: Делир Лахути (переводчик «Логико-философского трактата» Людвига Витгенштейна), Виктор Финн и Иосаф Ладенко. Последний из них ушел из кружка немного позже других двух участников.

Книга Бирюкова, и ее многочисленные тома–продолжения, служащие дополнением к его воспоминаниям, воссоздает портреты преподавателей ИФЛИ и МГУ, часто с подробным описанием содержания их учебных курсов. При этом у неподготовленного читателя вызывает удивление, что Бирюков, учившийся в МГУ в те бурные годы, когда там возникла сначала группа гносеологов под руководством Ильенкова, а чуть позже группа МЛК под руководством Зиновьева, обо всех этих судьбоносных для советской философии событиях полностью умалчивает. Ситуация проясняется, когда из книги становится ясно, что Бирюков негативно оценивает вклад в советскую философию работ Ильенкова, Зиновьева, Мамардашвили и Щедровицкого (Biriukov 2019: 30–31).

Совсем другое настроение мы видим в другом мемуарном сочинении, написанном Анатолием Косичевым. В 2007 г. он издал книгу «Философия. Время. Люди. Воспоминания и размышления декана философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова». Для историка советской философии это совершенно бесценная книга. Кроме подробнейшего изложения философской дискуссии 1947 г. с критикой Георгия Александрова, Косичев публикует неизданное ранее письмо Зиновия Белецкого Сталину, послужившего спусковым крючком Философской дискуссии 1947 года. Как и Овчинников с Бирюковым, Косичев лишь бегло и вскользь упоминает о существовании МЛК. В одной из глав Косичев дает краткие биографические справки о советских философах, выпускниках философского факультета. Одна из подобных справок посвящена Георгию Щедровицкому (Kosičev 2007: 253). Такие же комплементарные характеристики Косичев дает Мамардашвили, Ильенкову и Зиновьеву. При этом очень симптоматично, что историю МЛК и ММК автор связывает именно с именем Щедровицкого. Учитывая то, насколько многосторонним и детальным был рассказ Косичева о дискуссии 1947 г., остается только сожалеть, что в книге не раскрыта дискуссия по тезисам Ильенкова и Коровикова, во время которой группа МЛК впервые заявила о себе как о едином коллективе.

Отчасти этот пробел восполняет книга Елены Иллеш, дочери Ильенкова и Ильи Раскина «Эвальд Ильенков. Валентин Коровиков. Страсти по тезисам о предмете философии (1954 – 1955) (2016, переиздание – 2020). Книга состоит из двух

авторских текстов, «Пропавшие тезисы» Иллеш и «Страсти по предмету» Раскина. Как и книга Косичева, исследование Елены Иллеш богато архивными материалами, позволяющими восстановить хронологию событий на философском факультете МГУ. Интересный факт, что наиболее активную позицию по проработке Ильенкова и Коровикова проводил на партсобраниях парторганизации Анатолий Косичев (Illeš 2020: 26, 41, 57–58). Но по поводу участия в дискуссии членов Московского логического кружка сказано очень сжато. Имя Щедровицкого встречается только один раз, и то не в текстах Иллеш и Раскина, а в предисловии Владислава Лекторского. Борис Грушин появляется на страницах книги лишь один раз, только в тексте Иллеш, когда цитируется архивный документ, в котором сказано, что Грушин был одним из трех аспирантов, которые «не понимают и не хотят понять ошибочность взглядов Коровикова-Ильенкова» (Illeš 2020: 78). О Мамардашвили дважды упоминает Лекторский, но уже не в предисловии, а в заключении. Про Зиновьева, с которым, как известно, у Ильенкова на протяжении жизни были сложные отношения, говорят все трое: по одному разу Лекторский и Раскин, дважды – Иллеш.

Иллеш приводит интересный факт. На очередном партсобрании по проработке Коровикова и Ильенкова, слово взял Сергей Попов (не путать с логиком Павлом Поповым) и высказался следующим образом: «Молодые преподаватели, которые выросли в атмосфере недисциплинированности и зазнайства, ведут себя очень нескромно (Коровиков, Ильенков, Зиновьев)» (Illeš 2020: 20). Как в этом список попал Зиновьев, не писавший тезисы, а только поддержавший в то время Ильенкова – абсолютная загадка. Хотя книга Иллеш и Раскина практически не раскрывает место членов МЛК в дискуссиях по тезисам Ильенкова и Коровикова, но зато предельно реалистично восстанавливает атмосферу идеологических проработок, всегда существовавших в советских вузах, что, в свою очередь, позволяет понять, в каких сложных исторических условиях возник и существовал Московский логический кружок.

Книги Шарапова, Бирюкова, Косичева, Иллеш и Раскина нельзя назвать обзором советской философии и, тем более, изложением ее истории. В одном случае это просто воспоминания, в другом – публикация архивных материалов в конкретных исторических событиях в советской философии. Долгое время коллективная монография Мамчур, Овчинникова и Огурцова оставалась единственным обобщающим трудом по истории советской философии, хотя и сознательно ограниченной рассказом о советской философии науки. Но несложно заметить, что во всех этих книгах о Московском логическом кружке и Московском методологическом кружке сказано крайне сжато.

В 2009 – 2010 гг. Институт философии РАН издал многотомную серию «Философия России второй половины XX века», где целые тома посвящены главным героям МЛК: Мамардашвили, Зиновьеву и Щедровицкому. О последней из этих работ у нас еще будет возможность рассказать подробнее.

В 2012 году выходит первый обобщающий труд по истории советской философии, книга Нелли Мотрошиловой «Отечественная философия 50 – 80-х годов XX века и западная мысль», где предпринята попытка создания концептуального

различия между «официальной идеологией» и «неофициальным философским сообществом» (Motrošylova 2012: 29–33). В контексте решения наших задач нет смысла вдаваться в спор о том, насколько это различие правомерно и исторически оправданно. Важно лишь то, что МЛК в классификации Мотрошиловой однозначно относится к неофициальным философским сообществам. По традиции предыдущих работ на ту же тему, информация об МЛК и ММК в книге Мотрошиловой минимальна, а все, что сказано, повторяет уже утвердившийся ранее шаблон (Motrošylova 2012: 47).

Эта справка целиком соотносима с описаниями Методологического кружка у Овчинникова и Косичева. Точка зрения Мотрошиловой пересекается с двумя указанными авторами как минимум по трем критериям: 1) эпизодическое внимание к МЛК и ММК в контексте описания советской философии; 2) нейтральное отношение к деятельности кружка, что проявляется, например, в оценке его участников (за исключением крайне негативного отношения Мотрошиловой к Зиновьеву, объяснимого насмешками Зиновьева над Мотрошиловой в «Зияющих высотах»); 3) принципиальное нежелание вдаваться во внутренние хитросплетения взаимоотношений между участниками кружка, а потому описание внутренней непрерывности методологического движения. Хотя, косвенно, такой подход играет на руку версии истории МЛК в трактовке Щедровицкого и его учеников. В целом, Мотрошилова дает положительные оценки философской деятельности бывших членов МЛК. Особое внимание автор книги уделяет личности Мамардашвили, у которого, к слову, из всех членов МЛК, не сложились отношения только с Зиновьевым и по той же самой причине, что и у Мотрошиловой.

Так выглядит обзор источников по истории советской философии в целом. После книги Мотрошиловой значимых обобщающих работ по истории советской философии до настоящего времени не было.

Теперь нужно сменить масштабирование повествования, и включить в список источников работы, в которых отражена деятельность не всей советской философии второй половины XX века, а только непосредственных участников МЛК и ММК.

Итак, начатое в еще середине девяностых постепенное погружение в историю советской мысли с 1945 по 1991 годы стало важным фактором в жизни российской академической философии. Но некоторое время еще существовали колебания, поскольку непонятно было под каким углом показать собственные достижения, и при этом одновременно не быть обвиненными в сотрудничестве с системой. На то время, конец девяностых, такое самоопределение было значимым фактором легитимации себя в существующем общественном пространстве. Многие непосредственные участники философских дискуссий ушедшей эпохи были еще живы, и даже пребывали в зените своей академической и научной карьеры. Писать о самих себе казалось тогда не совсем приличным, поэтому первые, после «Отечественной философии науки», работы по советской философии 1950 – 1980-х гг. были посвящены философам, ко времени написания книги уже ушедшим из жизни.

Именно в такой логике возник замечательный двухтомник «Философия не кончается... Из истории отечественной философии XX век» (1998, второе издание –

1999). Первый том имел подзаголовок «1920 – 50-е годы», второй, соответственно, «1960 – 80-е годы». Редактором обоих томов выступил Владислав Лекторский, на то время главный редактор главного в России философского журнала «Вопросы философии». Соответственно, большинство текстов сборника представляют собой перепечатку статей журнала, что, естественно, несколько не умаляет их значения.

Во втором томе есть сразу две статьи о Георгии Щедровицком, хотя обе были докладами на конференции памяти Щедровицкого, и они никогда не публиковались в «Вопросах философии». Первая статья – Вадима Розина «К истории Московского логического кружка: эволюция идей, личность руководителя». Вторая статья, «Г. П. Щедровицкий в развитии генетической логики и методологического движения» принадлежит Иосафу Ладенко. Оба в свое время были членами ММК.

Нужно отдать должное редакторскому таланту Лекторского, поместившего в одной главе о Щедровицком две существенно отличающиеся версии истории методологического движения и отношения к личности его основателя. Заочный диалог между Ладенко и Розиным был борьбой за право построить доминирующую версию истории Московского логического кружка.

Анализ Ладенко объективен до тех пор, пока в статье не возникает в качестве объекта методология самого Ладенко. Несмотря на это, первая часть статьи, преимущественно имеющая дело с историей логического кружка, написана вполне объективно. Автор статьи дает четкое представление о хронологии кружка и привязывает каждую дату к конкретному событию.

Первым делом он отвечает на наиболее на то время злободневный вопрос о том, кто же на самом деле был лидером МЛК. Ладенко сообщает, что он вместе со Щедровицким был «в составе Московского логического кружка, основателем которого был А. А. Зиновьев. После окончания аспирантуры и защиты диссертации А. А. Зиновьевым руководство перешло к Г. П. Щедровицкому» (Ladenko 1998: 564). Второй вопрос, интересующий всех, кто знаком с сутью проблемы, состоял в определении точного времени возникновения МЛК. Как видно из предшествующего изложения, Овчинников и Мотрошилова осторожно, не называя конкретных дат, писали о том, что МЛК возник в начале пятидесятых годов, или же возник в первой половине пятидесятых годов. Лишь наиболее далекий от общения с членами кружка декан философского факультета МГУ четко определяет дату основания кружка во временном промежутке 1952 – 1954 гг. На чем в таком случае основывается точка зрения Косичева? Велика вероятность того, что Косичев был знаком со вступительной статьей Анатолия Пископеля, которой открываются «Избранные труды» Георгия Щедровицкого, изданные в 1995 г., где уже встречаются даты 1952 – 1954 г. О другой, схожей по замыслу, работе Пископеля будет подробнее рассказано ниже, в связи с ее публикацией в сборнике под редакцией Натальи Кузнецовой.

Ладенко, в отличие от перечисленных выше авторов, ситуацию знал изнутри, поскольку был непосредственным очевидцем событий. Его версия характерна тем, что содержит четкую датировку образования и распада кружка, фиксирует конкретный исторический отрезок времени существования МЛК (Ladenko 1998: 565). Отметим сразу одну из причин возникновения кружка, никем ранее не замеченную. Участники

МЛК, хотя это должно демонстрировать само название кружка, обратились к изучению не философии вообще, а к логике, как науки, наиболее защищенной от влияния на нее со стороны идеологии. Косвенно это положение подтверждается высказываниями Мамардашвили, Щедровицкого и Грушина о том, что каждый, кто хотел посвятить свою жизнь изучению философии, а не обслуживанию идеологии, выбирая между диалектическим материализмом и историческим материализмом, всегда останавливал свой выбор на первом. Новая советская логика, по замыслу ее создателей, должна была стать антиидеологической школой мышления. Такими были мотивы создания МЛК в изложении Ладенко. В этом же докладе можно отыскать множество подробностей о функционировании МЛК, по тем или иным причинам оставшиеся вне зоны внимания четырех его главных, хотя и не единственных представителей.

Обычно кружок МЛК представляли как неформальную группу молодых преподавателей, аспирантов и студентов, беспечно бродивших по московским улицам и размышляющих в слух о путях развития молодой советской философии времен хрущевской Оттепели.¹ И, наоборот, редко раскрывается степень институализации Московского логического кружка в стенах МГУ. В этом, к слову, еще одно отличие от ММК. Щедровицкий любил долго и подробно рассказывать в каких комиссиях, собраниях, учебных заведениях, научных и политических институтах проходила жизнь членов ММК. Возможно такое различие в освещении истории МЛК и ММК объясняется ситуацией на факультете в пятидесятые годы, сжато описанную Ладенко и намного более подробно раскрытую в текстах Косичева, Лекторского, Иллеш и Раскина на примерах контекстуально и хронологически сопряженных событий вокруг Ильенкова и Коровикова, напрямую не связанных с существованием кружка. Лишь Ладенко дает уникальное в своей подробности описание работы кружка в рамках существующего в то время научного студенческого общества. Прояснение событий жизни членов кружка непосредственно во время работы или учебы в МГУ позволяет рассмотреть за мифом об МЛК его реальную историю. Ладенко вновь подчеркивает тот факт, что кружок основал Зиновьев, но это важно знать не потому, что Зиновьев «более великий философ», чем Щедровицкий, а потому, что в институциональной иерархии университета аспирант Зиновьев имел гораздо большие рычаги влияния на ситуацию, чем студент Щедровицкий (Ladenko 1998: 566). Если доверять воспоминаниям Ладенко, институализация кружка при Научном студенческом обществе не является доказательством какой-либо идеологической ангажированности его участников. Желание создать логический кружок при университете также нельзя считать формой какого-либо сотрудничества его участников с администрацией университета, всегда замеченную в наполовину преступном стремлении поставить под контроль любую научную инициативу. Наоборот, отсутствие неуместной законспирированности позволяло практически все пятидесятые годы (в первую половину пятидесятых – на философском факультете МГУ, во вторую половину пятидесятых – где угодно) Зиновьеву, Грушину,

¹ Эту картину легко представить, если вспомнить жизнь молодой советской интеллигенции по советским фильмам, вроде «Заставы Ильича» Марлена Хуциева, «Я шагаю по Москве» Георгия Данелии или, если нужен грузинский колорит, «Жил певчий дрозд» Отара Иоселиани.

Щедровицкому, Мамардашвили и, чуть позже к ним присоединившимся Костеловскому, Ладенко, Лахути, Финну, Алексееву, Швыреву, Садовскому открыто обсуждать проблемы построения новой советской логики и теории мышления.

Так протекала жизнь членов МЛК на философском факультете. Напомним, что основание кружка Ладенко возводит к 1952 г. Возникает вопрос, какое событие произошло в 1952 году, положившее начало существованию Московского логического кружка? Ладенко пишет о том, что МЛК строго делилось на две группы – постоянных участников и случайных попутчиков (Ladenko 1998: 567). В данном случае можно оставить открытым вопрос, кого из студентов и по каким критериям можно засчитывать в члены кружка, а кого лишить этого права. В контексте обсуждаемой проблемы это не принципиально. Гораздо важнее обратить внимание на то, какие изменения в своем научном статусе претерпели трое наиболее тесно связанных между собою членов кружка: Зиновьев, Грушин и Щедровицкий. В 1952 году, конвенциональной, согласованной его участниками даты возникновения Московского логического кружка, Зиновьев учился на втором курсе аспирантуры, Грушин поступил на первый год аспирантуры, а Щедровицкий был на последнем году обучения по специальности «Философия», готовился защищать диплом и, по примеру старших товарищей, готовился поступать в аспирантуру философского факультета МГУ. Таким образом, 1952 год в качестве даты основания МЛК объясняется тем, в этом году между собою были знакомы трое из четырех главных представителей кружка. А главное, что именно в 1952 г. состоялось судьбоносное знакомство, определившее события их жизни на долгие годы вперед, Щедровицкого с Зиновьевым.

В то же время, третий участник кружка, Грушин сдвигает дату основания МЛК на год вперед. Для Грушина главным событием создания кружка стало не знакомство Зиновьева и Щедровицкого, а совместное участие, уже с четвертым участником, Мамардашвили, в защите дипломной работы Щедровицкого (Grušin 2004). По нашему мнению, все-таки событие 1952 года было гораздо важнее.

Зная теперь точку зрения Ладенко на время создания кружка, его деятельности в стенах университета и вне университетских стен, осталось лишь понять его версию причин распада кружка. Ладенко утверждает, что МЛК в классическом формате заканчивается в 1956 г. (Ladenko 1998: 567–568).

Означает ли это, что 1956 г. можно было бы считать датой распада кружка? Как уже было отмечено, МЛК существовал в двух формах – институционализированной и неофициальной. В 1957 г. распалась институционализированный формат кружка, а семинары уже полностью были перенесены во внеуниверситетское пространство. В статье Ладенко всплывала еще одна дата, сигнализирующая о распаде МЛК – 1958 г. Было ли в этом году какое-либо судьбоносное для МЛК событие? Ладенко в качестве такого события видит свой уход из кружка, а это как раз произошло в 1958 г. При всем уважении к одному из пионеров методологического движения, вряд ли это событие корректно связывать с окончанием работы МЛК. На наш взгляд, МЛК заканчивает свое существование там и тогда, где и когда навсегда расходятся пути Зиновьева и Щедровицкого. Предварительно мы относим это событие к 1959 г., а с обоснованиями можно ознакомиться в следующей главе нашего исследования.

Итак, Ладенко центральной фигурой МЛК считает Зиновьева, а время существования сводит к периоду с 1952 по 1958 годы. Теперь время понять, как эти же события рассматривает Розин. Последний, в отличие от Ладенко, центральной фигурой МЛК считает Щедровицкого, а год возникновения кружка сдвигает еще на год ниже, чем это делал Грушин, к 1954 году (Rozin 1998: 547) Еще одним не сложным способом подчеркнуть уникальное положение внутри кружка личности Щедровицкого состоит в том, чтобы, выделив лишь его в качестве незаменимой фигуры, и тут же простым списком перечислить остальных участников МЛК. Здесь мы наблюдаем неумело созданный Розиным анахронизм: Щедровицкий – «известный отечественный философ», «руководитель кружка», и Зиновьев, Мамардашвили и Грушин – «группа молодых талантливых философов» (Rozin 1998: 547–548). Отчетливая разница с трактовкой Ладенко, и с фактическими данными в принципе. Аспирант, после защиты – кандидат наук, а затем и доктор наук, профессор, заведующий кафедрой логики философского факультета МГУ Зиновьев неожиданно оказался «молодым философом», рядом со студентом, выпускником, не поступившим в аспирантуру МГУ, и защитившимся в Педагогическом институте Плеханова через десять лет после Зиновьева, «неизменным руководителем кружка», Щедровицким.

Но есть в трактовке Розина одна составляющая, отсутствующая у Ладенко, однако существенная для понимания сложной архитектуры МЛК. Ладенко настаивал на том, что Московский логический кружок занимался лишь логикой, дисциплиной, максимально отдаленной от идеологии. Это неверная трактовка. МЛК разрабатывал свою версию логики, понимая ее как новую материалистическую диалектику, и тем самым отчасти сближался с кружком гносеологов под руководством Ильенкова. Но диалектика и Маркс гораздо ближе были Зиновьеву чем Щедровицкому. Последний себя почти не связывал историей марксизма, и потому «Капитал» не был для него источником логики Маркса. У Щедровицкого периода МЛК была видна отчетливая тенденция сближения с неопозитивизмом. Практически со всем сказанным Розовым можно согласиться, кроме вывода о том, что в МЛК сохранился принцип историзма (Rozin 1998: 548–549). Ровно наоборот, переход от анализа текстов Маркс к мышлению как таковому, к логике и философии науки требовал от МЛК оставить историзм ради мышления в категориях естественных наук. Разрыв с историзмом был наиболее резким отличием МЛК от ММК. Отсутствие чувства исторической дистанции к началу 1960-х приведет Щедровицкого к спору с Аристотелем, а через этот спор – к тяжбе с советским аристотелизмом и классической формальной логикой. Отказ от диалектики, истории и материализма делал методологическое движение уникальным явлением в советской интеллектуальной жизни. Даже логики мыслили себя из истории. Но Щедровицкий сменил логику на методологию как раз с целью синхронизировать воедино любое мышление, без учета его давности. Это был радикальный шаг в сторону американских междисциплинарных наук так же, как Щедровицкий, относившиеся к историзму как изжившему себя научному принципу.

В финальной стадии своего анализа Розин снова возвращается к вопросу об исторических этапах методологии и в принципе к достижениям методологической школы. Хорошо заметно, что Розин, в отличие от Ладенко, понимает становление методологического движения в виде эволюционирующей школы мышления.

Зафиксируем и то, что Розин еще дальше отодвигает границу завершения первого этапа к 1960 году, хотя прямо и не связывает это с каким-либо событием (Rozin 1998: 553). Скорее всего, это намек на появление в кружке в начале шестидесятых самого Розина. Но суждение о том, что на начальном этапе только формировалась первая программа, а следующий этап был ее реализацией, еще раз показывает, что для Розина, как представителя уже второго поколения методологов, принципиально было снять противопоставление между МЛК и ММК, и свести первую версию кружка просто к предварительному этапу ММК.

Внутри методологического движения отныне доминировала версия Розина, а точка зрения Ладенко на долгие годы была предана забвению. В то же время дискуссия между представителями первого и второго поколения методологов во втором томе сборника «Философия не кончается...», вышедшего еще, напомним, в 1998 году, ясно показала, что именно ММК имел все шансы закрепиться в роли центральной школы мышления в советской и российской философии второй половины XX века. Теперь уже, когда эта дискуссия вышла на главную философскую площадку страны – а публикация тома была инициирована именно Институтом философии – нельзя было игнорировать ММК, считая его маргинальной частью философских дискуссий. Более того, постепенно многие стали осознавать и то, что у школы Щедровицкого после смерти ее основателя оставались все шансы не только не уйти в забытое всеми прошлое, но в обозримом будущем занять лидирующие позиции в новой российской философии.

Команда ММК никак и никогда не пересекалась с русской религиозной философией, с доминирующими ленинской и сталинской версиями диамата, не становилась в подчиненное положение к западным философским школам. Декларативное и даже вызывающее поведение методологов, считавших себя оригинальной школой мышления, стало полной неожиданностью для философских генералов позднего СССР. Теперь с этой школой нужно было считаться. Предстояла сложная задача вписать ММК в разветвленную бюрократическую структуру марксистско-ленинской академической философии.

Для реализации этой задачи в 2004 году, через шесть лет после публикации двухтомника «Философия не кончается...», под редакцией Натальи Кузнецовой, тоже выходца из методологической школы, был издан сборник «Познающее мышление и социальное действие (наследие Г. П. Щедровицкого в контексте отечественной и мировой философской мысли)». Здесь те самые «философские генералы» из Института философии – Лекторский, Степин, Швырев – вместе с методологами старшего поколения, Розиним, Розовым и Садовским, как любили выражаться в тридцатые годы, «единым фронтом», выступили со своей версией развития ММК и роли в нем Щедровицкого. Это было абсолютно беспрецедентное явление. Мотивировать совместное выступление элиты советской философии, десятилетиями определявших курс Института философии, философского факультета МГУ и журнала «Вопросы философии», должно было только из ряда вон выходящее событие. Таким событием стало лавинообразное издание архивов ММК, и особенно работ Щедровицкого.

В далеком прошлом большинство номенклатурной философской элиты по причине живого человеческого интереса было так или иначе задействовано в семинарах Щедровицкого, которому никто из них тогда не придавал какого-либо особого значения. Сейчас же, в начале нового века, речь уже шла о том, чтобы вмешаться в экстремально быстро формирующийся философский дискурс и сказать свое весомое слово. Казалось, что для того, чтобы расставить все точки над «і», будет достаточно просто напомнить о том, что Щедровицкий никогда не был в мейнстриме советской академической философии, и все его инициативы носили нефилософский, а часто и ненаучный, характер. С другой стороны, если события дальше будут идти так же не прогнозировано и бесконтрольно, нужно вовремя перестраховаться и выступить в роли старших наставников для Щедровицкого. Но доктора наук из Института философии не учли тот факт, что кандидат наук Щедровицкий позаботился о том, чтобы заранее выстроить такое представление о прошлом, где «философским генералам» просто не нашлось места. Старые прожжённые номенклатурщики не представляли себе даже того, что отнюдь не они выступали целью для тотальной критики Щедровицкого. И тем не менее, сборник о Щедровицком, внешне комплементарный, был первым и достаточно сильным вызовом методологическому движению со стороны старой философской элиты.

Нужно отметить, что в сборнике было разрешено высказаться биографу Щедровицкого Анатолию Пископпелю, автору вступительной статьи «Избранных трудов» (1995) Щедровицкого, и выдвинувшемуся на первый план лидеру третьего поколения методологов, Петру Щедровицкого. Статьи Пископпеля и Щедровицкого-мл. концептуально были встроены в сборник так, чтобы наиболее лояльные по отношению к Георгию Щедровицкому мнения, открывали и закрывали сборник. Это большое достоинство сборника и личных успех редактора Натальи Кузнецовой. В центре же сборника размещались статьи оценочно нейтральные или же аккуратно критические.

В предисловии к сборнику Кузнецова недвусмысленно раскрывает цели его авторов. Обращает на себя внимание достаточно резкая оценка Кузнецовой наиболее существенного исторического ресурса ММК – бесконечного потока воспоминаний целый трех поколений участников методологического движения (Kuznesova 2004: 8). Никакая другая школа советской мысли не была так плотно представлена именно количественно. По сути, застолбить место в исторической памяти, и это глубоко прочувствовала Кузнецова, методологи могли, даже не прикасаясь к своему золотому ресурсу: содержательно-генетической логике, теории мыследеятельности и организационно-деятельностным играм. Жесткий тон суждений Кузнецовой достаточно легко позволяет понять ее отношение к наследию Щедровицкого. В качестве участницы ММК она прекрасно осознавала как сильные, так и слабые стороны саморепрезентации методологов. Было ясно, что мемориальный стиль глубоко усвоен методологами, и уже начиная со статьи Розина в сборнике «Философия не кончается...» инициатива на этом поле была надолго перехвачена. Тем самым Кузнецова заблаговременно предупреждала авторов сборника, что просто рассказать свою версию о том «как все было на самом деле», уже далеко недостаточно. Методологи под руководством Щедровицкого долго и упорно работали

над тем, как аккумулировать в диалоге первенство коллективного мышления над индивидуальным. Никакие академические титулы не давали преимущество в процессе жесткого спора о советском интеллектуальном наследии. Методологи были готовы к тому, что их статус будут пытаться подорвать, и заранее подготовились, чтобы предложить целый набор контраргументов. Более того, когда Кузнецова настаивала на вреде воспоминаний для объективного историко-философского исследования, она забыла, что все без исключения предыдущие работы о советской философии были написаны как раз в этом жанре. Работы Мамчур, Овчинникова, Огурцова, Шарапова, Косичева, Бирюкова, Ладенко, Розина, Мотрошиловой, Лекторского были построены таким образом, чтобы продемонстрировать ценность своего уникального опыта непосредственных участников событий. А значит, что постановка задачи «освоить базовый комплекс идей» ММК была единственным шансом подчинить идеи Щедровицкого общей логике академической философии в СССР. Но насколько эта задача была исполнима, оставалось под большим вопросом. Кроме задачи разобрать методологию на составные части, понять ее сильные и слабые стороны, были задачи и проще. Предполагалось, что прямая атака на личность Щедровицкого была задачей гораздо более простой, а по эффекту – самой глубоко воздействующей на предполагаемых читателей. Тем более, что Щедровицкий и сам был не прочь использовать такой запрещенный прием. Осознавая уязвимость методологии с этой стороны, Кузнецова постепенно и неумолимо подрывала персональный авторитет Щедровицкого (Kuznesova 2004: 8). Наконец, третий и последний фронт атаки на методологическое движения был выстроен Кузнецовой вокруг проблематизации полученных результатов ММК (Kuznesova 2004: 8–9). Такой заранее утвержденный вердикт методологии нам представляется достаточно беспечным или, как минимум, недостаточно продуманным высказыванием в публичное и академическое пространство. Нужно было еще доказать то, что методология занималась построением «воздушных замков». А между тем несмотря на то, что редактор сборника настраивала читателей на изобличительный стиль статей, практически все авторы, в той или иной степени, выстраивали свою аргументацию, не следуя советам Кузнецовой.

Подытожим способы критического подхода Кузнецовой к истории методологического движения. Во-первых, воспоминания членов ММК не могут служить залогом корректного воспроизведения философской жизни в Москве и роли в ней Щедровицкого. Такие «игры памяти» заранее ангажированы, никак не дополняя существующие версии советской философии в исследовательской перспективе. Нужно слушать не мнения учеников и соратников Щедровицкого, а наиболее авторитетных ученых в советской и постсоветской философии. Мнение на мнение идет на пользу критикам ММК. Во-вторых, сложная структура личности Щедровицкого позволяет представить ее в таком свете, чтобы показать все изъяны его как философа, а если представиться возможность, то и как организатора. Первая атака, таким образом, направлена на «свиту», а вторая – на самого «короля». В-третьих, критическому осмыслению должно подвергнуться интеллектуальное наследие ММК, не предоставившего философскому сообществу финальный продукт своей многолетней деятельности. А главное, отсутствие своей системы у методологов могло стать наиболее уязвимой стороной для критики.

Надо сказать, что эта трехсторонняя критика была практически полностью нейтрализована уже первой статьей сборника, большой и содержательной биографией Щедровицкого, написанной Анатолием Пископпелем. Хорошо понимая общую заряженность авторов сборника на избличение методологического движения, методологического кружка и лидера методологов, Пископпель очень талантливо обыгрывает каждый сюжет, который мог быть представлен в негативном для ММК ключе.

Пископпель реконструирует биографию Щедровицкого так, чтобы минимизировать или даже вообще исключить жанр мемуарной литературы. Было ясно, что любая попытка создавать аргументы с помощью информации, полученной вроде как из первых рук, автоматически бы снижало статус объективности историко-философского жанра, в котором удалось удержаться Пископпелю.

Еще большей ценностью статьи можно считать то, что Пископпелю удалось не провалиться в жанр агиографии, практически всегда сопутствующий любому позитивному изложению авторского биографии в советской историко-философской литературе. Предшествовавшим и последующим биографам Щедровицкой так никогда и не пришло на ум, что любая агиография лишь обезображивает. В статье же Пископпеля представлен сложный образ личности, какой и на самом деле был Щедровицкий. Более того, в качестве главной ролевой модели для Щедровицкого Пископпель предложил фигуру Сократа, уже, казалось бы, навсегда в истории советской философии, закрепленной за «грузинским Сократом» (Piskoppel'2004: 11). Вряд ли можно было рассчитывать на то, что философское сообщество примет Щедровицкого как «советского Сократа». Но не в этом состояла основная цель. Пископпель метил гораздо дальше, продумывая и предугадывая на несколько шагов вперед те сюжеты, в которых критика личности и образа мыслей Щедровицкого становились бы наиболее ощутимыми. Важно было заранее предвосхитить и обезвредить, ровно в русле теории рефлексии, любые попытки представить методологов в качестве софистов, а Щедровицкого – как «советского Протагора».

Наконец, Пископпель легко решает проблему видимого отсутствия результатов в почти полувековой истории методологического движения. Было предложено рассматривать эволюцию ММК из трех составляющих: первой программы по созданию теории мышления, второй программы по созданию теории деятельности, и третьей программы, соединявшие две первые, теории мыследеятельности. И пусть потенциальные критики сами разбираются в том, о чем вообще идет речь. Результатом работы методологов «стала разработка глобальной интеллектуально-действенной программы и ее центральных звеньев – методологических «подходов», сначала мыслительного, потом деятельностного, затем системодейностного и, наконец, системомыследеятельностного» (Piskoppel' 2004: 12–13).

Но остановиться просто на разбивании аргументов недругов своими аргументами было мало. Казалось принципиальным грамотно воспользоваться академической площадкой, чтобы пойти гораздо дальше, раскрыть ранее скрытые горизонты методологии. Иначе говоря, Пископпель, не уходя в общие суждения, сразу перешел к активной фазе рефлексивного управления формированием представлений

у читателей феномена Щедровицкого. Вместе с Пископпелем читатель прошел сложное детство Щедровицкого, учебу в школе, поступление в университет из физического на философский факультет МГУ. Поскольку на студенческие годы Щедровицкого приходилось знакомство с Зиновьевым, Грушиным и Мамардашвили, а также создание МЛК, то это трудное место нужно было обойти так, чтобы не закралось никаких сомнений в том, что с первых дней существования кружка Щедровицкий был в нем единственным и бессменный лидер. Хоть факты говорили об обратном, эта задача не казалась совсем невыполнимой. Такой трюк уже раньше удался Розину, а через некоторое время активно проводился Петром Щедровицким. Широкой публике было все равно, кто в незнакомом им кружке в начале 1950-х годов был более значимой фигурой – Зиновьев или Щедровицкий. Но Пископпель обращался к более опытной аудитории, часть из которой хорошо понимала реальное положение дел, поэтому подход к этой деликатной теме должен был быть найден наиболее осторожный. Поскольку ранее было изложено сразу три версии рождения МЛК – версии Грушина, Ладенко и Розина – особый интерес представляет то, под каким углом зрения основания МЛК демонстрирует Пископпель. Свою задачу Пископпель выполнил на высоком уровне, и целиком в традициях Розина. Аккуратно была исключена тема лидерства в кружке Зиновьева, а переход от МЛК к ММК целиком ожидаемо был представлен как переход от «спонтанных обсуждений» к научным семинарам, поставленным на «регулярную основу». На всякий случай время организации МЛК не привязано к определенной дате и, тем более, к конкретному событию. Кружок, говорит Пископпель, возник в ходе общения где-то между 1952 и 1954 годами (Piskoppel' 2004: 19–20). Ушел в тень хорошо показанный Ладенко мотив дружбы и охлаждения личных отношений, вплоть до открытой вражды, между Зиновьевым и Щедровицким. Тем самым автоматически решался еще один сложный вопрос о дате прекращения работы МЛК. Совсем не прерывание дружбы стало мотивом распада кружка, а, наоборот, ММК стал более организованной и целеустремленной версией МЛК. Удачно Пископпель разворачивает и предложенного им же сравнения Щедровицкого с Сократом.

Ранее было сказано, насколько осторожно Пископпель подходил к включению свой текст воспоминаний участников кружка и вообще любых методологов. Но рациональное исключение было сделано для самого Щедровицкого. Отталкиваясь от своих воспоминаний 1954 г., Щедровицкий в одном из докладов заявляет, и его цитирует Пископпель:

«Мы, логики, сможем сказать, что наша наука нужна обществу, что мы приносим действительную пользу, только тогда, когда оставим в стороне поистине бессмертного Сократа и обратимся к реальному объекту, к изучению современного научного мышления. Только на этом пути возможно дальнейшее развитие логики, вне этого пути – загнивание и разложение» (Piskoppel' 2004: 20).

Спрашивается, при чем здесь Сократ? Объяснение найти несложно. Сократ, в этом узком контексте, означает опору на историзм, историю философии, Платона, Аристотеля, диалектику и логику. Если пойти чуть дальше, то понятно, что Щедровицкий намекает на построенную на диалектическом мышлении марксистско-

ленинскую философию и на основанную на формально-логическом мышлении философию советских последователей аристотелизма. Иначе говоря, это призыв отказаться от сократовского способа поиска истины ради проникновения в современные формы мышления. В чем состоит позитивная часть такого призыва, можно понять, по нашему мнению, только благодаря глубокому погружению в содержание кандидатской диссертации Щедровицкого, где можно найти ответы на все интересующие вопросы.

Достаточно сбивчиво и невнятно Пископпель объясняет непопадание Щедровицкого в аспирантуру философского факультета МГУ, хотя этот вопрос давно не считается секретом. Как бы то ни было, свою последующую жизнь Щедровицкий уже связывает не с МГУ, а с кружком. Уже в этом контексте никак нельзя было проигнорировать вопрос о том, кого нужно считать лидером кружка. Если раньше Пископпель игнорировал эту тему, лишь сводя роль трех участников МЛК к роли «молодых и перспективных» советских философов, то теперь такое явное несоответствие историческим фактам нужно было заменить на более правдоподобную версию. Как это было и в случае с Розиным, Пископпель вынужден признать и без него хорошо известное лидерство Зиновьева. Однако была придумана такая форма изложения, которая позволила низвести это событие к заурядному и рутинному факту (Piskoppel' 2004: 20). Но даже признавая ведущую роль в МЛК Зиновьева, Пископпель нашел способ девальвировать ценность его диссертации, и, тем более, обходилось молчанием то, что текст Зиновьева был основополагающим источником для изучения логики другими членами кружка включая Щедровицкого. А главное, новаторский и даже революционный характер работы Зиновьева был представлен Пископпеллем как продолжение давно существующих тем, что во многом не отвечало действительности (Piskoppel' 2004: 21). От марксизма Ойзермана и Ильенкова Зиновьев был не менее далек, чем Щедровицкий. Зиновьев также был абсолютно далек от фантомной программы «философских проблем естествознания», от Кедрова, Кузнецова и всех других советских философов науки.

Попытки Пископпеля девальвировать значение Зиновьева в истории советской мысли тоже безосновательны. Зиновьев и Ильенков были главными философскими звездами сначала философского факультета МГУ, а затем и Института философии. Не лишним будет заметить, что начиная с 1954 года и до конца своих дней Щедровицкий не имел никакого отношения ни к МГУ, ни к Институту философии. А если говорить о том, что Зиновьев мог заимствовать у предшественников гегелевско-марксистские подходы, о чем тоже пишет Пископпель, то это тоже неверно, поскольку он, также, как и Щедровицкий, не рассматривал философию через историю философии, и потому не вписывал себя в ряд преемников новых форм материалистической диалектики, близкой Ильенкову.

Наконец, завершая рассказ про МЛК в пятидесятые годы, Пископпель в строгой последовательности описывает ряд событий, после которых МЛК окончательно исчез и на его месте возник ММК (Пископпель 2004: 22–23). После рассказа об исчезновении МЛК и возникновении ММК, Пископпель переходит к сюжетам шестидесятых годов, и дальнейший ход его мысли органично встраивается в наиболее

признанную версию методологии (изложение этого этапа ММК выходит за рамки темы этой главы нашего исследования).

В завершение длинного экскурса в интерпретацию Пископелем образа и системы взглядов Щедровицкого обратим внимание только на несколько деталей. Пископелю удалось закрепить доминирующую трактовку истории ранней методологии, следующую целиком в русле статьи Розина. Но еще важнее то, что ссылкой на Ладенко, естественно оторванной от контекста, удалось вовлечь в свою орбиту и эту трактовку МЛК. Хронологию МЛК тоже удалось подкорректировать. Размытость между 1952, 1953 и 1954 гг. как времени оформления МЛК позволяет в качестве опорной даты использовать наиболее позднюю дату, и то, как времени, когда Щедровицкий взял инициативу по организации семинаров в свои руки. Одновременно Пископель подтянул выше дату распада кружка к 1957 году, чтобы продемонстрировать крайне краткий этап существования МЛК – всего четыре неполных года. А если взять во внимание, что с 1957 года и почти до середины девяностых ММК всегда позиционировался методологами как один и тот же кружок (что правда), то сравнения времени существования МЛК почти в десять раз короче времени существования ММК. А этот вывод, соответственно, подводит к ясному умозаключению, что МЛК был лишь несовершенной, временной и преходящей школой мышления, настоящая история которой начинается лишь тогда, когда трое из четырех сооснователей кружка, покидают его, а лидерство навсегда переход к Щедровицкому.

Как уже было сказано, центральную часть сборника представляют работы философов, относящихся весьма критично к методологии. Из их числа можно выделить исследования Владимира Швырева, Владислава Лекторского и Вадима Садовского. Только последний из этой тройки был напрямую связан с ММК, хотя постепенно, как и многие другие участники, дистанцировался от Щедровицкого и от методологии в принципе. Швырева и Садовского сближает их общий интерес к теории систем.

У Швырева есть одно ценное наблюдение, либо не замеченное раньше, либо упомянутое до него лишь вскользь. Оно касалось того, как лидеры МЛК понимали «Капитал» Маркса. Молодые философы видели свою цель в раскрытии научных и логических оснований мышления Маркса, сознательно отключая ее идеологические предпосылки (Svyriov 2004: 65).

Зиновьев все-таки гораздо ближе склонялся к советскому марксизму, чем Щедровицкий. Последнему интуитивно были ближе неопозитивизм и постпозитивизм. И уж точно связь естествознания с методологией Щедровицкого была мнимой, в этом пункте со Швыревым согласиться нельзя. Но то, как Зиновьев понимал логическое учение Маркса было гораздо ближе к философии диалектического материализма, чем то, как логику Маркса понимал Щедровицкий, не интересующийся диалектикой в принципе. Однако важно помнить, как бы не дистанцировались члены МЛК от марксистско-ленинской философии в ее устаревшем формате, и Зиновьев, и Щедровицкий не могли не двигаться в рамках заданного политикой партии формата. По большому счету, таких целей даже никто и не ставил. Пафос МЛК состоял не в

преодолении советской философии, а в ее качественном развитии. Это сторону МЛК нужно удерживать в памяти хотя бы по той причине, что разрыв МЛК и ММК значил и то, что ММК, в отличие от МЛК, с марксизмом себя не ассоциировал с самого начала. Уточним, что речь идет не о том, что МЛК было идеологизировано, а ММК – нет. ММК не был идеологическим кружком в том лишь смысле, что не разделял уже утвержденные формы идеологии. ММК стремился построить свою идеологию, основанную на содержательно-генетической логике и теории мышледеятельности. Конечно, этот опыт был уникальным для советской философии, но никак для мировой. Обычная американская фабрика мысли того же времени понимала построение новой идеологии ровно в том смысле, как идеологию понимал ММК.

Маркс членам кружка был важен не сам по себе, а как носитель особого мышления, движение которого определялось законами логики. Маркс в этом плане служил образцом реализации законов и правил логики. Но была ли эта логика диалектической или формальной? Здесь ответ на вопрос был получен давно. Маркс опирался на идеалистическую диалектику Гегеля и материалистическую диалектику Фейербаха. Однако было не ясно какими диалектическими законами и правилами руководствовался Маркс при написании «Капитала», если речь не шла о классической формальной логике. Швырев очень точно подметил, что Щедровицкий, в отличие от других членов МЛК, вскоре осознал, что логика научного знания строится на гораздо более совершенных законах и правилах, чем мог предложить Маркс. Зиновьев, Грушин и Мамардашвили были целиком ангажированы принципом историзма и не могли представить себе, что логика, заложенная в «Капитале», могла устареть в современных условиях развития науки. Если еще глубже войти в суть проблемы, то становится ясно, что Зиновьев и Щедровицкий возродили спор диалектиков и механицистов. Только в отличие от Деборина, Зиновьев легко мог включить в диалектику как законы формальной логики. А Щедровицкий, в отличие от Ортодокс¹, готов был строить не столько советскую философию науки, сколько оригинальную теорию мышления.

Различие в понимании стоящих перед МЛК логических задач очень точно раскрыл Лекторский, раскрывший значение содержательной логики Зиновьева в его кандидатской диссертации (Lektorskij 2004: 171–174). В то же время не весь логический кружок вместе с Зиновьевым пошел в направлении поиска новой логики. Новизна подхода Зиновьева состояла в том, что он первым решился применить правила формальной логики к разбору диалектики Маркса. Грушин и Мамардашвили, в отличие от Зиновьева, остались в традиционных рамках толкования Маркса, и тем самым были ближе в своих размышлениях к Ойзерману и Ильенкову, чем к Зиновьеву и Щедровицкому. В то же время, Щедровицкий, в свою очередь, новаторский для советской марксистско-ленинской философии ход мысли Зиновьева считал лишь полумерой, недостаточной для радикального обновления советской логики. Лекторский точно пометил, что теория Щедровицкого сильно отличается от других трактовок диалектической логики, но забыл уточнить, что все другие члены МЛК были

¹ Любовь Аксельрод, одна из основательниц механицизма, боровшегося против диалектической школы Абрама Деборина.

скорее на стороне традиционных толкований, чем на самом деле надеялись создать новую логику. А когда Щедровицкий вдруг это осознал, то оказалось, что в проекте по созданию новой логики он может рассчитывать только на себя. Когда речь шла о причинах распада кружка, то главное внимание Ладенко, Розин, Пископпель и Швырев обращали на личные качества Зиновьева и Щедровицкого. Распад объяснялся амбициями двух лидеров. Но никто до Лекторского не искал причины распада в теоретического разладе между членами МЛК. С этого момента не логика была противопоставлена диалектике, а содержательная логика формальной.

Понятие содержательной логики существовало задолго до Щедровицкого. Уже Зиновьев активно использовал это понятие, чтобы подчеркнуть новизну своего подхода в анализе логического устройства «Капитала». Но для Зиновьева «содержательная» сторона логики была скорее остроумием, шуткой в отношении противопоставления формальной логики. А Щедровицкий поверил в содержательную логику всерьез, и когда стало понятно, что Зиновьев, инициатор построения новой логики, на самом деле остается целиком и полностью на позициях формальной логики, то с этого момента их пути разошлись. Можно сказать, что Щедровицкий попал в ловушку. Он искренне поверил в то, что новая содержательная логика была новым словом в развитии теории мышления, а окружающие, включая Зиновьева, лишь декларировали намерения, но по сути оставались либо в рамках диалектической логики, либо в границах формальной логики. Советские диалектики Щедровицкого не интересовали вообще, а оказались совершенно обособленной группой философов, о которой Щедровицкий имел лишь самое общее представление (и это с учетом того, что МЛК долгое время был при кафедре логики). Так Щедровицкий впервые вышел на советский аристотелизм. Вся другая советская философия на тот конкретный момент времени осталась вне зоны его внимания, как не ставившая задачу изучать мышление. И здесь Лекторский уже не прав, когда утверждает, что Щедровицкий, противопоставляя свою содержательно-генетическую логику логике формальной, боролся с ветряными мельницами.

Главная мысль в интерпретации Лекторского состоит в том, что Щедровицкий критиковал формальную логику за то, что не входило в границы ее компетенций (Lektorskiĭ 2004: 174–175). На самом деле никакого недоразумения, так ярко описанного Лекторским, не было. Щедровицкий прекрасно знал, что входит в предмет современной и символической логики, но интерес его был в проблемном поле как раз классической формальной логики. Путаница здесь возникает по той причине, что советский аристотелизм, так же как предшествующий ему дореволюционный русский аристотелизм, был не научным направлением, а просто учебным предметом. Это была «школьная», а не «научная» логика. И поэтому, естественно, был огромный диссонанс между тем, чем занималась логика как наука в 1940-е и 1950-е годы во всем мире, и то, по какой причине логика после долгого перерыва снова стала преподаваться в Советском Союзе. Щедровицкому абсолютно было неважно, что классическая аристотелевская логика давно несовременна, и что в русских и советских учебных заведениях, после известного Постановления ВКП (б) 1946 г. о преподавании логики и психологии в средних школах, она возрождалась в том виде, какою она была в российских дореволюционных гимназиях. Щедровицкому, повторим снова, был чужд

принцип историзма, для него любая теория мышления, если она работает, оставалась актуальной теорией и практикой мышления. Поэтому в диссертации – главном тексте Щедровицкого этого периода – шла война не на жизнь, а на смерть, как раз с таким советским аристотелизмом.

Наконец, после анализа взглядов Щедровицкого в статьях Кузнецовой, Пископпеля, Швырева и Лекторского перейдем к последней значимой статье сборника «Познающее мышление и социальное действие». Единственным, кто всерьез принял раннее учение Щедровицкого, был Вадим Садовский, изначально принявший содержательно-генетическую логику как завершённую систему взглядов основателя советской методологии (Sadovskij 2004: 107). Здесь мы в очередной раз обязаны вернуться к самой ранней дате в истории МЛК, поскольку именно с этого времени формулируется план создания новой логики. Многие сюжеты выше были уже раскрыты, но описание Садовского дополняет картину важными штрихами (Sadovskij 2004: 108–109). Размышления Садовского подводят черту под общей историей МЛК, раскрытую с разных сторон всеми процитированными авторами.

Теперь легко собрать всю картину воедино. Первые обсуждения содержательной логики началось в 1952 году Зиновьевым и Грушиным, еще к тому времени не знакомых со Щедровицким и Мамардашвили. Вскоре, после знакомства Зиновьева и Щедровицкого, в 1953 г., по воспоминаниям Грушина, инициативная группа МЛК помогла Щедровицкому защитить дипломную работу на кафедре логики. Об этом событии Щедровицкий подробно рассказывает в своих воспоминаниях, изданных посмертно под названием «Я всегда был идеалистом», записанных в виде интервью в 1989 – 1981 гг., и изданных в 2001.

В 1953 – 1954 гг. проходит дискуссия по логике на философском факультете МГУ. Дата абсолютно символична. Заканчивается грандиозный проект Сталина включения логики и психологии в школьные программы, на уровне вынашивания замысла существовавшая с 1941 по 1946 г. В 1946 г., об этом мы расскажем в следующей части работы, было издано Постановление ВКП (б), требующее в краткие сроки издать учебники по логике и психологии для школ и вузов. В 1953 г., в связи со смертью Сталина, эта инициатива постепенно начинает тормозиться, а к концу 1950-х исчезает вовсе.¹ Дискуссия по логике была дискуссией о путях развития формальной логики. Здесь впервые о себе заявил Московский логический кружок.

В 1954 – 1955 гг. на том же философском факультете прошли обсуждения тезисов Коровикова и Ильенкова. Хотя обычно обращают внимание на то, что эта инициатива обоим авторов тезисов стояла рабочего места в МГУ, гораздо важнее понять то, зачем и почему эта дискуссия возникла в принципе. Дискуссия была нужна, чтобы после обсуждения будущего формальной логики в СССР, перейти к осмыслению будущего диалектической логики. Это была попытка вернуть легитимный статус ленинскому прочтению диамата. Попытка, как известно, завершилась провалом. Но и здесь снова отметились члены МЛК, выступавшие в защиту Ильенкова и Коровикова.

¹ Подробно эти сюжеты раскрыты в замечательной статье Сергея Корсакова «Из истории возрождения логики в СССР в 1941-1946 гг.», изданной в двух частях в журнале «Логические исследования» за 2015-2016 гг.

Естественно, что лидирующая роль принадлежала Зиновьеву, успевшему в 1954 г. просто чудом защитить кандидатскую диссертацию «Восхождение от абстрактного к конкретному (на материале «Капитала» К. Маркса)».

В 1953 – 1957 году Московский логический кружок был институализирован на кафедре логики МГУ, после чего по инициативе Войшвилло, формального руководителя кружка, был закрыт. По мнению Пископпеля, уже 1954 г. инициатива в МЛК перешла к Щедровицкому, – но в действительности вплоть до 1957 г. в кружке еще оставалось коллективное лидерство. В то время Зиновьев еще не полностью отошел от дел кружка, а Щедровицкий только стал включаться в его работу в роли лидера. Итак, 1957 год – это определяющая дата перехода от МЛК к ММК.

Подведем общий итог дискуссии с авторами коллективной монографии под редакцией Кузнецовой. Уже по объему включения в историю вопроса материала из книги «Познающее мышление и социальное действие» становится ясно, что представленные в книге статьи имели исключительно судьбоносное значение для понимая того, какое место в советской философии занимали Московский логический кружок и Московский методологический кружок. Статьи Кузнецовой, Пископпеля, Швырева, Лекторского и Садовского органично встроились в один ряд со статьями Ладенко и Розина из сборника «Философия не кончается...». Никогда ранее не проводился анализ подобной глубины, а включение в дискуссию наиболее авторитетных советских философов позволили методологическому движению занять важнейшее место в истории советской философии как центральной школе мышления.

Сквозь призму истории МЛК и ММК, как оказалось, можно рассмотреть вообще все без исключения философские направления в СССР в период с 1953 по 1991 годы. Парадоксальным образом, сборник, направленный на критическое освещение философии Щедровицкого легитимировал основателя методологического движения, и воздал ему должное признание, которого Щедровицкий так и не получил при жизни. Существенно было и то, что обсуждение методологии и личности Щедровицкого получилось максимально, насколько это вообще возможно, объективным. Возможность высказаться получили все без исключения стороны, что во многом определяет абсолютно классический статус книги «Познающее мышление и социальное действие». Как редактор, Кузнецова, несмотря на всю показную ангажированность и неприятие методологии, очень грамотно подошла к подбору и организации материала, что ставит ее в один ряд с прекрасным редакторским чутьем Лекторского в двухтомнике «Философия не кончается...».

Итак, к 2004 году история методологического движения получила свое классическое оформление. Наконец, в 2009 – 2010 гг. Институт философии издал серию книг «Философия России второй половины XX века». Серия охватывает практически все известные имена советских философов. Один из томов 2010 г. был посвящен философии Георгия Щедровицкого. Редактором тома «Философия России второй половины XX века. Георгий Петрович Щедровицкий» стали Петр Щедровицкий, сын Георгия Щедровицкого, и Вера Данилова, одной из представительниц третьего поколения Московского методологического кружка.

К тому времени прошло шесть лет с даты публикации сборника Кузнецовой, и потому заведомо было ясно, что новый сборник под редакцией Щедровицкого и Даниловой будет заряжен «реваншизмом». В предисловии редактора Щедровицкий-мл. говорит об этом открыто и прямо (Ščedrovickij 2010: 6). Это довольно ценное замечание редактора, позволяющее понять не только отношение к сборнику под редакцией Кузнецовой, но и позиционирование авторов нового сборника. Попытка приклеить книге ярлык, обозвав его «желтым сборником» (по цвету обложки книги «Познающее мышление и социальное действие»), сразу обращает внимание читателя на снижение уровня дискуссии, чего, стоит отметить, не позволял себе ни один автор по истории советской философии, начиная с 1991 года. И тем не менее, допустив это высказывание, редакторская направленность коллективной монографии стала предельно прозрачной. Если предыдущий сборник был осмыслением методологии извне, то, по замыслу авторов, новый сборник выгодно от него отличается, поскольку его авторы смотрят на ситуацию изнутри. В реальности же это далеко не так. Право на интерпретацию методологического наследия бесспорно имеют все участники процесса становления методологии, особенно те из них, кто представлял наиболее авторитетное для философии первое и второе поколение методологов. Безусловно, имели право высказаться и участники третьего поколения, заставшие методологию Щедровицкого на этапе реализации третьей методологической программы – в эпоху организационно-деятельностных игр. Но новое поколение не имело никакого приоритета на высказывание, а было равным среди равных, и потому, безусловно, назвать книгу под редакцией Кузнецовой позицией «извне», а книгу под редакцией Даниловой и Щедровицкого-мл. – позицией «изнутри» было по меньшей мере натяжкой, а по большому счету, если использовать риторический стиль полемики автора предисловия, банальным передергиванием фактов (Ščedrovickij 2010: 6).

Гораздо важнее оценочных суждений было то – и это интриговало в первую очередь, – под каким углом зрения предстанет методология в новом прочтении. Видимо, одного из редакторов полученные результаты не совсем удовлетворили, по крайней мере, если исходить из его оценки, представленной на суд читателей книги. И тем не менее, пусть даже с оговорками, что «процесс формирования своей позиции был труден», то есть, не полностью отвечал пожеланиям редактора, было важно понять, что же нового внесли статьи, отобранные для сборника, по сравнению с уже существующими наработками по истории ММК. Надежду на то, что сборник будет на соответствующем научном уровне, вселяло как минимум то, что главным редактором всей серии «Философия России второй половины XX века» был Лекторский.

В первую очередь обращает на себя внимание то, что авторы сборника явно претендовали на философское, а не просто историческое осмысление методологии. Из десяти статей сборника, если не считать предисловие Щедровицкого-мл. и архивную публикацию Щедровицкого-ст., легко выделить основные тексты, авторами которых были Вячеслав Марача, Вадим Розин и Матвей Хромченко.

Статья Марачи, открывающей сборник, задумывалась как систематическое введение в методологию Щедровицкого. Какое значение этой статье предавали редакторы сборника, ясно из предисловия (Ščedrovickij 2010: 7). В случае Марачи

речь шла буквально о программной статье, где по замыслу должны подробно быть проанализированы все этапы эволюции ММК. Однако большая по объему и грандиозная по замыслу, статья Марачи запомнится разве что хорошо подобранной библиографией, где из 74 цитированных источников 29 позиций – это публикации Георгия Щедровицкого. По содержанию же статья Марачи представляет собой попытку наукообразной систематизации главных проблем методологии, к сожалению, абсолютно неудачных по своему исполнению.

Например, совершенно обескураживает, что завершающие три страницы статьи, где вполне обосновано было бы ждать подведения итогов, Марача ведет ожесточенный хоть и заочный спор с неким Некитаевым о том, кто добился больших успехов в философии – Кант или Щедровицкий. Так, Марача цитирует «Критику чистого разума» Канта, § 27, второй части трансцендентального учения о началах.

Существует только два пути, на которых можно мыслить *необходимое* соответствие опыта с понятием о его предметах: или опыт делает эти понятия возможными, или эти понятия делают опыт возможным. Первого не бывает в отношении категорий... так как они суть априорные, стало быть, независимые от опыта понятия..., следовательно, остается лишь второе (допущение). (Кант 1964: 214; Мараца 2010: 61)¹

Однако, после цитирования слов Канта, Марача делает немного неожиданное, победоносное заключение. Курсив, естественно, принадлежит Мараче.

Таким образом, гениальный Кант вынужден делать достаточно дурацкий *выбор между двумя видами натурализма: обыкновенным эмпирическим – и «перевернутым» рационалистическим, т. е. гносеологическим натурализмом априорных форм мышления.* Интересно, что при этом *он абсолютно уверен, что третьего не дано.* (Мараца 2010: 61)

Действительно, интересно. Далее Марача продолжает оборванную цитату Канта, главной мыслью которой был поиск альтернативы, которую видит, естественно, в своей критической философии. «Быть может, кто-нибудь предложит средний путь между обоими указанными единственно возможными путями» (Кант 1964: 215). А Марача же делает из прочитанного экстравагантных вывод:

Если комментировать этот абзац в духе гуманитарной фантастики, то интересно, что добавил бы к нему Кант, живи он в наше время. Ведь ММК реализовал предвосхищенный им «средний путь», вырастив на себе коллективно-распределенное мышление. (Мараца 2010: 62)

Еще раз нужно напомнить, что в данном случае речь идет о финальной части программной статьи, открывающей сборник. При этом представляется избыточным множить примеры из публикации Марачи, общий ход его мышления более чем понятен.

¹ Не будем придирается к тому, что, цитируя этот фрагмент из 3 тома Сочинений Канта в 6 томах, вышедшей в серии «Философское наследие», Марача указывает, что процитированные предложения находятся на страницах 214-215 (Мараца 2010: 61), в то время как открывая издание Канта легко убедиться, что цитируется только 214 страница. Будем считать, что это «детали».

Совсем другой уровень анализа ММК представлен в статье ветерана методологического движения Вадима Розина. Ранее уже отмечалось, что предыдущая статья Розина, представленная во втором томе сборника под редакцией Лекторского «Философия не кончается...» на годы вперед определила общее толкование истории Методологического кружка. Тем важнее понять, какую эволюцию претерпела позиция Розина за более чем десятилетие с момента знакового публичного высказывания. В целом, Розин остался на тех же позициях, которые разделял раньше. Отличие же его взглядов от ранее высказанных состояло лишь в частичной смене Розиним собственного позиционирования в отношении ММК. В словах Розина просматривается определенная эмансипация от привычки методологов держаться строем и занимать заведомо оборонительную позицию. Освобождение мышления Розина отчетливо проявляется в гораздо более отстраненном и научном взгляде на историю ММК, чем это было прежде. Вот, например, как Розин видит общую структуру спектра проблем, решаемых ММК на протяжении всех лет существования кружка, и в первую очередь разворачивание сюжета о степени оригинальности методологической теории мышления (Rozin 2010: 91).

Важнейшее отличие нового взгляда Розина было в том, что он спустя годы оказался готовым полемизировать с Щедровицким, причем по наиболее существенному вопросу – в отношении проекта содержательно генетической логики Щедровицкого и его критики формальной логики. Наконец, самое ценное из размышлений Розина может считаться то, что он чуть ли не единственный, кто признал значение диссертации Щедровицкого, постоянно по каким-то необъяснимым причинам выпадавшую из поля зрения методологов. Но в то же время, Розин изъясняется без обычного для методологов заискивания и раболепства перед личностью Георгия Щедровицкого, трезво и точно указывая на его промахи и ошибки.

Розин как никто другой, и даже гораздо тоньше чем Садовский и Лекторский, понял психологическую природу Щедровицкого, некое «нутро», принуждающее основателя методологии вкладывать свой замысел в сущностное основание философских систем Аристотеля и других классиков философии, утверждающих приоритет над мышлением неизменных законов мышления. Попытка Щедровицким переиграть, перечитать, перетолковать в свою пользу, даже путем искажения, теорий мышления диалектиков и логиков, для Розина – явление совершенно отталкивающее. Именно эта нераскаянность основателя методологии, готовность идти на всевозможные подтасовки в логике, подменяя ее софистикой, беспокоило Розина больше, чем что-либо другое. Существующая внутри каждого настоящего философа интуитивное желание идти вслед истине, подчинить свое мышление истинам и законам разума, – и Розин полностью разделяет эту интуицию, – шло вразрез с основной целью методологии, впервые выраженной средствами содержательно-генетической логики: подчинить логические законы разума своей, методологической воле.

В сборнике под редакцией Щедровицкого-мл. и Даниловой статья Розина была самым глубоким и сильным высказыванием, по своей остроте и значимости

максимально приближенной к лучшим статьям сборника под редакцией Кузнецовой. Большая последняя статья Матвея Хромченко, одного из наиболее авторитарных историографов ММК, выгодно отличается от большинства других статей сборника исторической направленностью, чуждой созданию самочинных реконструкций методологической философии. Но, с другой стороны, выполняя те же функции, какие в сборнике Кузнецовой выполняла публикация Пископпеля, в отличие от последней, статья Хромченко не содержала новых фактов, ранее неизвестных из других подобного плана публикаций. Еще одним недостатком статьи Хромченко можно считать некритическое воспроизведение чужих мнений, никак не отшлифованных собственной рефлексией. И тем не менее, вместо со статьей Розина, публикация Хромченко есть то лучшее, что содержит сборник «Философия России второй половины XX века. Георгий Петрович Щедровицкий».

На сборнике 2010 года временно обрывается осмысления феномена Московского методологического кружка, если не считать уже проанализированную книгу об истории советской философии Нелли Мотрошиловой, вышедшей в 2012 году.

Выводы по истории развития Московского логического кружка

Как было продемонстрировано в развернутом выше описании, Московский логический кружок стал первой послевоенной школой мышления, по своим идейным основаниям и философским принципам в корне отличавшийся от созданного на его руинах Московского методологического кружка. Главным действующим лицом МЛК был Александр Зиновьев, выступавший для остальных трех участников – Грушина, Щедровицкого и Мамардашвили – в роли единственного наставника и абсолютного авторитета. Проект содержательной логики Зиновьева был воплощен в диссертации “Восхождение от абстрактного к конкретному” ставшей практически учебником логики для членов кружка. Осознание Зиновьевым неподъемного характера поставленной цели развернуло его интересы в сторону современной на то время математической логики. Грушин и Мамардашвили тоже отказались от проекта содержательной логики и вернулись к традиционному диалектическому мышлению. Георгий Щедровицкий оказался единственным участником логического кружка, который не перестал верить в возможность создания новой советской логики, результатом чего стало переформатирование кружка и возникновение методологии.

Теория мышления и содержательно-генетическая логика.

Первая исследовательская программа ММК (1952/1957 – 1964)

В данном контексте наиболее значимы два принципиальных момента устройства семинаров ММК: 1) вынесение идеального содержания «на доску» (объективация), осуществлявшаяся в ходе коллективного обсуждения; 2) признаваемое всеми

лидерство Г. П. Щедровицкого как основание для задания «генеральной линии» разворачивания содержания и преодоления конфликтных ситуаций.
Вячеслав Марача

МЛК и ММК имеют одну и ту же дату рождения. В 1952 году, со времени знакомства первых участников кружка, начинается реализация первой исследовательской программы. Но представления отдельных участников кружка события его становления выглядели по-разному, иногда совершенно до неузнаваемости.

Философия раннего Зиновьева двигалась по траектории от формальной к математической логике, а диалектика в диссертации о Марксе была лишь мимолетной увлеченностью. Грушин представлял себе логику как историю становления научного мышления, оставаясь вдалеке от разрывающих советское академическое пространство споров о новой логике. Мамардашвили, ученик Ойзермана, прошел этапы марксистской и экзистенциальной диалектики, и завершил свой путь в диалектике христианства. Ни Зиновьев, ни Грушин, ни Мамардашвили никогда не были участниками Московского методологического кружка. Все трое с момента основания и до самого распада были членами МЛК.

Щедровицкий, формально состоявший в логическом кружке с момента присоединения к Зиновьеву, уже содержательно, в своих мыслях, пребывал в ММК. Поэтому не должно удивлять наше намеренно провокационное суждение о том, что МЛК и ММК родились в одном году и длительное время сосуществовали параллельно. Наоборот, лишь такой угол зрения позволяет рассмотреть запутанную и сложную историю кружков в ее полноте, без упрощения и схематизации «на досках».

В том случае, если 1952 год будет принят в качестве точки отсчета МЛК и ММК, то где будет поставлена финальная точка логического кружка? Ладенко и Пископпель были единственными, кто назвал конкретное время, а именно 1957 год. Правда нужно уточнить, что Ладенко, как мы помним, считал, что в 1957 году закончилась институализированная жизнь логического кружка на философском факультете МГУ, но кружок продолжил работать в неформальном статусе и дальше. Временем же распада МЛК Ладенко называл 1958 год, а главным триггером этого события послужил его, Ладенко, уход из кружка. Ранее было сказано, что это событие никак не может считаться причиной распада Логического кружка. А вот переход от официального к неофициальному статусу кружка для этой цели подходит гораздо больше. Пископпель тоже называет дату 1957 год, но не связывает ее с прекращением работы кружка на кафедре логики. Мотивом для распада МЛК, по мнению Пископпеля, было ухудшение личных отношений между членами кружка. Об этом же пишет, но не называя конкретной даты, и Садовский.

В этом случае, если принять версию событий в изложении Пископпеля и Садовского, нужно выяснить, во-первых, был ли разлад в кружке между всеми его

членами, или же имело место охлаждение отношений между конкретными, возможно двумя, участниками. Во-вторых, когда станет ясно, между кем из участников произошел разрыв, важно понять, какое фактическое событие стало тому причиной.

Из истории кружка нам известно, что Грушин и Мамардашвили покинули МЛК добровольно и без ссор. Иначе сложились отношения в кружке между Зиновьевым и Щедровицким. Оба претендовали на лидерство, оба радикально по-разному видели пути его развития. В предыдущей части об этом рассказано подробно, поэтому достаточно перейти к главному вопросу – какое фактическое основание стало причиной распада МЛК в 1957 году? Слишком было бы просто свести это событие до личного конфликта Щедровицкого с Зиновьевым. За личным конфликтом был профессиональный. Два философа разошлись не из-за личных обид, а по глубоким идейным основаниям. Именно идейное разномыслие лидеров МЛК привело к известному исходу. Но если для Зиновьева, Грушина и Щедровицкого в 1957 г. история членства в кружке закончилась, то для Щедровицкого все только начиналось. Уже к 1957 году у него не только был замысел создания нового кружка, но и его идея – построение содержательно-генетической логики. К этому времени вокруг Щедровицкого появились новые соратники, сопровождавшие его как минимум до середины шестидесятых годов. Таким было рождение первой исследовательской программы Московского методологического кружка.

Однако мы еще не выяснили, какое фактическое событие было декларацией, точнее, целой программой, нового кружка под уже единоличным лидерством Щедровицкого. Почти все писавшие о МЛК и ММК этот пункт обходят молчанием. Даже формулировка такого вопроса практически всегда отсутствует. Один лишь Садовский точно определил это событие: речь идет о первых публикациях Щедровицкого, где впервые в профессиональном академическом пространстве публично прозвучала идея создания новой логики. Таким образом, главное событие, послужившее причиной распада МЛК и возникновения ММК, по наш взгляд, стало состояло в публикации первой исследовательской программы методологического кружка. Это главный тезис этой части данного исследования, который еще нужно будет обосновать и доказать.

В то же время, не менее важно понять, в какой из публикаций первого периода ММК идеи, впервые изложенные в 1957 году, получили свое классическое воплощение. Мы считаем, что первая исследовательская программа методологии была реализована в кандидатской диссертации Георгия Щедровицкого, защищенной в Педагогическом институте им. Г. Плеханова в 1964 году.

Итак, общая схема реализации первой исследовательской программы ММК объективно прослеживается через конкретный набор публикаций, а именно: первую статью Щедровицкого «Языковое мышление» и его анализ», опубликованную в первом номере «Вопросов языкознания» за 1957 г., первую статью Щедровицкого в соавторстве с Никитой Алексеевым «О возможных путях исследования мышления как деятельности», изданную в 1957 г. в третьем номере Докладов Академии педагогических наук РСФСР, и имевшую продолжение под тем же названием в Докладах АПН РСФСР 1958 (№ 1,4), 1959 (№ 1, 2, 4), 1960 (№ 2, 4, 5, 6), 1961 (№ 4,5)

и 1962 (№ 2, 3, 4, 5, 6) годов, диссертацию Щедровицкого на соискание степени кандидата философских наук «Языковое мышление» и методы его исследования» (1964). Анализа этих публикаций вполне достаточно, чтобы получить объективное и полное представление о проекте содержательно-генетической логики и методологической теории мышления.

Впрочем, к этому списку публикаций Щедровицкого нужно присоединить одну забытую, но принципиально важную для понимания первой исследовательской программы ММК, статью Зиновьева «Об одной программе исследования мышления», опубликованной в тех же Докладах АПН РСФСР, во втором номера за 1959 год.

Анализ статьи «Языковое мышление» и его анализ» и диссертации «Языковое мышление» и методы его исследования» достоин отдельной публикации, здесь же все внимание будет сосредоточено на первой публичной научной дискуссии между Зиновьевым и Щедровицким, произошедшей на платформе журнала «Доклады АПН РСФСР».

Можно не сомневаться в том, что эта тихая интеллектуальная война между Зиновьевым и Щедровицким прошла для современников абсолютно незамеченной. Важную роль тут сыграло скорее не то, что «Доклады АПН РСФСР» были узкоспециализированным изданием, а то, что эти «Доклады» не обладали научным статусом, сравнимым, например, с «Вопросами философии», «Вопросами психологиями» или теми же «Вопросами языкознания». Дискуссия логика и методолога на шестьдесят лет была погребена архивах.

Воскрешение дискуссии Зиновьева со Щедровицким, кроме своей основной функции, решает еще и задачу осмыслить разрыв между МЛК Зиновьева и ММК Щедровицкого. Наверное, наиболее симптоматичным проявлением интересующего нас раскола может служить одно действие, совершенное основателем методологии. Своими публикациями 1957 г. Щедровицкому удалось перехватить инициативу в кружке и одновременно включиться в актуальную повестку советской философии эпохи Хрущева. Новые тенденции в советских школах мышления только формировались, а существующий диамат и истмат становился все более рыхлым и аморфным. Щедровицкий и его новый круг единомышленников вовремя осознали, что включиться в научную повестку означает волевое решение ее формировать. Ильенков только готовил к печати свою первую монографию с обновленной материалистической диалектикой, Зиновьев после защиты диссертации прервал свое увлечение им же придуманной содержательной логикой, поскольку хорошо понимал, что создавать логику с нуля есть удел дилетантов. Быть лидерами своего поколения Ильенкову и Зиновьеву было сложно, ни один из них не был на хорошем счету в Институте философии, особенно после скандала с тезисами Коровикова и Ильенкова (1954 – 1955) и не меньшим скандалом с защитой кандидатской диссертации Зиновьева (1954). В этом отношении Щедровицкий пребывал в тихой гавани, в равной мере далекий от перспектив работы как в Институте философии, так и на философском факультете МГУ. В отличие от старших своих коллег, уже защитившихся и потому хорошо известных в кругу московских философов, Щедровицкому еще предстоял долгий путь к защите. В 1964 году его мечта исполнилась: Щедровицкий

стал кандидатом философских наук. Выполнив свою «программу минимум» в академической науке, глава методологического кружка стал все больше отдаляться от своих бывших друзей времен обучения в МГУ и начал приближать к себе людей, максимально далеких от философии.

Но в том далеком 1957 году, когда до защиты диссертации оставалось долгих семь лет, Щедровицкий сделал шаг, на годы вперед определивший ход его жизни. Синтез теории и практики он усмотрел в соединении теории мышления в логике и психологии с марксистско-ленинской теорией деятельности. Программная статья «О возможных путях изучения мышления как деятельности», написанная в соавторстве с Алексеевым, несмотря на явно вымученное название, в своем содержании была предельно прозрачна, что выгодно отличало ее от публикаций Щедровицкого начиная с середины 1960-х годов.¹

В структуру программной статьи встроены три основных темы: теория мышления, техника мышления и приемы мышления. Начнем анализ с предложенного авторами общего наброска теории мышления. Мышление, в толковании Алексеева и Щедровицкого, существует либо в статике, как раз и навсегда закрепленное знание, имеющее свои неизменные законы и правила, либо же мышление находится в динамике, а значит наличие в нем знания есть никогда не завершающийся процесс.

Мышление можно рассматривать в двух различных аспектах: во-первых, как образ определенных объектов, как фиксированное знание, во-вторых, как процесс или деятельность, посредством которой этот образ формируется, а затем используется. (Alekseev & Ščedrovickij 1957)

По мнению двух молодых советских философов, до настоящего времени четкого разграничения между двумя этими аспектами рассмотрения мышления так и не произошло. При этом они готовы признать, что «в скрытой форме это различие намечалось в истории науки уже давно и, фактически, в различных исследованиях всегда то один, то другой из этих аспектов становился основным предметом изучения, все же достаточно четкого, последовательного и осознанного различия деятельности мышления и фиксированного знания так и не было выработано, а поэтому не были выработаны и исходные понятия, которые могли бы лечь в основу всех дальнейших исследований этих двух аспектов как таковых» (Alekseev & Ščedrovickij 1957). Но поскольку всю науку, в ее исторической разрезе и в современном состоянии проанализировать сразу и полностью невозможно, то Щедровицкий с Алексеевым сужают угол рассмотрения мышления только до формальной логики, внутри которой специалистами этой науки тоже осталась не замечена двухаспектность мышления, вследствие чего на логику воздействует набор скрытых предпосылок, в которых утверждается неизменность и полнота уже существующего в мышлении знания. К тому же, уже в таком заранее утверждаемом и утвержденном знании, если придерживаться

¹ Мы далеки от мысли, чтобы сводить отсутствие в статье путанных мыслей только к авторскому таланту Алексеева, но фактом остается то, что написанное Щедровицким в соавторстве читается понятней и легче, чем в том случае, когда он оставался с русским языком один на один. Можно также предположить, что среднее и позднее творчество Щедровицкого, перенасыщенное разнообразными моделями и схемами, возникло как раз с той целью, чтобы сбалансировать в подобных публикациях соотношение языка и мышления. Современная российская методология строго следует этой традиции.

установленных в логике правил, заранее готов способ поиска ответа на вопрос о том, какое суждение в мышлении соответствует истине, а какое – нет.

Во всех теориях формальной логики (включая сюда логику отношений и математическую логику) этот недостаток, в частности, проявляется в том, что при анализе процессов познающего мышления они исходят из наличия во всяком рассуждении, уже в его начальном пункте, ряда готовых знаний, непосредственно связанных между собой. (Alekseev & Sčedrovickij 1957)

Но для наших авторов такой ход рассуждения кажется не совсем отвечающим глубине и сложности познающего мышления, обязанного соответствовать глубине и сложности всегда существующего в динамике знания.

Между тем, в исходном пункте действительных познающих процессов мышления всегда бывают даны не два непосредственно связанные между собой знания, которые надо сократить и заместить одним знанием, а какое-то сложное исходное знание, выраженное в той или иной форме, и задача или целевая установка исследования. (Alekseev & Sčedrovickij 1957)

Если принять во внимание такую постановку вопроса, тогда открытость, динамичность и изменяемость мышления может извлекать из себя новое, ранее несуществующее знание.

Действительная проблема мышления и, в частности, построение рассуждения состоит в отыскании ряда других знаний, которые бы в сочетании с исходным и при определенной переработке того и другого позволили решить поставленную задачу. (Alekseev & Sčedrovickij 1957)

На основании этого умозаключения Алексеев и Щедровицкий высказывают предположение, согласно которому динамичное мышление, уже противопоставленное традиционному статичному мышлению, в своем основании построено на изначальном целеполагании, регулирующее ход и результаты мышления. Но поскольку это динамичное мышление, названное Щедровицким и Алексеевым познающим мышлением, всегда находится в процессе преобразования, то исчезает угроза предопределенности ходов мышления, черпающее свой материал из систематически преобразующегося знания.

Таким образом, в действительных процессах познающего мышления задача или целевая установка выступает в качестве регулятива, определяющего в соответствии с исходным знанием, во-первых, выбор и определение другого знания, составляющего вместе с исходным рассуждение, во-вторых, переработку всего исходного материала в новую синтетическую форму. Ядро этой переработки состоит не в исключении опосредствующих элементов и связей, а прежде всего в установлении каких-то новых связей между уже имеющимися знаниями. При этом отношение между задачей и исходным материалом и является тем лежащим за самими высказываниями основанием, которое определяет ход движения мысли. Формальная логика ничего не говорит об этом основании, а ведь очевидно, что если мы хотим понять определяющие связи действительных процессов познающего мышления и выработать для него методологические нормативы, то должны зафиксировать

в логических понятиях именно это, т.е. регулирующую функцию отношения исходного знания к задаче. (Alekseev & Ščedrovickij 1957)

Само намерение Алексеева и Щедровицкого не вызывает существенных возражений, однако этот «регулятив» знания в познающем мышлении отчасти теряет свою новизну, поскольку подразумевает использование (выражаюсь в производственных терминах, даже как бы вторичное использование) уже существующих и оформленных для решения других задач набор логических понятий, целиком и полностью зависимых, если использовать терминологию молодых методологов, от статичного, непроцессуального мышления.

Целиком осознавая эту угрозу, Щедровицкий и Алексеев все-таки идут не по пути создания набора неологизмов, – а это всегда наиболее рискованный путь, – а с помощью подключения к логическому анализу психологического подхода. Нельзя сказать, что этот шаг каким-то образом выбивается из традиционного подхода к исследованию мышления. Как минимум с начиная с середины XIX в. и вплоть до середины XX так обычно философы с психологами и делали. Например, во втором издании «Основ общей психологии» Рубинштейна прямо сказано, что психология опирается на логическое представление о мышлении, если мышления рассматривать с позиции его нормативности (Rubinštejn 1946). В переизданном в 1947 г. «Учебнике логики» Челпанова проводится ровно та же мысль (Čelpanov 1910; Čelpanov 1917). Правда, в теории мышления Выготского, на которую опирался Щедровицкий, соотношение логического и психологического подходов к мышлению выглядело гораздо сложнее, но сам факт возможности анализа мышления одновременно под логическим и психологическим углами зрения Выготский, насколько нам известно, не отрицал (Vygoskij 1996).

Молодые методологи понимали и то, что марксистско-ленинский подход к психологической науке подразумевает разработку теории деятельности. По этому пути пошла школа Леонтьева, такой подход присутствовал в интроспективной психологии «раннего» Рубинштейна, на этот же путь встали Алексеев и Щедровицкий. Изъян же психологии, считали авторы статьи, логике, состоял в том, что психология, как и логика, недооценивала динамичность, открытость и процессуальность мышления в развитии деятельности.

В психологии этот же недостаток проявляется иначе. Ее теории рассматривают мышление, прежде всего, как деятельность, но при этом в общем и целом недостаточно внимания уделяют другому ее аспекту и поэтому не могут выявить зависимость процессов мышления от структуры знания, движущегося в них. Мышление, рассматриваемое в аспекте знания, представляет собой сложную взаимосвязь, в которой группы определенным образом связанных между собой знаков по определенным законам замещают реальные объекты и друг друга в отношении к действиям человека. (Alekseev & Ščedrovickij 1957)

Далее молодые советские философы пишут следующее.

Обычно процессы и действия мышления определяются по их продуктам – определенным структурам знания. В некоторой степени это оправдано, так как всякое движение, всякий процесс сначала выявляется нами в виде

последовательности состояний, являющихся каждый раз результатом процесса, а это и будут в данном случае определенные структуры знания. Но – оправдано лишь в некоторой степени, так как затем особым образом построенное исследование этих состояний должно вскрыть в них форму самого процесса. (Alekseev & Ščedrovickij 1957)

И это понятно, знание как продукт, с учетом того, что содержание такого знания получено из динамичного и изменяемого мышления, теряет былую ценность истины. Поэтому акцент со знания как продукта мыслительной деятельности смещается к самой деятельности мышления, как чему-то наиболее неизменному в этой сложной конфигурации.

При условии, что мы принимаем точку зрения Щедровицкого и Алексева на динамичную и процессуальную природу мышления, в таком случае познаваемый объект как будто бы утрачивает свойство быть познанным. Ведь подобный взгляд на мышление, запрещающий высказываться в категоричных суждениях, запрет утверждать, что вот эта вещь или есть, или ее нет, то есть определять сущность или определенно высказываться о свойствах вещи, приводит к тому, что мышление бессильно перед вещью. Пусть так, но тогда каков же статус подобной, по сути, неопознанной вещи, существующей до момента ее опознания? В этом пункте Алексева и Щедровицкий впервые в Советском Союзе демонстрируют различие объекта и предмета, известное каждому, кто когда-либо защищал собственное диссертационное исследование.

Всякую вещь, явление, процесс, всякую сторону, всякое отношение между явлениями, одним словом – все то, что познается, поскольку оно еще не познано и противостоит знанию, мы называем объектом исследования. Те же самые вещи, явления, процессы, их стороны и отношения, поскольку они уже известны, с определенной стороны зафиксированы в той или иной форме знания, «даны» в ней, но подлежат дальнейшему исследованию в плане этой же стороны, мы называем предметом исследования. (Alekseev & Ščedrovickij 1957)

Другими словами, объект дан в процессуальном мышлении, а предмет – в статичном мышлении. Хотя это обе стороны одного и того же мышления, но характер подхода к мышлению определяет характер и степень познаваемости вещи, существующий либо в статусе объекта, либо в статусе предмета.

Так завершается часть теории мышления Щедровицкого и Алексева, и осуществляется переход к практике мышления, названной авторами технологиями или операциями мышления. Эти операции состоят из совокупности процессов мышления, каждый из которых сам по себе еще предстоит исследовать. В этом отношении мы видим, что Алексева и Щедровицкий в переходе от теории к практике мышления для тактику психологизации мышления, т.е. изучение его не с позиции нормативности, а с точки зрения проблематизированной данности. Способы оперирования мышлением, и в то же время, с помощью анализа выход на элементарные, неделимые далее операции мышления, авторы описывают следующим образом.

Однако все это является лишь началом анализа процессов мышления как таковых. Большинство из них представляют собой сложные образования, которые могут быть расчленены на составляющие процессы. Для этого внутри каждого первоначально выделенного процесса мышления надо найти «промежуточные» задачи и соответственно промежуточные «конечные результаты» и «исходные пункты», по ним определить указанным выше способом процессы и обозначить их особыми языковыми знаками. Последовательное применение такого анализа должно в конце концов привести нас к таким процессам мышления, которые таким методом уже не могут быть разложены на составляющие. Такие далее неразложимые или элементарные с точки зрения этого метода процессы мышления мы будем называть «операциями мышления». Разлагая процессы мышления на составляющие их операции и исследуя типы связей между операциями, мы переходим в новую и почти неразработанную область исследования деятельности мышления, в область исследования ее строения. Строение (элементарный состав и структура) процессов мышления будет, очевидно, их третьей важнейшей и притом специфически «процессуальной» характеристикой. (Alekseev & Sčedrovickij 1957)

Иначе говоря, выход на конечный и повторяемый набор операций мышления позволяет составить, как предполагают авторы статьи, «типологию» набора операций, из которых состоит деятельность мышления.

Возможность же выйти на подобную типологию операций мышления, обеспечивает анализ процесса хода мышления, внутри которого заблаговременно фиксируются исходные пункты, промежуточные задачи и конечные результаты мышления. Конечно, подобный ход мышления наталкивает наших философов на мысль, созвучную высокой и поздней схоластике, из типологии операций мышления некую автоматизированную комбинаторику.

Разлагая таким образом различные процессы мышления, мы будем получать все новые и новые операции. Однако, с другой стороны, мы будем встречаться и с уже выделенными ранее операциями. Хотя отдельные части существующего в настоящее время совокупного знания весьма отличаются друг от друга, а, следовательно, отличаются друг от друга и процессы мышления, посредством которых это знание получено, тем не менее можно будет, по-видимому, найти и сравнительно небольшое число операций мышления, таких, что все существующие эмпирические процессы мышления можно будет представить как их комбинации. Перечень всех этих операций мышления мы называем «алфавитом операций». (Alekseev & Sčedrovickij 1957)

Желаемый, но еще не построенный внутри теории процессуального мышления. Подобный алфавит операций демонстрируется на примере операций сопоставления и соотнесения.

Анализ выделенных к настоящему времени операций показывает, что все они складываются по крайней мере из двух принципиально различных частей: «сопоставления» и «отнесения». (Alekseev & Sčedrovickij 1957)

От операций мышления авторы статьи предлагают отличать действия мышления, а из последних «складываются типовые или «нормальные» сложные процессы мышления,

которые мы будем называть «приемами», и их определенные комбинации, называемые «способами» исследования. Одновременно это даст нам систему действий мышления, в которой отдельные действия будут находиться между собой в отношениях субординации, и систему способов исследования, в которой все способы будут классифицированы в зависимости от характера их предмета и сложности действий мышления, лежащих в основе каждого из них» (Alekseev & Sčedrovickij 1957).

Так в общих чертах выглядит первая методологическая программа исследования мышления. Целых два года эта программа не обращала на себя внимания, пока не появился краткий отзыв на нее со стороны Зиновьева. Последний даже не скрывал своего раздражения, что очень четко одет о себе знает его четырехстраничный текст.

В статье Г. П. Щедровицкого и Н. Г. Алексева «О возможных путях исследования мышления как деятельности» изложена своего рода программа исследования мышления. Эта программа вызывает некоторые сомнения как с точки зрения формулировки общей задачи, так и с точки зрения предлагаемого пути решения. (Zinovjev 1959: 71)

Критика Зиновьевым программы исследования мышления Щедровицкого и Алексева сводится только к тому, чтобы показать, что поставленные задачи давно и успешно решают формальная логика, логическая семантика и кибернетика. Общую задачу, поставленную авторами публикаций, Зиновьев понимает как очередную попытку сформулировать логические правила через отказа от беспредпосылочности, но через адаптацию в мышлении целевой установки.

Авторы настаивают на необходимости исследования мышления как деятельности, посредством которой формируются и используются знания, учитывая при этом целевую установку. (Zinovjev 1959: 71)

Далее Зиновьев достаточно корректно пересказывает главные узловые темы теории мышления Щедровицкого и Алексева.

Путь исследования мышления, предлагаемый авторами, таков: анализируя эмпирически данные процесса мышления, построив «алфавит операций», чтобы затем их комбинирования дать описание «всех существующих эмпирических процессов мышления» ... Обратимся непосредственно к пониманию авторами операций. Всякая операция, утверждают они, состоит по крайней мере из двух частей – сопоставления и соотнесения. Таким образом, операции оказываются сложными образованиями, а «алфавит» операций для своего задания требует каких-то других понятий логики. Нетрудно убедиться в том, что это будут обычные понятия логики. (Zinovjev 1959: 71)

Зиновьев объясняет, что операции соотношения и сопоставления давно существует в логике, где они активно используются для решения чисто формально-логических задач.

Что такое сопоставление? Поскольку термин «сопоставление» в рассматриваемой статье не определяется, дадим ему пояснение. Сопоставление – отражение двух или более различных предметов в процессе

построения высказывания или термина. «Если сопоставление предметов при их сопоставлении совершается уже в терминах и высказываниях, то сопоставление полностью описывается в понятиях теории следования, теории определения и т.д. (Zinovjev 1959: 71–72)

Но и в таком случае «процесс описывается в обычных понятиях логики. Что же касается участия в этом описании таких понятий, как «сопоставление» и «упорядоченность», так в этом нет ничего необычного и противоречащего существующей логике. Общеизвестно, например, что даже в аристотелевской силлогистике упорядоченность терминов в посылках и выводе является существенным фактором. Однако указанные понятия лишены всякого смысла, если их употреблять изолированно от основных понятий логики» (Zinovjev 1959: 73).

После анализа понятия сопоставления Зиновьев переходит к следующему вопросу:

Что из себя представляет другая часть всякой операции – отнесение? Очевидно, это может быть выяснение значения истинности высказываний, установление соответствия знаков предметам, оценка этого характерного соответствия, моделирование знаний и т.д. По всем этим вопросам в логике и близким к ней наукам (в особенности, в логической семантике) имеется чрезвычайно богатая литература, не нашедшая никакого отражения в предлагаемой авторами программе. Причем, не представляет труда показать, что и этот круг проблем решается посредством обычных понятий логики. Например, оценка высказывания по его значению истинности может быть представлена как вывод из соответствующих (введенных для данных структур высказываний) определений значений истинности и высказываний, описывающих ту ситуацию, с которой сопоставляется данное высказывание, или вообще как вывод внутри данного метаязыка; если соответствие знаков и предметов устанавливается или оценивается посредством других знаков и высказываний, то это может быть изучено в понятиях теории определений и т.д. (Zinovjev 1959: 73)

Но и здесь Алексеев и Щедровицкий двигаются вполне в общем потоке, поскольку, декларируя новые подходы, они все-же не решились создать свой свод неологизмов, что Зиновьев вменяет им в вину.

И, наконец, Зиновьев делает оглашает свой заключительный вердикт.

Мы отнюдь не отрицаем «процессуального» подхода к объяснению свойств... знаний из процессов их построения... Однако в той форме, в какой этот подход излагается в статье Г. П. Щедровицкого и Н. Г. Алексеева, он по изложенным выше причинам нам представляется неприемлемым. (Zinovjev 1959: 74)

Этот вывод был определяющим знаком для полного исчезновения содержательной логики как проекта, в который Зиновьев отныне больше никогда не верил.

Выводы по первой исследовательской программе ММК

Итак, окончательный разрыв Зиновьева с Щедровицким наступает в то время, когда сам Щедровицкий впервые выходит в общественное пространство, заявляя о себе и своих товарищах из методологического кружка, а также о праве

модернизировать логику. Полное воплощение теория мышления Щедровицкого получает уже только в диссертации, но при этом все основные наработки 1957 г. были сохранены. Но чтобы войти в контекст оформления содержательно-генетической требовалось преодолеть преграду авторитетного советского аристотелизма. С переменным успехом в философии, Щедровицкий боролся с созданными по приказу Сталина учебниками логики, но этот сюжет требует отдельного рассказа.

Теория деятельности и теория рефлексии.

Вторая исследовательская программа ММК (1964 – 1979)

Проникновение в замысел противника, т. е. анализ его «мыслей» делается жизненно необходимым. Само объективное положение дел вынуждает участника конфликта стать исследователем внутреннего мира своего противника и построить «своеобразную теорию». Но это необычный случай взаимодействия объекта и теории. Объект всячески пытается быть неадекватным теории, он непрерывно «уходит» от построения теории, делая ее неверной.
Владимир Лефевр

Второй период ММК совпал с эпохой правления Брежнева. Смена названия партии, произошедшая еще в 1952 г., стала знаковым событием для главного идеологического и философского труда страны. Появление новой на то время аббревиатуры КПСС сразу сделало архаичным предшествующее название ВКП(б). Уже начиная с середины пятидесятых годов стало ясно, что «Краткий курс истории ВКП(б)» превращался из идеологического документа в исторический. Ко времени снятия Хрущева Коммунистическая партия уже была готова отказаться от марксистско-ленинской философии. Хотя партийная философия к тому времени уже устарела, новый образ советская мысль на то время еще не приобрела. Диалектический материализм ни в плехановской, ни в ленинской, ни в сталинской версии не прижился в исторических условиях развитого социализма.

В период между серединой шестидесятых и завершением семидесятых компартия окончательно заменила метафизическую логику диалектического материализма философией науки. Институт философии в Москве, его многочисленные филиалы в советских республиках значительные и научно-бюрократические силы были брошены на философию физики, философию биологии, математическую логику и междисциплинарные науки.

Косвенным свидетельством того, что в брежневские времена наука и власть перестали всерьез относиться к марксистско-ленинской философии может служить уровень учебников по диамату и истмату. Их качество было гораздо ниже сталинских учебников и, тем более, учебников марксистской философии 1910 – 1920-х гг. Диамат в версии Плеханова, Рязанова и Деборина, и истмат в трактовке Бухарина навсегда остались недостижимым идеалом для следующих поколений пропедевтов марксизма-ленинизма.

Стало ясно, что изоляция от мировой мысли несет не столько позитивные стороны, в виде отсутствия влияния на умы современников, сколько негативные, фиксирующие отставания советских точных, естественных, технических, социальных и гуманитарных наук от западных образцов, ушедших в своем развитии далеко вперед. Поэтому с приходом Брежнева в Союзе началась политика омоложения научных кадров, которые, в свою очередь, приносили с собой новые для советской философской науки идеи.

Например, в 1964 г. при Комиссии по кибернетике АН СССР начал работать Междисциплинарный семинар по структурно-системным методам анализа в науке и технике, возникший по инициативе совсем молодых тогда Вадима Садовского, Эрика Юдина и Георгия Щедровицкого. Первые двое вместе с Ильей Блаубергом, однокурсником Щедровицкого времен их обучения в МГУ, создали новую школу мышления под названием «Философия и методология научных исследований». Так возникла советская школа системных исследований. Эта школа на годы вперед определила тематику междисциплинарных наук в СССР.

Постепенно стало проявляться значительное отличие молодой советской философии от старых партийных и академических школ мышления. Во-первых, системный анализ был свободен от включенности в принципы партийного мышления и классовой логики. Партия жила своей жизнью, а исследовательский институт жил своей. И диалектическая логика, и классическая формальная логика казались полным анахронизмом по сравнению с бурной деятельностью мозговых центров США. Эти фабрики мысли с самого начала своего существования не считали авторитетной мысль классической европейской философии. Главной отличительной особенностью нового формата фабрик мысли было выполнение исследований под заказ, часто в виде мультидисциплинарных проектов, а также активное использование в исследованиях эксклюзивных на тот момент времени компьютерных технологий.

Поскольку же масштабы и качество исследований мозговых центров все более совершенствовались, то страны, живущие по обе стороны железного занавеса, были заинтересованы в создании подобных структур у себя на родине. Если во времена Сталина публично объявленная новая инициатива в науке часто была синонимом угрозы жизни инициаторов, то уже во времена Брежнева ситуация складывалась обратным образом. Каждый, кто имел необходимые таланты, мог представить свою идею на самый верх, где уже принималось решение о судьбе заявленного проекта.

Новое поколение членов компартии поставило задачу поглощать западные научные практики и применять их в условиях развитого социализма. По этой причине открывались десятки научно-исследовательских институтов, возникающих по

инициативе самих ученых, предложивших свое видение новой версии советской науки. Политбюро обычно давало зеленый свет таким инициативам. Именно благодаря, а не вопреки советской идеологии, возникли советские версии теории игр, теории систем, теории организации и управления, теории дизайна, теории прогнозирования, возродилась кибернетика, получила новое дыхание психологическая и педагогическая теория деятельности.

Московский методологический кружок как первая открытая советская фабрика мысли

Период с 1964 по 1979 годы были временем расцвета Московского методологического кружка. Отношение к научным исследованиям в брежневскую эпоху максимально способствовало появлению новых для СССР школ мышления. Активно заимствовались передовые американские достижения в области социальной инженерии и системных исследований. Лучшие советские труды оперативно переводились на английский язык, что во многом способствовало нормализации научных контактов между советскими и западными учеными, даже с учетом всех известных издержек эпохи холодной войны. Созданные еще в период хрущевской Оттепели, научные кружки в брежневское время усилили свое влияние, хотя и находились под пристальным вниманием соответствующих служб.

У истоков большинства новых направлений советской мысли стоял Московский методологический кружок. Конечно, будет большим преувеличением утверждать, что философы и психологи только на семинарах ММК получили возможность развивать новые идеи, но именно семинары Щедровицкого были в эти годы главным законодателем московской научной моды. Благодаря докладам методологов можно было узнать о том, что на данный момент популярно в зарубежной философии. Здесь же представлялась возможность проверить правильность усвоения самостоятельно прочитанных текстов. Собрания ММК посещали видные ученые Москвы. Этот период методологического движения был максимально открыт для диалога с другими школами мышления, будучи совсем далеким от герметизации кружка, которые ожидали методологию в обозримом будущем. Целая плеяда известных советских философов, психологов, кибернетиков, системщиков выросла на семинарах под руководством Щедровицкого.

Однако внутренняя организация семинара, главные темы исследования и ключевые достижения методологов этого периода понять и однозначно объяснить представляется задачей невероятно сложной. Дело даже не в том, что увлекающаяся натура Щедровицкого легко перемещала свой интерес с логики на психологию, с теории систем на семиотику, с теории деятельности к деловым играм, с педагогики на теорию рефлексии. Это хорошо объяснимо по причине открывшейся возможности интенсивного ознакомления русских ученых с ранее неизвестными западными научными школами. И, конечно, ни ММК, ни конкретно Щедровицкий не могли обойти стороной этот поток информации. Гораздо важнее для понимания методологии этого периода представляется определение того, что же из приобретенного извне стало частью научного опыта ММК.

После защиты диссертации ушли в прошлое намерения Щедровицкого построить собственную логику. Резко прекращаются дискуссии с марксизмом Зиновьева и советским аристотелизмом. Время господства логики в методологии окончательно завершилось. Осознание того факта, что советская философия в ее обычном понимании, перестала быть двигателем общественного прогресса привело к тому, что многие лучшие умы ушли из философии в область междисциплинарных исследований.

Новые направления были связаны уже не с академическими теориями мышления, а с мышлением в рамках социальной инженерии, главным трендом брежневской эпохи. Отсюда понятен интерес к таким направлениям как теория игр, теория систем, кибернетика, теория искусственного интеллекта, теория организации и управления.

Вместо развития своей концепции в рамках новой логики, Щедровицкий перешел к идее управления мышлением в том виде, как ее уже разрабатывали на Западе. Но поскольку это был общий тренд для практически всех фабрик мысли рассматриваемого периода, очевидно, что методологи попали в режим жесткой конкуренции с другими школами мышления на право интерпретировать зарубежную мысль и строить свои версии социальной инженерии.

В книге «Я всегда был идеалистом...» Щедровицкий совершенно однозначно указывает 1963 г. в качестве даты перехода от первого этапа развития методологии ко второму. В библиографии основателя методологии, представленной на сайте Института развития им. Г. П. Щедровицкого, этот переход зафиксирован между 25 и 26 пунктами. Под 25 номером числится «О методе исследования мышления» (Материалы к диссертации). Этот текст практически полностью совпадал с текстом кандидатской диссертации. А уже следующей записью в библиографии представлена небольшая монография «Проблемы методологии системного исследования», вышедшая в год защиты диссертации, т. е., в 1964 году. Всего в библиографии насчитывается 244 научных труда, но две указанные работы наиболее ценны. Если диссертация является главным трудом «раннего» Щедровицкого, то монография о системном анализе является камертоном всего среднего этапа, вплоть до 1979 года, когда Щедровицкий переходят от теории к практике методологии.

Георгий Щедровицкий был пионером системных исследований в СССР. А первой фабрикой мысли, вышедшей из ММК и получившая академическое признание в Союзе и в Америке, была школа системных исследований Ильи Блауберга, Вадима Садовского и Эрика Юдина. Эта школа была ярким образцом инициативы снизу, позволившей новому поколению советских ученых заявить о наличии у себя междисциплинарных науки, готовых на равных соперничать с достижениями системных исследований в капиталистическом мире.

Так, уже в 1969 г. стал выходить авторитетный ежегодник «Системные исследования», ставший советским аналогом американского журнала «General Systems: Yearbook of the Society for General Systems Research», выпускаемый с 1956 года. Хотя в редакционную коллегию «Системных исследований», представленной 13 редакторами, Щедровицкий не попал, но зато публиковался в нем в качестве автора

трех статей – 1975, 1981 и 1986 годов, соответственно. Учитывая то, что ко времени ухода из жизни Щедровицкого вышло 35 ежегодников, представленность его материалов в этом издании представляется более чем скромной.

Но для объективности картины нужно добавить, что в то время, как советские исследователи системного анализа редко предоставляли Щедровицкому площадку для выражения идей, американские ученые из самого авторитетного в мире ежегодника по системным исследованиям, уже упомянутым выше «General Systems», перевели ровно столько же статей основателя ММК, сколько напечатали их советские коллеги. Три публикации в журнале Берталанфи и Раппопорта, основателей теории системного анализа, были наиболее важным вкладом Щедровицкого в системные исследования. Первой в 1966 г. была переведена уже упомянутая выше монография «Проблемы методологии системного исследования», изданная в Москве в 1964 г. Второй переведенной работой стала «Автоматизация проектирования и задачи развития проектировочной деятельности», изданная по-русски в 1975, а в английском переводе вышедшая двумя годами позже, в 1977 г. Наконец, третьей публикацией стала переведенная в 1982 г. статья «Принципы и общая схема методологической организации системно-структурных исследований и разработок», за год до этого изданная на русском языке в тех самых «Системных исследованиях» Садовского и Блауберга (Эрик Юдин тому времени уже скончался).

Системные исследования служат лишь отдельной иллюстрацией того, как из Московского методологического кружка возникали полноценные фабрики мысли мирового уровня. Извлечь же все существующие темы из обсуждений методологов на этом этапе развития невозможно по причине невероятного разнообразия и разброса интересов ММК. Но следуя логике нашего предшествующего изложения, главное внимание лучше всего уделить области изысканий, наследующих круг вопросов предшествующего этапа. В таком ракурсе рассмотрения проблемного поля методологии в зону внимания попадает достаточно узкая область исследования – теория мышления. На первом этапе мышление исследовалось с прицелом создания новой советской логики, равноудаленной как от диалектического материализма, так и от формальной логики. Это завершилось практически ничем, оставшись, как уже было сказано, лишь декларацией о намерениях.

Однако нельзя сказать, что работа методологического кружка была напрасной. Неудача в построении содержательно-генетической логики повлекла за собою длительное обсуждение мышления как такового, в результате чего методология вышла из кризиса уже с новым представлением о мыслительной деятельности. Во втором периоде развития, в качестве главного понятия место «мышления» на долгие годы вперед заняло понятие «рефлексия». Последнее, как известно, в качестве ключевого понятия возникло в теории принятия решений и в теории игр.

Обычно этот классический период развития методологического движения связывают исключительно с фигурой Георгия Щедровицкого. При этом остальные участники ММК в описании истории движения обнаруживают себя как некое нерасчленимое единство, серый фон, оттеняющий главного методолога Советского Союза. В лучшем случае, как об этом свидетельствуют многочисленные интервью

методологов первой волны, им дано слово только с той целью, чтобы объемно и в красках описать жизнь и учения Щедровицкого. При этом постороннему наблюдателю предлагается картина, слабо соответствующая действительности. Между первым и вторым этапом развития ММК есть колоссальная разница. Если на первом этапе идеи Щедровицкого были встроены в уже существующие философские (ортодоксальный марксизм), логические (советский аристотелизм) и психологические (круг Выготского-Лурии) советские школы мышления, то на новом этапе ММК эмансипировалось от этих главных советских направлений мысли.

Новое поколение ММК за исключением Владимира Костеловского (1925 г.р.) и одногодки Щедровицкого Ильи Блауберга (1929 г.р.), было значительно младше Щедровицкого, и состояло на то время из никому не известных студентов и аспирантов. А корифеи философии, логики и психологии остались верны избранным темам во все последующие годы. Понимая, что конкурировать с классиками практически невозможно, кружок Щедровицкого совершил крутой разворот от классической теории мышления в новую область научных изысканий.

Проект содержательно-генетической логики, в том виде как он был представлен в диссертации Щедровицкого, оказался советскими философами абсолютно не востребованным. Казалось, что даже сам Щедровицкий был разочарован в возможности создания новой логики и теории мышления. Отсюда становится объясним интерес к, казалось бы, совсем не философским предметным областям, особенно к кибернетике, теории систем и теории игр.

При этом важно правильно расставить акценты. Щедровицкий отнюдь не считал, что это он не решил поставленную перед собой задачу создания новой логики, но что сама логика в ее классическом виде не была предрасположена к реформированию. Молодому кандидату наук казалось, что ни логика, ни психология, традиционно считавших мышление своей законной вотчиной, совсем не справляются со своей задачей. Нужно было выйти из этих наук, чтобы заново обратиться к мышлению. Так методология включилась в разработку тему рефлексии. Это главный водораздел между первым и вторым этапами развития методологической школы мышления.

Отличие первого этапа от второго состоит еще в одной особенности. Если первый этап несложно изучить по общей истории советской мысли, то второй этап практически выпадает из внимания историков философии. Объяснить это легко. В это время знаменитых имен в ММК еще не было, а работа кружка постепенно обретала черты закрытого общества. Кроме того, семинары Щедровицкого иногда напоминали деятельность никому не подчиненной и совершенно не востребованной властями фабрикой мысли. Исследования членов кружка в советское время не привлекали к себе практически никакого внимания. Известность получали мыслители, вовремя вырвавшиеся из семинара и освободившиеся от обременительной для творческого мышления коллективной мыследеятельности.

В целом, методология ММК в Советском Союзе не только не пользовалась авторитетом, но была попросту никому не известной. Это доказывается хотя бы отсутствием анализа методологии в трудах западных советологов. Недостаток

известных публикаций методологов, разбросанность их статей и текстов докладов по редким сборникам и малодоступным научным журналам долгое время препятствовало популяризации методологии к авторитетной школе мышления. Формирование представлений о методологии легло на плечи издателей архивов ММК, особенно той его части, где собраны работы основателя методологической школы. Этот подход целиком объясним, но совсем не учитывает принцип историзма.

Изданные к настоящему периоду архивы достраивают в сознании исследователя общую картину происходящего, но при этом далеко уводят от реального положения вещей в советской мысли вообще и в методологии в частности. С исторической точки зрения представляется более правильным судить о методологии исходя из опубликованных в советское время работ. При этом главное внимание должно быть обращено не к бесконечному списку никем практически не читаемых в советское время статей, а к прижизненным монографиям, независимо от того, были ли эти монографии чисто научными или научно-популярными. Такой подход значительно сокращает круг источников и позволяет выйти на ключевые для методологии тексты, четко отделенные от черновики, лекционного материала, записей устных бесед и пр. Более того, внимание к монографиям, с учетом строгого отрезка времени с 1964 по 1979 годы раскрывает методологическое движение с совершенно неожиданной стороны.

Во-первых, такая оптика позволяет обратить внимания на монографию Щедровицкого «Проблемы методологии системного исследования» (1964) и коллективной монографии «Педагогика и логика» (1968 г. – набор рассыпан, издано впервые в 1993 г.). Первая работа, пусть и изданная в популярной серии общества «Знание», представляет собой первую серьезную попытку синтеза советской методологии с американской теорией систем, совершенно пионерскую для СССР работу в этой области. Вторая книга состоит из работ четырех исследователей, но наибольшую ценность в сборнике представляет программная статья Щедровицкого «Система педагогических исследований» – по сути, монография в монографии, почти 200 страниц. Программной она может считаться хотя бы по той причине, что в ней подробно освещена методологическая технология мышления, в наши дни целиком актуальная для построения индивидуально-образовательных траекторий в вузах современной России.

Во-вторых, такой подход к первоисточникам по истории ММК позволяет обратить внимание не только на труды Щедровицкого, но и присмотреться к публикациям нового на то время состава ММК. Совсем не претендуя на полноту представленности монографий методологов второй исследовательской программы, стоит отметить книги Михаила Розова «Научная абстракция и ее виды» (1965), Владимира Лефевра «Конфликтующие структуры» (1967), коллективную монографию Ильи Блауберга, Вадима Садовского и Эрика Юдина «Системный подход: предпосылки, проблемы, трудности» (1968), а также книги Иосафа Ладенко «Интеллектуальные системы и логика» (1971) и Вадима Садовского «Основания общей теории систем» (1974). Каждая из этих работ под разными углами зрения высвечивает набор исследовательских проблем методологической школы. Но поскольку наша

задача состоит в том, чтобы понять переход от теории мышления к теории рефлексии, то в этом случае главной фигурой в методологии, безусловно, будет Владимир Лефевр.

Лефевру принадлежит разработка советской версии теории игр – теории конфликта мыслящих структур. Он сильнее системщиков впитал идеи методологии и включил их в теорию рефлексии. Лефевр вырос в оригинального мыслителя на семинарах ММК, где часто вступал в острые дискуссии с Щедровицким. Отличие Лефевра от Щедровицкого состояло в том, что именно Лефевр первым из методологов предложил законченную теорию рефлексии. Право первенства лефевровской версии теории рефлексии было закреплено изданием монографии «Конфликтующие структуры» (1967), в то время как теория рефлексии Щедровицкого на годы была погребена в архивах ММК. Хотя даже несвоевременная публикация архивов показала, что идеи Щедровицкого о рефлексии вряд ли претендовали на новое слово даже внутри Методологического кружка.

Действительное значение основателя методологии в разработке теории рефлексии стало ясно гораздо позже, уже после того, как в 2005 был опубликован том поздних работ «Мышление. Понимание. Рефлексия». В издании этой книги есть интересный нюанс, как бы символизирующий суть методологии. На первой же странице текста появляется схематическое изображение человеческой фигуры с отчетливо различимыми головой, руками и телом. Этот символ из книги стал отличительным знаком методологии и, значит, отличительным знаком Щедровицкого. Однако этот символ принадлежит «перу» не Щедровицкого или его эпигонов – «щедровитян», а Владимиру Лефевру. Эти фигуры, например, размещены на обложке советского издания «Конфликтующих структур». Но поскольку в ММК считалось, что методология есть мышление коллективное, а не индивидуальное, то в какой-то степени острота вопроса о возможном заимствовании практически снимается.

В определенном смысле «тандем» Щедровицкий-Лефевр повторил судьбу предыдущей пары Зиновьев-Щедровицкий. И в первом, и во втором случае крепкая связка учитель-ученик прервалась в результате желания ученика дистанцироваться от учителя. Однако если в случае отношений «учителя» Зиновьева и «ученика» Щедровицкого существовала неприкрытая взаимная вражда, то в отношениях «учителя» Щедровицкого и «ученика» Лефевра видимой вражды никогда не было. Лефевр в целом комплементарно отзывался об учителе, хотя и не включил его имя в список лиц, которым выразил благодарность в специально отведенном для этого разделе книги «Конфликтующие структуры». Впрочем, в библиографии есть ссылки сразу на четыре публикации Щедровицкого, а в интересующей нас главе «Рефлексивные связи в коллективах» можно отыскать специальную сноску с выражением благодарности Щедровицкому за «продуктивное обсуждение» одной из затронутых в главе проблем.

Лефевр известен своей теорией конфликта и теорией рефлексивного управления, двух главных тем «Конфликтующих структур». Но в контексте обсуждения достижений методологии значительно важнее обратиться не к этим темам, достаточно хорошо представленных в научной литературе, а к теории рефлексии. Оснований

сделать акцент именно на рефлексии сразу несколько. Во-первых, понятие рефлексии, как уже было сказано выше, наследует размышления методологов о мышлении. Рефлексия должна была стать новым основанием для теории мыследеятельности, предлагаемой Щедровицким в качестве альтернативы уже существующей и очень авторитетной психологической теории деятельности Алексея Леонтьева. На этом этапе развития методология перешла от вопросов логики к вопросам психологии. Хотя если этот переход оценивать с позиции методолога, то это утверждение будет трактоваться как не совсем корректное. Методология всегда противопоставляла себя как логике, так и психологии, и поэтому мыслить методологию лишь довеском одной из этих наук в ММК обычно не соглашалась. Со временем методологическое движение поставило себя даже выше философии и науки, трактуя и то, и другое как отжившие себя форматы знания. Но это дело уже следующего, третьего этапа, охватившего 80-е и начало 90-х годов.

Еще одна причина обратиться к изложению методологической теории рефлексии обусловлена тем фактом, что она стала основанием для конструирования организационно-деятельностных игр, играя роль их центрального элемента. Особенно это касалось изменения интеллектуальной позиции игрока. Наконец последняя причина изучать теорию рефлексии заключается в том, чтобы выяснить характер преемственности между идеями Щедровицкого и Лефевра. Нужно разобраться, как теория рефлексии Лефевра стала общим достоянием методологии, а затем постепенно растворилась в ней как элемент коллективного мышления. Ведь декларируемая в ММК коллективная мыследеятельность на самом деле считалась отличительным признаком методологии. Приведем лишь один пример. Известное тяготение методологов строить схемы исходило от Щедровицкого, но рисовать на этих моделях схематическое изображение человеческих фигур было нововведением именно Лефевра. Вследствие всего сказанного важно отделить новаторские идеи Лефевра от анонимного мыследеятельностного подхода вообще и от взглядов Щедровицкого в частности.

Теория рефлексии Владимира Лефевра

В «Конфликтующих структурах» важно обратить внимание на понятия, предвещающие интерес методологов к онтологии. Среди них – основными являются «цивилизация», «картина», «персонаж», «позиция» и «роль». Однако способ их включения в методологию ММК важен, прежде всего, с точки зрения теории рефлексивного управления, включающую в себя онтологию объекта. Размышления Лефевра построены на объяснении рефлексивной модели индивида. В теории рефлексии Лефевр раскрывает простейшую модель в социальной организации, для описания которой противопоставляет две схемы, условно названные им «цивилизация» и «муравейник». На это различие важно обратить внимание, поскольку здесь заложена модель игровой группы (команды, коллектива) ОДИ. Наличие множественной рефлексии в социальной организации, взаимное представление индивидами картин мира, заложенных в других индивидов, это универсалия, позволяющая выделить цивилизацию как отдельный класс систем.

Цивилизации принципиально отличаются от систем другого типа, например, от клеток, образующих живой организм, или колоний отдельных особей типа муравейников. (Lefevr 1973: 87)

Индивид, представленный в картине мира другого индивида, есть некий «персонаж». Этот персонаж, в свою очередь, имеет общее представление о том, что у других индивидов – уже персонажей, если они попали в поле зрения другого персонажа, нашего индивида – есть свои картины мира, т. е., по терминологии ММК, свои онтологии.

В модели «муравейник» такие вторичные картины мира, когда один персонаж подразумевает существование онтологии у другого персонажа, отсутствуют, считает Лефевр. А в модели «цивилизация» есть не только взаимное представление отдельными персонажами картин мира всей социальной структуры, но и общение типа человеческого, благодаря которому возникают духовные ценности.

Заметим, что цивилизация – это просто один из классов систем. Наличие рефлексии не делает систему всегда более адаптивной и совершенной. Можно представить себе общество крайне примитивных особей, каждая из которых может быть развита не более пчелы, но если они заимствуют картины, лежащие друг перед другом, если они владеют средством смотреть на мир глазами друг друга, то мы обязаны считать такие сообщества цивилизациями. (Lefevr 1973: 88)

Выход на модель «цивилизация», наполненной набором персонажей со своими онтологиями и представлениями об онтологии других персонажей, важно потому, что эта модель становится основанием для анализа реально существующего советского общества. Это общество в момент перехода из статуса субъекта в статус исследуемого объекта включается Лефевром в рамки модели рефлексивной социальной организации и в таком виде целиком подходит для использования в организационно-деятельностных играх.

Нужно уточнить, что к практической реализации ОДИ Лефевр не имеет отношения, поскольку уже в 1974 г. эмигрировал в США, то есть, за пять лет до проведения Щедровицким первой игры. Но даже с учетом этого, можно согласиться, что модель «цивилизация» может считаться исходным пунктом, в каком-то смысле даже платформой для построения коллективных мыследеятельностных онтологий.

Лефевр не говорит о человеке, субъекте, личности или индивиде. В сфере внимания находится «персонаж». Его значение состоит в исключении из понятия человека этического, гуманитарного, общечеловеческого уровня и перевод этой единицы в плоскость социологии (явная отсылка к символическому интеракционизму Ирвинга Гофмана) и, что гораздо важнее, в сферу эпистемологии. Данный в представлении человек – уже не человек, а персонаж, что позволяет из определения понятия «человек» исключить, аннигилировать субстанциальный компонент, исключить из определения квантор существования. Если же принять толкование понятия человека строго в качестве персонажа, то в таком случае любая апелляция со стороны персонажа к внутреннему миру человека не может быть обоснованной. Нельзя взывать к некоему неотторжимому от него бытию, отличающего именно этого

человека от любого другого, к особому внутреннему миру персонажа. В лице персонажа из идентичности индивида уже исключено качество субстанциальности. Благодаря такой «нормализации», вместо экзистенциальной онтологии, с «прорезавшейся» в нем субъектностью, мы получаем объектную картину мира беззаботного персонажа. Отныне внутренний мир, онтология персонажа безболезненно включается в общую модель «цивилизация».

На этом примере хорошо видно, как «картина мира» или «онтология» (Лефевр употребляет другие понятия, например, «картина») попадают в методологический контекст, и что подобные понятия теряют свою экзистенциальную основу во время внедрения игроков в общую модель игры. Онтология игрока или персонажа, в данном случае вполне отождествляемые, не есть философское учение с проработанной терминологией, доведенной до уровня цельной системы. Наоборот, любое наполнение сознания человека представлениями о мире автоматически включается в разряд онтологий. Чем меньше эти представления проработаны, тем лучше для методолога, поскольку позволяют ему «отформатировать» эти хаотические, неоформленные, понятийно не артикулированные представления «обо всем» под уже сложенный под каждого игрока и всей команды набор ролей.

Эта обобщенная картина требует большей детализации. Лефевр говорит о том, что «при таком способе изображения внутренний мир представляет собой «особую цивилизацию» (Lefevr 1973: 88). Этот тезис, к сожалению, автором «Конфликтующих структур» не раскрыт, но из общего контекста понятно, что речь идет о том, что внутренний мир есть нечто большее, чем просто ускользающие и преходящие представление человека о мире. Если бы дело обстояло так, если бы твердых и устоявшихся представлений в сознании не существовало, то исследователь потерял бы главный системообразующий материал для анализа персонажа. Лефевр настаивает на том, что внутри персонажа есть не только представления о других персонажах, но и свой мир, как он выражается, «особая цивилизация». Более того, все рефлексивное управление построено на предпосылке, что этот внутренний мир есть, и что он в какой-то степени систематизирован, иначе нельзя было бы менять местами картины во внутреннем мире персонажа и, как следствие, управлять исследователю его представлениями о мире.

Персонаж – это объект исследования. Но тождественны ли фигуры исследователя и методолога? Исходя из размышлений Лефевра, приходится считать, что это две разные позиции. Поскольку позиция методолога в исследовании Лефевра не раскрыта, а что такое методология нам уже известно, то время разобраться в вопросе, какая позиция скрыта за позицией исследователя.

Фигура исследователя в теории рефлексии двойственна. С одной стороны, исследователь находится «за кулисами», и уже этим фактом приближается к позиции методолога. Ученый автоматически возведен в статус «драматурга», «сценариста» или «режиссера». С другой стороны, «поскольку исследователь иногда является одним из персонажей, он должен включить свои рефлексивные картины в ряд» (Lefevr 1973: 89). А это означает, что исследователь не обладает по отношению к персонажу метапозицией, а включен в его онтологию как отдельный персонаж. Это, наоборот,

принципиально отличает исследователя по Лефевру от методолога по Щедровицкому. Лефевр прилагает значительные усилия, чтобы вписать фигуру исследователя в ряд картин мира, представлений. Задача состоит в том, чтобы растворить исследователя как индивида в позиции исследователя как персонажа. Отличие же исследователя от других персонажей состоит в том, что первый осознает свое место в качестве персонажа в картине мира второго.

Кроме того, в том случае, если персонаж имеет фантастические представления о мире, то исследователь, в отличие от обычного методолога, обязан включать эти представления в свою картину мира.

Если какое-то количество персонажей верит в домовых и, более того, знает точку зрения домовых по некоторым вопросам, то такого рода действительность исследователь может изображать в виде символического ряда, присвоив домовому определенное имя и заключив его в ряд. (Lefevr 1973: 89)

В этом, собственно говоря, состоит главная особенность теории рефлексии, краеугольного камня теории мыслительности и практики организационно-деятельностных игр. Можно сказать, что рефлексивная позиция исследователя, в том виде, как она была представлена в конце 1960-х в работах Лефевра, качественно усилилась и влилась в общее определение позиции методолога.

Возвращаясь обратно к понятию персонажа, важно разобраться в вопросе, есть ли в индивиде что-то неотторжимое от его сущности, что-то, не включено в представление о персонаже. Точка зрения Лефевра предельно ясна.

Персонаж – это абстракция, так или иначе происходящая из выделения индивида, как пространственная локализованного явления, в качестве исходной единицы рассмотрения. Мы даем этому индивиду имя и наделяем его внутренним миром. (Lefevr 1973: 90)

Отметим логическую последовательность Лефевра. Сначала возникает модель объекта, первоначально абстракция, а уже затем речь идет об эмпирически данном индивиде, как «материала» для абстракции. Есть еще один путь перехода от понятия индивида к позиции индивида. Индивид, как физическое тело, расположенное в пространстве и времени, попадает в поле зрения исследователя только посредством абстрагирования, то есть мыслительной операции, благодаря которой исследователь получает объект, отделимый от физического тела и совсем нетождественный тому бытию, каким его себе представляет такой индивид. Рефлексивный подход позволяет совершить следующий шаг, состоящий в деиндивидуализации индивида, фрагментации его как (предположительно) изначально целого.

Индивид как социальное явление не обязательно целостен. Он может в различных социальных связях и даже просто в различных ситуациях иметь перед собой различные картины, порождаемые различными операторами осознания. В этом случае по существу, индивид «распадается». Он выступает в совершенно различных ипостасях. (Lefevr 1973: 90–91)

Эту мысль Лефевра важно зафиксировать в качестве поворотного пункта не только в теории рефлексии, но и вообще в переходе к практике ОДИ.

В этом пункте обнаруживается смещение внимания с понятия индивида как субъекта, вокруг которого строилась «новая» логика и методологическая теория мышления, к индивиду как объекту. Исследователь, считает Лефевр, в рамках рефлексивной модели обретает возможность давать индивиду имя и наделять его внутренним миром. Привычно неотчуждаемый от индивида внутренний мир в теории рефлексии отчуждаем. Рефлексивное управление индивидом становится возможно в том случае, когда человек позволяет включить себя в новую модель человеческих отношений. В этой модели коммуникация осуществляется таким образом, чтобы индивид в конкретном разрезе отношений с другим индивидом, обязательно существовал в режиме переименованного персонажа. Другой индивид, если повернуть ситуацию с его точки зрения, в коммуникации с персонажем тоже превращается в персонаж. Как нельзя лучше этот характер коммуникации иллюстрирует известная пиктограмма Лефевра с символическим изображением человеческой фигуры. Индивид, вступая в коммуникацию, редуцируется до пиктограммы человека, изображенной на схеме методолога. Внутренний мир персонажа, не зависимо от того, какое количество действующих лиц участвует в коммуникации, контролирует оператор сознания (методолог, исследователь). Этот оператор сознание имеет рычаги управления не только действиями индивида, но и модальностями его бытия. Такая возможность открывается тогда, когда индивид соглашается на переименование себя в случае изменения социальной роли. Например, в «цивилизацию» индивида через акты коммуникации подключаются новые персонажи, настаивающие на том, что в этих конкретных условиях индивид неправильно толкует собственную идентичность. Внушение индивиду, существующего в режиме персонажа, другими персонажами, что он не тот, за кого себя выдает, вынуждает этого индивида либо принять новое имя отказавшись от старого, либо включить новое имя в уже существующий персонаж. В таком случае индивид попадает сразу в несколько картин мира, внутри которых существуют под разными именами и выполняет различные социальные роли.

Мы должны ввести несколько имен, под которыми он будет фигурировать в различных функционированиях системы. Таким образом, в «теле» одного субъекта может быть «смонтировано» несколько различных позиций, которые как социальные феномены могут существовать самостоятельно. Даже вступать в единоборство. В этом случае нельзя говорить, что персонаж «выбрал эту позицию» или «выбрал ту позицию». Позиции «паразитируют» на нем. У персонажа отсутствует более высокое начало, управляющее взаимоотношением позиций. По существу, лишь внешнее воздействие заставляет его встать на одну или на другую позицию. Позиционные границы, таким образом, пролегают не между отдельными персонажами. Они проходят через их внутренние миры, отделяя одни позиции от других иногда непреодолимой пропастью. (Lefevr 1973: 90)

При этом Лефевр отказывается отождествлять позицию с ролью. С одной стороны, понятие роли сразу отсылает к символическому интеракционизму, чем значительно снижает новизну предложенной в теории рефлексии идеи персонажа. С другой стороны, Лефевр отмечает, что употребление понятия роли содержит в себе предпосылку, что за ролями может существовать актер, имеющий возможность

выбирать роли или даже отказываться от них. Понятие роли таит «в себе скрытое предположение о потенциальной возможности индивида посредством своеобразного «волевого усилия» выйти из роли, сменив ее на другую» (Lefevr 1973: 92). Никто из методологов до Лефевра и даже после него не заходил так далеко в изучении индивида. Но следующий мыслительный ход классика методологии просто поражает воображение. Объясняя различие понятий роли и позиции, методолог демонстрирует это на примере верующего индивида.

Верующий человек не играет роль верующего (мы опускаем рассмотрение некоторых тонких моментов ритуальной стороны дела). Он верующий. Он не может выйти из этого состояния, поскольку наличие веры связано со специфическим «экраном сознания». Бог – это элемент внутреннего мира, который принципиально неустраним процессом осознания. Он является органической компонентой этого процесса. В некоторых случаях верующий может сыграть роль неверующего, но стать неверующим он не может. (Lefevr 1973: 92)

Эта идея, брошенная вскользь как обычный пример, есть высшее достижение методологии. Пиковый момент методологического взгляда на человека произошел в момент, когда Лефевр представил себе, что в сознании индивида существует неустранимый элемент.

Гораздо позже к этой мысли подойдут два методолога третьего поколения Громыко и Попов, но они натолкнутся эту проблему через поиск глубинных оснований неотчуждаемости персональных онтологий участников организационно-деятельностных игр. Но ни Громыко, ни Попов не проникли так глубоко в структуру нередуцируемого бытия. И первому, и второму достаточно было объяснения, согласно которому бытие субъекта нужно считать неотчуждаемым просто исходя существующего представления о природе человека.

Лефевру же недостаточно было остановиться на утверждении, что таково бытие по своей природе. Во-первых, бытие осознается не само по себе, как бытие внешнего по отношению к другим индивидам субъекта. Наоборот, нет ничего внешнего по отношению к индивиду, все окружающие могут существовать исключительно внутри его «цивилизации», его внутреннего мира. И сам индивид существует лишь в режиме персонажа внутри «цивилизаций» других индивидов. Никто, включая Георгия Щедровицкого, не выходил на предельный уровень подобного субъективного идеализма, в той мере, как это сделал Лефевр. Теория рефлексивного управления мыслящими индивидами лишь тогда может быть осознана в полном масштабе, когда исследователь или методолог не могут отъединиться от коллективного мышления. По этой причине, созданное усилиями методологов понятие «рамки», куда может быть включен любой внутренний мир индивида, кроме очевидной выгоды абсорбирования в свою картину мира персональных онтологий, имеет также существенный недостаток, состоящий в том, что завоевание метапозиции по отношению к другим онтологиям закрывает методологу возможность проникнуть в «цивилизацию» объективированного субъекта в виде персонажа. Иначе говоря, обретенный методологами навык подключаться к индивидуальным онтологиям и соединять их между собой на платформе коллективной мыследеятельности не проникает в самое

основание сознания субъекта, поскольку методолог в этом сознании может существовать лишь в виде персонажа. Никто ни до Лефевра, ни после Лефевра не дерзнул пожертвовать своей субъектностью, чтобы стать персонажем внутреннего мира индивида.

Позже, когда стало ясно, какой креативный потенциал заложен в теории рефлексии, многие социальные институты, далекие от методологического движения, приняли на вооружение лишь инструментальную составляющую теории Лефевра, в то время как теология персонажа осталась по настоящее время вне зоны их внимания. Теология Лефевра внутри теории рефлексии основана на различии двух модусов бытия – быть верующим и играть в верующего. Онтологическая позиция верующего в бога состоит не в вере в бога, не в том, что бог есть, а в том, что сам верующий есть. Но как раз предположение того, индивид есть является главным доказательством того, что он не верующий. Лефевр осознал, что субъект декларирующий факт своего бытия, одновременно с этим, сам того не желая, и даже о том не догадываясь, отрицает бытие бога. Это совершенно парадоксальная мысль, никем из методологов никогда ранее не замеченная, переворачивала представление о субъекте. Если другие методологи, включая Георгия Щедровицкого, все внимание сосредоточили на том, как подавить волю субъекта, чтобы он свое бытие и мышление подчинил коллективному бытию и мышлению, то Лефевр пришел к мысли, что по его природе человеку свойственно намерение избавиться от субъектности, от индивидуальности, от своего имени и от своего через осознание своей смертной природы как осуществленного бытия. В таком случае верующий в бога не может считаться существующим в своем бытии как сущее, но есть верующее небытие. Верующий не играет роль верующего, а является верующим в том смысле, что из состояния веры иное бытие осуществляется из позиции небытия. Верующей не играет роль верующего, поскольку играть эту роль некому. «Экранное сознание» устроено так, что оно длит свое временное существование лишь до тех пор, пока находится в состоянии веры. Когда индивид еще не верит, его еще нет, а когда он верит, то его уже нет. Никакая онтология не способна встроить в рамку сознание верующего, поскольку это сознание недвусмысленно декларирует свое несуществование. Верующий может сыграть роль неверующего, но не стать неверующим потому, что роль есть временный способ небытия индивида в то время, как позиция, в отличие от роли, есть способ бытия индивида в его собственном сознании, а также в сознании любых других индивидов, во внутреннем мире которых индивид осуществляет свое временное небытие в форме существования. Бог, говорит Лефевр, это элемент внутреннего мира, который принципиально неустраним процессом осознания.

Выводы по второй исследовательской программе ММК

Вторая исследовательская программа методологии в историческом времени совпадает с брежневской эпохой и классическим этапом развития Московского методологического кружка. Если в пятидесятые годы лидерами кружка были философы, имеющие разноплановые представления о логике и методологии, то в шестидесятые и семидесятые годы Щедровицкому удалось вырастить на семинарах новое поколение методологов, абсолютно независимое от существующей в советской

философии моды. Принципиальная разница первого этапа от второго состояла также в том, что идеал индивидуального философского мышления был заменен идеалом коллективного методологического мышления. В то время как Зиновьев и Мамардашвили продолжили линию Московского логического кружка, построенную вокруг переосмысления марксизма средствами логического анализа, обновленный кружок Щедровицкого в принципе отошел от марксизма, как устаревшей к тому времени парадигмы мышления. Коллективное мышление ММК было не абстрактной категорией, а состояло из ряда мыслителей, к числу которых относились Ладенко, Розов, Юдин, Садовский, Розин и многие другие ученики Щедровицкого. Главным результатом работы коллективного мышления стало создание методологической теории рефлексии, построенной Владимиром Лефевром. Анализ этой теории показал, что именно теория Лефевра является центральным элементом организационно-деятельностных игр, главного достижения уже следующей, третьей исследовательской программы ММК.

Теория мыследеятельности и организационно-деятельностные игры.

Третья исследовательская программа (1979 – 1991)

Я тебя обвиняю в том, что ты уже давно не знаешь, что мы делаем, и собираешься продолжать двигаться, не зная этого.
Вадим Розин

Деление методологического движения СССР на программы отсылает к постпозитивистской философии науки Имре Лакатоса, которого Щедровицкий много читал и сильно уважал как ученого. Многое в истории методологии проясняется, если учитывать точку зрения постпозитивизма, согласно которой наука состоит из сменяющих друг друга исследовательских программ. Но было существенное отличие между подходами Лакатоса и Щедровицкого. Первый из них мыслил науку в категориях философии науки, второй же отмежевался от устаревающих, по его мнению, традиционных научных подходов в пользу системы неологизмов своей методологии. У Лакатоса это были научно-исследовательские программы, фиксирующие рост конкурентного научного знания, у Щедровицкого программой называлось нечто среднее между декларацией о намерениях, и фанатической верой в то, что в обозримом будущем ММК совершит переворот в мировой науке.

Финальный этап советской методологии охватывает значительный период. В это время, с конца семидесятых и до начала девяностых, произошло огромное, по меркам динамики советской политической жизни, количество событий: закат карьеры Косыгина в 1978 г. и его смерть в 1980 г., смерть Брежнева и Суслова в 1982 г., смерть генеральных секретарей Андропова в 1984 г. и Черненко в 1985 г., начало и конец перестройки Горбачева и, наконец, крушение Советского Союза. Эпоха второй

половины семидесятых характерна также тем, что многое меняется в конфигурации советской философии. Партийная философия как никогда далека от идеологии «Краткого курса ВКП(б)». Нелли Мотрошилова, считавшая, что на эти годы приходится неосталинистская реакция, по нашему мнению, значительно преувеличивала (Motroshilova 2012: 65-75).

Либеральный блок Политбюро предпринял попытку заменить идеологию «Краткого курса» на советскую версию американской теории управления, чему способствовало сближение позиций Никсона и Брежнева в международной политике. Теория организации и управления Джермена Гвишиани, созданная под руководством Ойзермана и поддержанная Косыгиным, строго говоря не была новой линией партии, поскольку сам Косыгин в Политбюро всегда оставался «белой вороной». Однако Гвишиани все-таки удалось создать в 1972 г. совместно с западными учеными Международный институт прикладного системного анализа, а в 1976 г. – Всесоюзный научно-исследовательский институт системных исследований. Из этого НИИ в дальнейшем вышло много известных лиц российской либеральной экономики. Таким образом, даже не занимая нишу новой партийной философии, теории организации и управления, Гвишиани удалось занять место и закрепиться в системе советских научно-исследовательских институтов, быть на равных с советской кибернетикой, теорией систем и теорией игр.

Непартийный ортодоксальный марксизм («меньшинствующий идеализм») в эти годы тоже идет к своему постепенному закату. Зиновьев за публикацию «Зияющих высот» (1976), после «проработки» партийно-административными структурами, в 1978 г. был депортирован за границу. Вскоре, в 1979 г., погибает Ильенков, все-таки успевший подготовить к печати свой последний программный труд «Ленинская диалектика и метафизика позитивизма» (1980). В том же 1980 г. в добровольную внутреннюю эмиграцию в Тбилиси отправляется Мамардашвили, оставив на память о себе бесчисленное количество аудиозаписей авторских лекций по истории философии. В Москве остается лишь Ойзерман, главный теоретик ортодоксального марксизма, но даже он новую редакцию своего главного труда «Возникновение марксизма» пишет в стол. В итоге, ортодоксальный советский марксизм к началу восьмидесятых уже не представлял собою даже той силы, которою был с середины пятидесятых и до середины семидесятых.

Совсем иначе в эти годы сложилась судьба методологии. Конец семидесятых и все восьмидесятые годы стали наиболее активным периодом в ее развитии. Третий этап в развитии методологического движения сильно отличается от первых двух уже хотя бы тем, что в эти годы Щедровицкий принципиально порывает с академической наукой, любыми институализированными формами знания, и вместе со своей значительно обновившейся командой, включающей и его сына Петра, переходит к активным действиям в области социальной инженерии. С этого времени в центр внимания методологов перемещаются организационно-деятельностные игры. Спустя тридцать лет, в период с 1991 по 2021 г., стало ясно, что задуманная в начале семидесятых и реализованная в конце семидесятых практика преобразования

социальной действительности через инициирование новых членов в систему ОДИ до сих пор остается основным интеллектуальным капиталом постсоветской методологии.

Итак, по нашему мнению, главное достижение методологов в 1978 – 1991 г. – это организация и проведения сотен игр по всему Союзу. Но важно понять, что совсем не описание этих игр может служить объяснением повышенного интереса к игровой практике. Значительно важнее разобраться в том, каким образом в играх встроилась методологическая теория мышления Щедровицкого и теория рефлексии Лефевра. А разобравшись с этим вопросом, в следующей части этой статьи будут раскрыты пути к центральной теме современной российской методологии – попытки построения новых онтологий.

По большому счету – и это нельзя упускать из виду – организационно-деятельностные игры стали практической реализацией теории коллективного мышления Щедровицкого, в которой центральную роль играли вопросы онтологии. Никто из учеников Щедровицкого не смог приблизиться к построению онтологии настолько близко, как это удалось лидеру методологического движения. Учитывая же тот факт, подобная эта онтология не получила воплощения в отдельной книге, в отдельном методологическом труде, то задача ее экспликации из практики ОДИ становится максимально актуальной.

Тем не менее, сам факт игры игнорировать тоже нельзя. Скорее наоборот, лишь через анализ игр можно проникнуть в новую теорию мышления и рефлексии, а уже через эти теории выйти к практике построения новых онтологий. Что же эти онтология собою представляют, станет ясно лишь через описание всех трех программ методологической теории советского периода. И в этой связи возникает вопрос – являются ли организационно-деятельностные игры методологов уникальным по своей природе явлением, или же ко времени проведения игр уже существовала советская игровая традиция? – Именно такая постановка вопроса позволяет углубиться в контекст советской мысли позднего брежневского времени, практически не отраженного историками философии на карте советских школ мышления.

Деловые игры и ОДИ

Эти слова прозвучали на обсуждении доклада Георгия Щедровицкого «Организационно-деятельностная игра», прочитанного 19 февраля 1982 г. на заседании, организованном психологом Василием Давыдовым, учеником Алексея Леонтьева.

«Если бы вы с самого начала сказали: Василий Васильевич, вы знаете, я придерживаюсь своеобразного понимания системодетельностного подхода, при котором нет объектов, то я бы сказал: Георгий Петрович, собирайте кулуарные семинары, а я вам давать такую аудиторию для проповедования ваших взглядов не хочу. Потому что вы имеете весьма специфическое понимание того, что есть системодетельностный подход. Этот подход, в моем понимании, не противоречит общим парадигмам науки, согласно которым нужно выделять объекты. Я бы сказал участникам этого заседания: Георгий Петрович имеет особый подход, который претендует на переворот в науке, но это его трактовка. А вы сразу излагаете, не зная, поймут ли вас. Деятельностный

подход не исключает объективности исследования. Есть объект и есть субъект; другое дело, что этот субъект – общество, коллектив. А не индивид. И не нам доказывайте, что у системодейтельного подхода нет объекта, а пойдите в Институт философии и посмотрите, что они там из вас сделают. А там – знатоки. Недавно вышла выдающаяся книга В.А. Лекторского «Объект и субъект». И там он анализирует системодейтельный подход, но не с ваших позиций. Мы придерживаемся другого понимания и не понимаем вас». (Ščedrovickij 2004a: 93)

Эмоциональная реакция Давыдова на выступление Щедровицкого не только раскрывает реальное соотношение сил в советской науке, но и одновременно демонстрирует раздражающую советский интеллектуальный бомонд претензию методологии на уникальность организационно-деятельностных игр.

Советская психологическая школа пережила ряд нападков со стороны методологов, начиная с полупрезрительного отношения к теориям Леонтьева и Лурье и заканчивая искажением педагогической психологии Выготского. Но советская психологическая школа мышления настолько авторитетна в мировой науке, что легко может обойтись без признания со стороны методологии.

Совсем другая картина вырисовывается с советскими деловыми играми. Время полностью скрыло имена их создателей, и такие ученые как Мария Бирштейн и Тимофей Тимофеевский неизвестны ни педагогам, ни психологам, ни философам. К слову, и на это обязательно стоит обратить внимание, в лекциях Петра Щедровицкого изредка и скороговоркой проскальзывает имя Бирштейн, но как нечто уже себя отжившее, несущественное для советской мысли или для развития ММК. Сообщество методологов научилось вытирать следы прошлого, уводя в забвение лучшие практики деловых игр, никак и никогда не пересекающихся с методологическим движением.

В этой части исследования нужно ответить на вопросы, сконцентрированные вокруг темы ОДИ и лишь с косвенным привлечением материала СМД-методологии. Системомыследеятельный подход (далее –СМД-подход) изучен хорошо, а практики ОДИ, как не удивительно, до сих пор не получили качественного философского осмысления, если, конечно не учитывать попытки самолегитимации со стороны самих методологов или их учебники по проведению организационных игр [Pahomov 2004].

Когда историки мысли хотят раскрыть ОДИ в качестве завершающего этапа методологии в советский период, как правило, они сбиваются на рассказ о личности Георгия Щедровицкого. А феномен ОДИ, более загадочный по своей сущности, чем обычно это принято себе представлять, зачастую раскрывается с помощью некритичной трансляции позиции главного методолога. Однако вряд ли есть более ангажированная позиция, чем мнение родоначальника о своем детище. То, что нельзя опираться лишь на свое мнение, понимал и сам Щедровицкий, и поэтому постоянно настаивал на том, что методология есть коллективная, а не индивидуальная мыследеятельность.

Современные апологеты методологии склонны либо об этом забывать, либо же считают мнение Щедровицкого, его рефлексивную позицию, чем-то большим, нежели

выражение индивидуальной точки зрения. Но если так, то формат саморепрезентации методологии получает уже не философскую, а практически сектантскую окраску. Следовательно, позиция исследователя (вспомним идеи Лефевра) должна включать в себя рефлексивную картину стандартного методолога, но при этом оставаться на твердых научных основаниях.¹

Итак, в этой части исследования нами будет показан переход от второй к третьей программе ММК, от теории рефлексии к практике игр. Раскрывая специфику подхода к играм в методологическом движении необходимо ответить на три вопроса. Во-первых, были ли ОДИ простой переработкой западных англо-американских деловых игр? Ведь не секрет, что деловые игры возникли в США в конце 1950-х годов, а с середины 1960-х стали практиковаться в Советском Союзе. Вопрос даже не в том, повторяют ли ОДИ методику западных деловых игр, чего никто не отрицает, а в том, предвосхитили ли семинары ММК эти американские игры, или, по крайней мере, были им конгениальны? А, следовательно, были ли деловые игры открыты в СССР одновременно с началом проведения американских деловых игр?

Во-вторых, из первого вопроса возникает следующий: существовало ли принципиальное отличие советских деловых игр от организационно-деятельностных игр методологов? Чтобы понять это, нужно рассмотреть масштабирование советских деловых игр, их географию и степень популярности в брежневское и горбачевское время. Иначе, если это здесь не показать, то складывается искажающая реальность картина, будто бы ОДИ возникли в Советском Союзе буквально на пустом месте, а других деловых игр в это время либо не существовало, либо же их наличие было несущественным, не достойным упоминания фактом.

Наконец, третий вопрос имеет уже не историческую, а исключительно философскую направленность – что случилось с философией Щедровицкого на третьем этапе развития методологического движения? Несложно понять, что ОДИ как практика не имеют к философии никакого отношения, будучи экспериментов в области социальной инженерии. И, наконец, насколько серьезно нужно воспринимать мнение Щедровицкого о том, что философия и наука себя исчерпали, и наступает время исключительно одной методологии?

Конечно, современная методология, в период с 1991 по 2020 годы, совсем не так радикальна к философии, как в лекциях и трудах позднего Щедровицкого. Можно даже сказать, что именно отношение к философии главным образом отличает советскую методологию от новой российской методологии. С. Попов, Ю. Громыко, П. Щедровицкий, вообще все поколение методологов постсоветского периода (им посвящена следующая глава), начинают свою деятельность с проектов построения методологической онтологии или антропологии, с оглядкой на развитие классической философской мысли. В какой-то мере можно это утверждение обобщить до следующего тезиса: философия была поставлена во главу угла и в первый советский период, и в первый, и пока единственный, постсоветский период. Однако в

¹ Например, антрополог, изучающий примитивное племя, не обязан верить в богов и духов, в которых верит это племя, но должен учитывать религиозные взгляды этого примитивного сообщества, чтобы иметь возможность сделать их корректное описание.

тридцатилетие между 1964 и 1991 философия из методологии была практически изгнана.

Перед тем как перейти ко всем вопросам по существу, нужно немного остановиться на технике аргументации в методологии, начиная со второго периода и вплоть до наших дней. Если исходить из давней античной риторической традиции, то важно различать два способа построения доказательства – сократический и софистический. Сократический метод состоит в том, чтобы в споре прийти к истине, а софистический – доказать неправоту собеседника, без оглядки на то, соответствует ли это мнению истине, или нет. Другими словами, в первом случае истина важна и возведена в абсолютную ценность, а во втором – подчинена прагматичной цели доказать свою правоту, не отказывая в использовании всяческих уловок. Вторым подходом на долгие годы стал главным коньком методологов. Например, только с учетом использования методологами этой риторики нужно понимать раздраженное высказывание Василия Давыдова, адресованное Щедровицкому, относительно декларированию последним уникальности ОДИ.

Я не могу терпеть, если чувствую какой-то подвох. А вы так представляете дело, будто вся история превращения игр в объекты начинается с вашего личного опыта. Я сейчас попрошу притащить огромный материал по играм, проведенным американцами. (Щедровицкий 2004а: 91–92)

Теперь обратимся к эпиграфу, где точка зрения Васильева представлена еще детальней. Что могло задеть Давыдова в докладе Щедровицкого? Дело в том, что в этом 55-страничном тексте отражаются все сильное и слабые стороны позднесоветской методологии. К слабым сторонам относится главным образом всеядность и эклектичность методологии, ее направленность на заимствование чужих идей, но всегда таким образом, чтобы чужое выдать за свое, и вовремя стереть следы чужого влияния на свою теорию. Когда же, как в случае с Давыдовым, некто обнаруживал вторичность методологических идей, такой оппонент сразу же наталкивался на отточенный в рамках семинаров ММК до совершенства метод софистического диалога. С этой минуты, с момента разоблачения путем нахождения заимствований и демонстрацией этого факта в публичном пространстве, методологи уже никак не старались построить конструктивный диалог, а все усилия направляли исключительно на подрыв доверия к личности оппонента, даже не предпринимая никаких усилий, чтобы предоставить свои контраргументы. В этом плане сказывалось не отсутствие желания продолжать спор, а элементарное отсутствие умения построения аргументации в изложении классической логики. Отказ штудировать «Логику» Асмуса в этом случае сыграл с методологами злую шутку.

Итак, на примере спора Давыдова и Щедровицкого перед нами возрождается старое античное противостояние сократической и софистической школ риторики. Методологи использовали две стратегии софистической риторики. Назовем их, условно, «дружественной» и «враждебной». Пример диалога Щедровицкого с Давыдовым представляет собою «дружественную стратегию» по дискредитации оппонента. В то время в научной иерархии Давыдов был настолько недостижимой для Щедровицкого фигурой, что просто проигнорировать мнение авторитетного ученого

или подшутить над его словами, тем более на его территории, было бы опрометчивым ходом. В подобных случаях, когда нужно было использовать «дружественную стратегию», Щедровицкий либо старался дальше продолжить ход своих рассуждений, либо соглашался с несущественной частью контраргумента, чтобы сохранить наиболее важную часть своего аргумента.

Надо сказать, такой подход работал удачно. Например, в случае Давыдова, когда советский психолог высказал целый ряд возражений и в свою очередь, получил набор уклончивых ответов Щедровицкого, у вопрошающего в какой-то момент просто иссякли силы. Очевидно, сказалось утомление от взаимного препирательства. В это самое время, уловив момент, главный методолог страны сразу же брал реванш, и продолжая свое выступление, мгновенно выходил на длинный и изматывающий внимание слушателей монолог, быстро и жестко отвоевывая все временно потерянные в ходе доклада позиции. Это, как было сказано, пример «дружественной стратегии» интеллектуальной борьбы с оппонентом.

Поскольку был приведен пример «дружественной» дискредитации оппонента, уместно проиллюстрировать на отдельном примере образец также и «враждебной». Этот пример взят из того же второго тома книги «Организационно-деятельностные игры. Сборник материалов». Итак, одна из игр ОДИ проходила в Ярославле. Здесь все сошлось, и провинциальный статус оппонентов, и отсутствие в их числе имен, известных московским методологам. Так получилось, что ярославские методологи решили самостоятельно проводить ОДИ, без упоминания о том, что их обучали московские коллеги. В предложенной цитате виден не только пример «враждебного» отношения к оппоненту стиля аргументации, но и красноречивый ответ на наш первый вопрос о том, были ли ОДИ копией англо-американских деловых игр. Однако цитированный фрагмент важен не как некое «саморазоблачение», а как демонстрация того, что заимствование методологами технологий западных деловых игр в советское время было «le secret de Polichinelle».

Предоставим возможность высказаться самому Георгию Щедровицкому:

Не обошлось и без замаскированного внедрения ОДИ: группа ярославский социологов и психологов ..., получившая в течение 1979 – 1981 гг. опыт практического участия в ОДИ и теоретического анализа их на совещаниях Комиссии по психологии мышления и логики, реализовала с небольшими вариациями и отклонениями схему ОДИ в нескольких играх в Ярославле, но затем в методическом пособии забыла упомянуть об этом важном обстоятельстве своего зарождения и представила все дело так, будто ярославские инновационные игры берут свое начало прямо и непосредственно от резиденциальных сессий Тэвистокского института человеческих отношений и его теоретических концепций. Об этом, может быть, и не имело бы смысла писать, если бы в своих публикациях, посвященных ярославским играм, эта группа, стремящаяся оформить особый тип инновационных игр, не стирала принципиальных различий между ОДИ и тэвистокскими резиденциальными сессиями и не приписывала Тэвистокку через посредство ярославской модели схему проблематизации, характерную для рабочего процесса в ОДИ. (Šchedrovickij 2004b: 271)

Теперь же, переходя от вступительного вопроса о выборе софистического подхода как риторической стратегии, настало самое время ответить на первый вопрос – вопрос о том, были ли деловые игры, и ОДИ как их неотъемлемая часть, привнесены извне или же были советским изобретением. Кто же в этой истории прав, забытые ярославские методологи, о которых никто бы не вспомнил, если бы не сноска в тексте Щедровицкого, или же сам Щедровицкий? Нет сомнений, что московские методологи были хорошо знакомы с тавистокскими деловыми играми, и Щедровицкий этого не отрицал. Но вопрос ведь не в том, знали или не знали в ММК о существовании таких игр на Западе. Знали о них все ученые, вхожие в тему социальной инженерии, и особенно знали в Москве, где всегда можно было найти нужную книгу в спецхране. Суть проблемы в другом: есть ли доказательства того, что организационно-деятельностные игры, по крайней мере, в проекте, существовали до их возникновения в США? Нельзя же отрицать, что советские интеллектуалы могли размышлять о возможностях с помощью игры обучать людей и коллективы работать, совершенствовать свои профессиональные навыки в производственной или какой-либо другой деятельности. На самом деле ответ на этот вопрос давно существует. Но в этом ответе есть свой парадокс, демонстрирующий, что ни ярославские методологи, ни московские в этом споре не могут быть правы.

Первые игры создали не в США или в Великобритании (там находится вышеупомянутый Тавистокский институт), а в СССР. В этом правы москвичи. Но это только половина правды, поскольку изобретены они были не в 1950-е годы в Москве, а в 1930-е годы в Ленинграде. Первую в мире деловую игру придумала и провела скромный преподаватель из Ленинградского инженерно-экономического института Мария Бирштейн (1902 – 1992). В далеком 1932 г. она, вместе со своим мужем и соратником по изобретению игр Тимофеем Тимофеевским провела первую деловую игру. В 1938 году деловые игры в СССР были запрещены. В США, как уже было сказано, первые деловые игры были организованы лишь в 1956 г., а уже в середине – конце шестидесятых годов запрет на деловые игры в СССР был снят, и Бирштейн с Тимофеевским продолжили свою работу. Кроме того, деловые игры стали быстро распространяться по всему Союзу.

И здесь мы переходим уже ко второму вопросу – были ли деловые игры неким прототипом ОДИ? Существовали ли в ОДИ принципиальные отличия от других советских деловых игр? Чтобы ответить на эти вопросы, нужно понять какое значение деловым играм предавалось в Советском Союзе, и для чего, собственно, они были нужны. После получения ответов станет ясно отличие деловых игр от ОДИ.

Согласно классификации Бельчикова и Бирштейн, деловые игры проводились на многих площадках Союза (Bel'čikov & Birstejn 1989: 39–42). Всего эти ученые выделяют 11 категорий образовательных учреждений, на базе которых исследовались и реализовывались на практике деловые игры. В первую очередь играми занимались академические институты. Всего в списке упомянуто пять институтов, перечислять их здесь представляется избыточным. Для иллюстрации распространения по стране деловых игр будут выборочно представлены только наиболее важные площадки. В случае академических институтов назовем киевский

Институте кибернетики АН СССР. Обращает на себя внимание тот факт, что в изданной этим институтом двухтомной «Энциклопедии кибернетики» (1974) отсутствует статья «Деловые игры». Зато есть «Рефлексивные игры», с определением, указывающим на отличие рефлексивных игр от классической теории игр, и со ссылкой в библиографии на «Конфликтующие структуры» (Enciklopedija kibernetiki 1974: 343).

Далее, в списке мест изобретения и проведения советских деловых есть три научно-исследовательские организации министерств и ведомств: Всесоюзный научно-методический центр по организации труда и управления производством, Ленинградский областной совет научно-технических обществ и Научно-исследовательский институт проблем высшей школы. Также деловые игры разрабатывались и проводились в Новосибирском, Московском, Латвийском, Тбилисском, Казахском, Ростовском, Пермском и Харьковском государственных университетах. Были игры и в вузах экономического профиля: целых семи институтах народного хозяйства, а также в Ленинградском инженерно-экономическом институте им. П. Тольятти, Институте проблем управления им. Г. К. Орджоникидзе, Ленинградском финансово-экономическом институте им. Н. А. Вознесенского. Деловые игры проводились в целом ряде советских политехов с распределением по регионам страны, включая Челябинский, Казахский, Таллиннский, Белорусский, Львовский и Винницкий политехнические институты. Также игры проводились в большом количестве отраслевых вузов, включая шесть ленинградских институтов, два московских и два киевских института и Новосибирский медицинский институт. Далее, с деловыми играми были хорошо знакомы работники и обучающиеся отраслевых институтов повышения квалификации, включая Калининградский ИПК рыбной промышленности, Дзержинский филиал ИПК химической промышленности, ВИПКэнерго и Центральный междуведомственный институт повышения квалификации руководящих работников и специалистов строительства. Деловые игры практиковались даже в ряде межотраслевых организаций системы высшего образования, включая Высшую школу профсоюзного движения ВЦСПС, а также в межотраслевых организациях системы повышения квалификации, например, в Академии народного хозяйства. Были деловые игры и в межотраслевых институтах повышения квалификации, таких как Институт повышения квалификации информационных работников, Ленинградский институт повышения квалификации работников промышленности городского хозяйства по методике и технике управления, Всесоюзный институт повышения квалификации профтехобразования и Всесоюзный институт повышения квалификации общества слепых. Наконец, и на этом список завершается, деловые игры проводились в четырех ленинградских техникумах (Строительно-архитектурном, Радиомеханическом, Строительном и Полиграфическом) (Bel'čikov & Birštejн 1989: 39–42).

Этот список может служить весомым доказательством в пользу того, что в Советском Союзе деловые игры были развитой системой дополнительного образования. Первые ОДИ проводились методологами в то время, когда уже не менее десяти они были в большинстве республик, включая самые дальние уголки страны.

Первенство рядовых психологов и педагогов в проведении деловых игр не подлежит сомнению. По какой же причине от этих игр не осталось практически никаких воспоминаний, а ОДИ до сих пор представляются в умах современных игротехников, даже отошедших от методологической школы, чуть ли не единственным примером советских деловых игр? Отметим три главных в причины.

Во-первых, это жанровое отличие. Создатели деловых игр всегда понимали, что круг их компетенций ограничен исключительно сферой дополнительного образовании, никаких амбиций переделать советское общество они не ставили. Методология, наоборот, создавала ОДИ как «оружие массового поражения», как нечто, что перевернет представления о реальности у игроков, чьи мысли и поступки будут согласованы с программой и сценарием игры, на день или на годы вперед, в зависимости от степени внушаемости каждого отдельного человека, принимающего участие в игре.

Во-вторых, деловы игры, как это ни банально прозвучит, организовывались с целью повысить работоспособность советских граждан, сделать их более квалифицированными работниками, увеличить качество и количество профессиональных навыков, необходимых в каждодневной рутинной работе, независимо от того, в какой сфере производства эти навыки пригодиться в дальнейшем.

В-третьих, деловые игры исходят из принципов наличия свободы воли у человека и уверенностью в том, что человек самостоятельно способен принять правильное решение. Другими словами, создатели деловых игр исходили из принципа доверия к человеку, гуманности его природы, и вообще с учетом того, что у человека есть сущностная основа, личное бытие, которым вправе распоряжаться только он сам и никто другой. Этот принцип полностью отсутствовал у методологов как в советское, так и в постсоветское время. Само намерение социального программирования, введение через игру целеполагание, которого не было в изначальной картине мира человека, а также разрушение его идентичности с помощью грубого внедрения в его сознание ролевых моделей говорит о том, что методология никогда не доверяла человеку, не верила в наличие доброго начала в природе человека. Отсюда проистекают главные мотивы теории мыследеятельности, а именно – намерение подавить индивидуальное и экзистенциальное начало в человеке, внушив ему, что мышление не принадлежит никому, и, в то же время, всем сразу. Игрока ОДИ со всех сторон убеждали в том, что его личное мышление вообще не его, а представляет собою лишь осколок коллективного мышления. Индивидуальное мышление самим своим существованием якобы искажает действительность, если оно изначально не встроено в коллективную мыследеятельность. В организационной игре происходило отчуждения человеческого мышления от личности человека, мышление отрывалось от своей экзистенции, от индивидуального бытия. В игре у игрока как-то незаметно пропадал навык быть человеком. Если руководство над этим мышлением было захвачено методологами, то уже делом техники было вместо истинного Я человека внедрить в его сознание новую модель, способствующую гипернормализации игрока.

В этом отношении отличие ОДИ и деловых игр было огромным. Вообще проблема советских деловых игр, как монолитной школы мышления, состояла в отсутствии идентификации игр с их создателями. Ведь говоря «методология», имеют в виду конкретно Щедровицкого, а говоря «деловые игры» не подразумевают вообще никого. Ассоциироваться с деловыми играми имеет право тот, кто эти игры первым придумал, а таким человеком была Мария Бирштейн. Следовательно, мы здесь и сейчас закрепляем за родоначальницей деловых игр право быть ее полномочным представителем в истории русской мысли. Методологи писали много и часто не по делу, от Бирштейн же осталась всего одна книга, изданная в Риге в 1989 г., когда автору было 87 лет. Через три года после издания книги Марии Бирштейн не стало, основатель деловых игр погибла в автокатастрофе. Личность загадочная и широкому кругу совсем неизвестная, Бирштейн является забытым символом сократического подхода к деловой игре. Тем более представляется важным понять, чем были деловые игры до той поры, пока в них не пришли методологи.

Чтобы понять точку зрения Бирштейн на игры, лучше всего начать с определений из ее книги.

Деловая игра в широко распространенном, обычном понимании – это метод имитации принятия управленческих решений в различных производственных ситуациях путем игры по заданным правилам группы людей или человека с ЭВМ в диалоговом режиме. (Birštejn 1989: 11)

При этом, «хорошая деловая игра отличается самообучением и самоорганизацией – признаками саморегулирования, в ней нет никакого навязывания извне» (Bel'čikov & Birštejn 1989: 13). И далее, «именно непредсказуемость деловой игры делает ее специфической формой познавательной деятельности. Мотивы ее запечатлены в интересах участников, в переплетении интересов «ролей» и личностей, причем играющий действует в условной ситуации, но совершенно всерьез. Деловая игра должна быть разработана таким образом, чтобы не только учесть имитацию среды, но и представить на «матрице» систему мотивов каждого игрока и всех вместе взятых» (Bel'čikov & Birštejn 1989: 14). И, как следствие, «деловая игра – это средство развития творческого профессионального мышления, в ходе ее человек приобретает способность анализировать специфические ситуации и решать новые для себя профессиональные задачи» (Bel'čikov & Birštejn 1989: 15). Также, «основные структурные признаки играющих сторон – это характер их действий, степень свободы действий и уровень доступной информации» (Bel'čikov & Birštejn 1989: 39). – Обратим внимание на то, что в деловой игре «нет никакого навязывания извне». В этом тезисе заложено фундаментальное отличие деловых игр от ОДИ, где контроль распространяется на все, от замысла игры до ее анализа. Деловая игра сильна в своем непредсказуемости, наличием возможности у игрока совершать поступки (деятельность) и принимать решения (мышление) абсолютно самостоятельно. Развитие навыка самостоятельного принятия решения человеком и возведение этой самостоятельности в абсолютную ценность, были основанием деловых игр до момента прихода методологов. Появление последних произвело эффект не просто перестановки фигур на доске, но переворачивания доски, попыткой снести все шахматные фигуры. Разрывалась связь между организатором деловых игр и

участником. Место организатора занимал игротехник, отвечающий за следование игроков сценарию игры, а методолог, как демиург, следил за реализацией программы. В ОДИ не было места игроку как свободной личности, хотя даже среди методологов об этом было не принято говорить вслух.

Чтобы доказать различие ОДИ и деловых игр, сравним их типичные планы, сценарии, программы. Для понимания деловой игры в качестве иллюстрации возьмем учебные игры для студентов.

План деловых игр	
1	Создание проблемной ситуации, постановка и формулировка проблемы преподавателем; воспроизведение имеющихся знаний и умений, необходимых для разрешения проблемы; определение круга недостающих знаний и путей их поиска; предварительное решение проблемы и проверка правильности ее решения; установление связи изучаемого материала с ранее накопленными знаниями студентов.
2	Проблемное изложение знаний с последующей организацией самостоятельной работы студентов по решению выдвинутых преподавателем проблемы.
3	Осуществление реконструктивно-вариативной деятельности студентов по окончательному выбору вариантов решения проблемы, выдвинутой преподавателем, с последующей проверкой этих решений.
4	Частично самостоятельная деятельность студентов по выдвижению гипотез решения проблемы, выбору окончательного решения, с последующей проверкой его правильности преподавателем.
5	Включение студентов в самостоятельный поиск по усмотрению, конструированию и формулировке проблемы, и ее решению.

Комментарий к таблице будет построен таким образом, чтобы раскрыть место игрока как субъекта деловой игры. Первый этап игры частично сближает деловые и организационно-деятельностные игры. Оба формата игры предполагают постановку проблемы. Однако деловая игра в трактовке Бирштейн проблематизирует игровую ситуацию, а не существующего в игровой ситуации игрока. Как будет показано дальше, понятие «проблематизации» в ОДИ становится первым пунктом их расхождения с деловыми играми. На этом же стартовом этапе для решения поставленных игрой задач, организатор игры актуализирует воспроизведение игроком своих знаний и умений. Знание игрока – это его предельная онтология, представление о том, как устроен мир на самом деле. Методология, в отличие от деловых игр, не включает личную онтологию игрока в решение проблемной ситуации, а наоборот, создает все возможное, чтобы исключить эту онтологию как устаревшую, и заменить ее новой онтологией, т. е., новыми знаниями о том, как устроен мир. Запрос на новые знания в деловой игре исходит из того, что онтология игрока, набор

первичных знаний, не позволяет решить проблемную ситуацию. Но в таком случае организатор деловой игры не стремится заменить старые знания новыми, а включает новые знания в уже существующую онтологию игрока. О таком соединении знаний свидетельствует последнее правило первого этапа игры, согласно которому организатор игры устанавливает связь между ранее накопленными знаниями игрока с изучаемой в игре проблемной ситуацией.

Второй этап игры предполагает изложение новых знаний организатором игры, дополняющих уже существующие знания участников игровой команды. На этапе обсуждения проблемы в командах организатор игры дает возможность каждому игроку находить самостоятельное решение поставленной задачи, чем формирует у игроков навыки принятия решений. Обращает на себя внимание тот факт, что в переходе от первого этапа игры ко второму организатор игры гарантирует сохранение субъектности игрока, хотя в игровой ситуации существуют все условия для того, чтобы воспользоваться обстоятельством создания игровой реальности, и подключиться к сознанию игрока с целью управления его решениями.

Третий пункт плана проведения деловых игр показывает, что организатор игры осуществляет вместе с игроками (а не вместо игроков) выбор между вариантами решения проблемы, после чего вместе с членами команды проверяет список отобранных решений на поставленной проблеме. Как правило, в этой части игры становится ясно, что принятие единственно верного решения требует от команды задействования дополнительных усилий. На этом этапе субъект реализует право самостоятельного решения, что доказывает сохранение субъектности игрока в процессе перехода от второго к третьему этапу игры. Бирштейн называет этот этап реконструктивно-вариативной деятельностью.

Четвертый этап деловой игры посвящен выдвижению новых гипотез решения проблемы. Такие гипотезы возникают в результате совместного сотрудничества организатора игры и игровой команды. Организатор не скрывает свое решение от других участников команды, и тем более не продавливает это решение через сломленную волю отдельных членов команды, выдавая свое решение за решение ее членов. Кроме того, организатор деловой игры не использует механизмы психологического воздействия на игроков, чем печально известны методологи ОДИ. На этом же этапе игровая команда самостоятельно выбирает окончательное решение предложенной задачи, хотя проверку правильности решения делегирует организатору игры.

Пятый, финальный этап деловой игры посвящен окончательной сборке проблемной ситуации и выдвижение командой единого решения. Игра завершается нахождением правильного ответа на поставленную в игре задачу. В результате игры все члены команды, и каждый игрок отдельно, получают новые знания решению проблемы, обретают навык командой работы и опыт коллективного принятия решений. На каждом из пяти этапов и после завершения игры участники сохраняют свои представления о мире, свою персональную онтологию, но при этом расширяют ее границы с помощью включение в онтологию новых знаний. Таким образом,

ситуация с участниками деловых игр предельно ясна. Игрок поставлен в условия, когда он обязан самостоятельно принять решение.

Методологи, как правило, исходят из объектного статуса игрока, и ставят его в условия, когда решение должно быть принято под давлением срежиссированной в игре коллективной мыследеятельности. Однако независимо от того, какой статус в игре занимает игрок (субъекта или объекта) остается открытым вопрос, на ком лежит ответственность в проведении деловых игр? Какими навыками обязан обладать организатор игры? Кто в принципе может быть ее организатором? Ответ Бирштейн предельно ясен.

Совершенно очевидно, что им должен быть человек, имеющий специальную подготовку в области разработки и внедрения активных методов обучения. Данная подготовка, помимо знаний по специальности, обычно включает в себя изучение вопросов марксистско-ленинской теории и практики социалистического строительства, педагогики и психологии, опыт проведения деловых игр, игрового конструирования и проектирования, применение методов социологии. (Bel'čikov & Birštejn 1989: 31)

Знание по специальности, очевидно, предполагает педагогику и психологию, а включение в перечень марксистско-ленинской философии не должно восприниматься как дань утвердившейся в советском обществе идеологии. Наоборот, наличие марксистско-ленинской философии в идейном багаже организаторов, вне зависимости от глубины проникновения в диалектический материализм, служил гарантией того, что игрок был защищен первичной онтологией. Иначе говоря, «ключевой компетенцией» организаторов игры, дающей право проводить игры была марксистско-ленинская онтология в форме диалектического материализма. Независимо от того, носителем какой персональной онтологии был участник деловой игры, сам факт социализации в советском обществе выступал гарантией наличия в онтологии игрока основ материалистического представления о мире. По этой причине организаторы деловых игр не искали возможность проникнуть в сознания игроков с целью незаметной подмены онтологий. По большому счету организаторы и игроки мыслили реальность в одной онтологии.

Завершая анализ деловых игр, обратим внимание на то, как Мария Бирштейн относилась к ОДИ. Очевидно, создательница советских деловых игр не могла не знать о методологических организационных играх, получивших распространение практически по всему Союзу. И тем не менее в книге «Деловые игры» встречается лишь одно краткое их упоминание. Перечисляя множество советских деловых игр, Бирштейн пишет, что среди деловых игр «широкое применение получили так называемые ОДИ (организационно-деятельностные игры)» (Bel'čikov & Birštejn 1989: 282). Больше ничего о Щедровицком, ММК и ОДИ в книге не сказано, но из контекста полностью понятно, что Бирштейн трактовала организационно-деятельностные игры как одну из вариаций классических деловых игр, и не более того.

От анализа деловых игр мы переходим к анализу ОДИ. Нам уже хорошо известно, что Георгий Щедровицкий настаивал на принципиальном отличии организационно-деятельностных игр от деловых игр. Теперь у нас есть возможность

сложить собственное представление о том, насколько обоснованной была позиция идеолога методологического движения и создателя ОДИ. Ниже представлен план организационно-деятельностных игр, составленный самим Щедровицким.

План организационно-деятельностных игр	
1 этап	<p>Этап подготовки, на котором разрабатывается основной замысел и концепция игры, формулируются основные рабочие цели, которые должны быть достигнуты с помощью игры..., разрабатываются оргпроекты, программы и планы игры, возможно также сценарии самых существенных ее моментов и другие оргдокументы... На этом же этапе в ходе обсуждения различных аспектов игры формируются команды организаторов, методологов и исследователей игры; число этих команд меняется в зависимости от тематического и мыследеятельностного содержания игры, а также от различных обстоятельств и условия ее проведения.</p>
2 этап	<p>Основной этап, на котором в игровой форме (заданной оргпроектом и программой игры) осуществляются предварительно спроектированные и спрограммированные рабочие процессы, производящие и порождающие продукты и результаты, соответствующие целям различных участников игры – заказчиков, организаторов, методологов, исследователей и всех без исключения игроков (если они прикладывают усилия для их достижения).</p> <p>Этот этап, как правило, уже при проектной разработке делится на ряд фаз, каждая из которых имеет свое особое функциональное назначение.</p> <p>На первой фазе в форме установочных докладов всем участникам игры излагается замысел, основная концепция и важнейшие рабочие цели проводимой игры, а затем – ее оргпроект, программа и регламент...</p> <p>На второй фазе начинается практическое вхождение участников в игру, проработка и освоение рабочих и игровых целей, организация, координация и самоорганизация игровых групп. Основным процессом здесь является самоопределение участников, и от того, насколько эффективно оно проходит, зависят дальнейшие успехи каждого игрока и всей группы в целом.</p>
3 этап	<p>Этап выхода из игры и обобщение опыта имеет... двойное назначение и соответственно этому развертывается как бы по двум параллельным каналам... Практически этот этап не имеет конечной границы и у разных участников завершается в разное время и по-разному, в зависимости от обстоятельств их жизни и работы; тот или иной результат игры обязательно входит во всю последующую жизнь и работу участников. Для методологов и организаторов игры третий этап – это всегда этап целенаправленного и сознательного рефлексивного и мыслительного анализа опыта проведения игры и фиксация этого опыта в тех или иных культурно значимых формах нормативных, проектных, методологических, научно-исследовательских и т.п.</p>

	Во всех случаях, выход из игры как для методологов и организаторов, так и для любых других участников является крайне трудным в человеческом отношении и поэтому должен тщательно исследоваться (Ščedrovickij 2004 b: 272-275).
--	---

В комментарии к этой таблице нужно обратить внимание на количество этапов ОДИ, функции организаторов на каждом этапе, а также на соотношении сил организаторов игры с одной стороны и игровых команд с другой. Как и прежде, в процессе анализа игры во главу угла мы ставим проблему сохранения субъектности участников игры, степень свободы в решении проблем, допущенную организаторами игры и вопрос о знаниях игроков, толкуемых в нашем исследовании как персональных онтологий. Очевидно также и то, что планы организации ОДИ Щедровицкого будут систематически сравниваться с планами организации деловых игр Бирштейн.

Весь первый этап, и это фундаментальное отличие ОДИ от деловых игр, из методологов создается команда организаторов, формирующая «рабочие цели, которые должны быть достигнуты с помощью игры». Этот подготовительный процесс в методологических понятиях получил название «целеполагание». Нужно понимать, что дело здесь не в том, чтобы игра с помощью постановки цели обрела свою осмысленность. Совсем наоборот, цель планируется организаторами игры заранее, чтобы лишить возможности самостоятельно определить цель игры ее участниками. Другими словами, уже в самом начале первого этапа происходит отчуждение целеполагания от участника игры. Цель не универсальна, ее определяет «заказчик» игр, например, директор завода или ректор университета. Но в то же время, методологи, всегда учитывая пожелания заказчика, продолжают играть в свою игру, то есть формулируют в конкретной игре также и свои методологические цели. Далее следует построение плана игры, разрабатываются организационные проекты, программа, сценарий игры и другие оргдокументы. Вероятно, хотя однозначно нельзя утверждать, сложная организация предварительного этапа игры и бюрократическая привычка составлять бесчисленные «оргдокументы», на практике были пусканием пыли в глаза. В реальных же обстоятельствах сценарий, программа, план и проект игры были просто синонимами одной единственной программы. Этот тезис доказывается хотя бы тем, что главные труды, посвященные организационно-деятельностным играм, в первую очередь используемые в этом исследовании книги ОДИ-1 (Ščedrovickij 2004 a) и ОДИ-2 (Ščedrovickij 2004 b), предлагают лишь общий план игр, но не содержат в себе ни образца сценария, ни образца программы, ни образца других так называемых оргдокументов. Нет сомнения, что в архивах ММК можно найти примеры сценариев и программ ОДИ, но это свидетельствует не столько о реальной проработанности на практике конкретных игр, сколько о присущей методологии обычной графомании.

Второй этап ОДИ состоит в реализации игры на практике. Сразу возникает вопрос, как понять высказывание Щедровицкого о том, что на этом этапе в игровой форме осуществляются предварительно спрограммированные рабочие процессы, порождающие результаты, соответствующие целям участников игры? Уточним, что

когда Щедровицкий говорит об участниках, то речь идет не только и не столько об игроках, сколько о заказчиках игры и ее организаторах. Последние, о чем ниже будет сказано подробнее, распределяются по ролям в игре. Одни организаторы занимают место методологов, другие – исследователей, третьи – игротехников и т.д. И, хотя Щедровицкий утверждает, что в игре учитываются цели всех без исключения игроков, то на самом деле это означает только то, что в игре не будет учтена цель ни одного игрока. Основная причина исключения цели игроков из игрового процесса состоит в том, что игроки по предписанной методологами им роли изначально не рассматриваются в качестве субъектов организационной игры. Отсюда ехидное уточнение, что игроки достигают целей, «если они прикладывают усилия для их достижения». Ведь главное усилие игрока, которое от него требует методолог, состоит в отказе от своей субъектности и переход в статус игрового объекта. Игрок должен совершить определенное действие, чтобы в рамках предписанной ему роли вписаться в идеальную модель игры, изображенной методологом в виде нарисованной им на доске схемы.

Перед началом игры методологи читают игровым командам установочные доклады, чтобы объяснить всем замысел игры. В отличие от ОДИ, в деловых играх установочные доклады как правило отсутствуют. Если спросить какую функцию выполняют подобного рода доклады, то можно прийти к заключению, что они нацелены на установление в сознании игроков общей рамки онтологии игры. На установочном докладе в мышление игрока впервые транслируется понятийно-категориальный аппарат методологии, без учета того, и, точнее, даже с расчетом на то, что игрок не способен его осмыслить. В эпиграфе к этой главе Василий Давыдов выражал недоумение как раз подобным подходом методологов, когда говорил, что Щедровицкий излагает свои идеи, не зная того, поймут ли его слушатели. Нет сомнений, это был продуманный ход методологов, поскольку установочный доклад обязан был преодолеть сопротивление игрока с помощью неологизмов или понятий, истолкованных в ММК иначе, чем было принято в философии.

К тому же установочный доклад решал проблему адаптации к игре тех участников, которые попадали туда случайно, либо же под административным давлением своего руководства. Человек, незаинтересованный в результатах игры и не скрывающий свое равнодушие к игре, автоматически становился объектом внимания со стороны методологов. Установочные доклады были направлены как раз на подобные случаи, когда возникала необходимость отформатировать мышление случайно пришедшего на игру человека.

После завершения установочного доклада происходил практический вход игровых команд в организационно-деятельностную игру, где принципиально важное место занимало так называемое самоопределение участников игры. Пришло время понять, что такое самоопределение. Участник игры обязан принять одну из ролевых моделей, из ограниченного их числа, заранее предложенных организаторами. Уже неоднократно здесь варьировалась тема трансформации субъектности в объектность игрока. Игрок обязан принять на себя одну из предложенных ему ролей, чтобы войти

в идеальную модель игрового коллектива. После осуществления самоопределения начинается непосредственно сама игра.

Третий и финальный этап ОДИ состоит из выхода из игры участников команд, когда игроки обретают способность мыслить себя и окружающий мир с позиции коллективной мыследеятельности. Для методологов этот этап важен как рефлексивный и мыслительный анализ опыта завершившейся игры.

Уже в процессе анализа деловых играх был поставлен вопрос о том, кто мог быть их организатором? Теперь нужно направить этот же вопрос в отношении ОДИ. Важно понять, какой именно коллектив организаторов стоит в тени, но внимательно отслеживает весь процесс игры и держит нити управления ее процессом, а также то, какое место в построении онтологии игрока занимает каждый из организаторов? Предстоит разобраться в том, использование каких технологий мышления способствуют перестановке категориально-понятийных блоков в сознании игрока? Наконец, ключевая задача предстоящего анализа состоит в оценивании перестроенной архитектуры сознания игрока как объекта методологического воздействия. Таким образом, главной целью можно считать первое приближение к описанию общей структуры новой онтологии объектов, впервые созданной организаторами организационно-деятельностных игр.

Среди множества схем ОДИ у Щедровицкого есть одна – абсолютно уникальная в своей наглядности для решения поставленных задач и кратчайшим путем приводящая к цели. Эта схема иллюстрирует структуру коммуникационного акта в «социотехническом» коллективе организаторов игры, внутри которого существует сложная разветвленная структура методологических позиций. На этой схеме представлены также команды игроков, представляющие собою главный объект методологического исследования. Наконец, организаторы игры и игровые команды представлены в едином игровом пространстве, то есть, на одной и той же игровой платформе, на которой осуществляется смена старой онтологии игрока на новую онтологию.

До того, как перейти к технической стороне дела с описанием коммуникации организаторов и участников игры, предварительно необходимо ответить на вопрос, что нужно иметь в виду, когда употребляется понятие «онтология игрока». Анализ работ методологов показывает, что определение этого понятия в принципе отсутствует. Все наиболее важное, что было сказано и написано методологами по этой теме, изложено нами в следующей главе. По этой причине определение понятия онтологии игрока будет здесь представлена как рабочая гипотеза, созданная на основании интерпретации онтологии у Щедровицкого и Лефевра.

Начнем с того, что индивид, принимающий решение участвовать в игре, становится игроком только тогда, когда попадает в игровое пространство. Подразумевается не только и даже не столько физическое пространство, конкретная локация для проведения игры, а социальное пространство, как место коммуникации поставленных в один ряд мыслящих объектов. Выбор понятия «индивид» – а не, предположим, «человек», «личность» или «субъект» – объясняется тем, что в этом случае важен взгляд на игрока на пересечении категорий сущности, количества и

качества. Индивид есть нечто, что изначально есть, количественно представлено единицей, и обладает качеством неделимости. Индивид входит в игру в позиции игрока, куда приносит свое представление о себе, об окружающих и вообще о мире. На входе в игру онтология индивида тождественна онтологии игрока. Но уже во время игры эта тождественность нарушается по причине внешнего осознанного воздействия на сознание игрока, определенного влияния на ход его мышления, которое отсутствовало во внеигровом пространстве.

Онтология индивида – это система индивидуально собранных представлений о мире и о себе в этом мире, мотивирующих индивида на любое свое действие по отношению к миру. Однако, может ли считаться онтологией просто набор представлений, если они не осмыслены индивидом в форме системы? На этот вопрос можно ответить следующим образом. Акт осмысления отдельных представлений о мире и построение на их основе системы представлений, картины мира, онтологии суть действия индивида, понимаемого в позиции субъекта. В этом случае предполагается, что индивид не только способен самостоятельно построить непротиворечивую картину мира, но и способен защищать эти представления от попыток их узурпации и искажения со стороны мира. Независимо от того, с какой глубиной проработки онтологических понятий индивид входит в игру, сама игра построена таким образом, чтобы индивид ни на одном из этапов игры, от начала и до ее завершения, не мог бы воспользоваться правом активировать свое право субъектности. Соглашаясь вступить в игру в качестве члена команды, индивид тем самым делегирует право быть субъектом всему игровому коллективу. В этом суть коллективной мыследеятельности: когда индивид входит в игровую ситуацию, то он становится частью такого коллектива и уже ни количественно, ни качественно не способен претендовать на сохранение индивидуальной идентичности. Единственное, что остается неотчуждаемым в индивиде в процессе его перехода на позицию игрока, это продолжение длительности своего существования, и осуществление его в режиме коллективного мышления. Игрок делегирует организаторам игры не свое существование, а право им управлять. Исследование и описание методологом в понятиях существования игрока в виде управляемого объекта можно считать онтологией игрока. Возвращение индивида в обычное состояние после завершения игры будет обычным лишь относительно. Независимо от того, какие представления о мире были у индивида до игровой инициации, отныне игрок подключен к новой коллективной онтологии, регулируемой администрацией рабочей организации индивида. Новая онтология «сдается под ключ» заказчику игры ее организаторами. Ни процесс передачи новой онтологии игрока, ни дальнейшие изменения внутри онтологии не контролируются индивидом, существующим теперь в форме объекта.

Рисунок 1. Структура методологического коллектива ОДИ

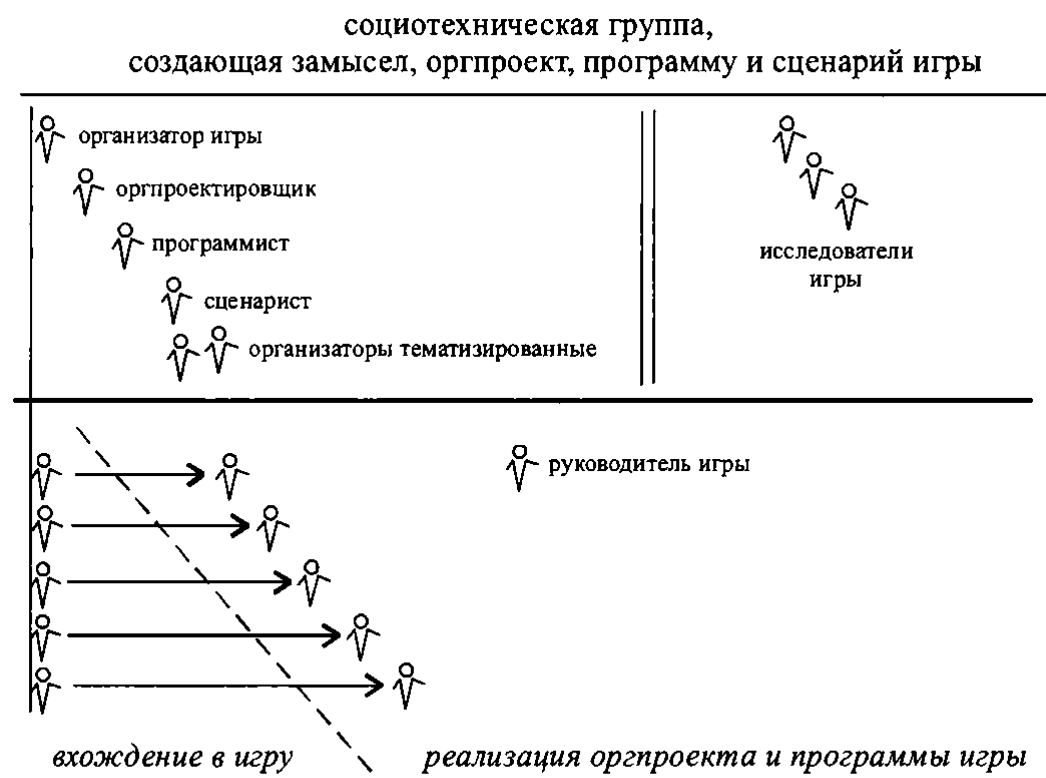

Рис. 1

Источник: (Šćedrovickij 2004b: 19)

Перейдем к технической стороне вопроса. На схеме Щедровицкого (Рис. 1) показано, что «социотехническая» группа состоит из организатора игры, оргпроектировщика, программиста, сценариста, соорганизаторов игры, распределенных по тематическому принципу, группы исследователей и руководитель игры. Организатор игры является главным действующим лицом этой группы, в функции которого входит полная сборка отдельной игры. Оргпроектировщик создает проект игры, программист – программу, сценарист – игровой сценарий, тематизированные организаторы профилируются по отдельным темам внутри игры, а исследователи предлагают общий замысел игры и анализируют его реализацию процессе игры, подводят итоги игры после ее завершения. Руководитель игры моделирует игровой процесс преобразования субъектов в объекты.

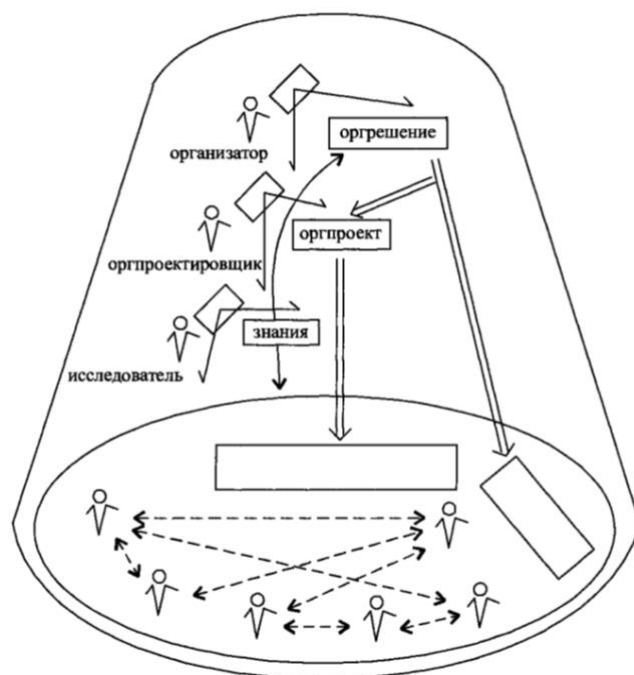
Как показано на схеме, игровое пространство разделено на верхнюю и нижнюю части. Верхняя часть игрового пространства заполнена группой организаторов игры, не принимающих участие в непосредственной коммуникации с участниками игры. Их задача состоит в том, чтобы организационно-деятельностная игра прошла по составленному заранее плану без каких-либо сбоев в практической реализации игрового процесса. Руководитель игры контролирует процесс объективизации игровых команд через трансляцию мыследеятельностных схем путем

их копирования участниками игры. В этих же схемах заложена новая онтология, для каждого игрока всегда своя, в зависимости от профилизации участника игры и степени доступности его сознания для руководителя игры. По Щедровицкому, система ОДИ, продемонстрированная выше на схеме, это – двойная система мыследеятельности, в которой одна система (верхняя), во-первых, рефлексивно отражает другую систему (нижнюю), во-вторых действует в отношении этой другой системы – преобразует эту систему и ею управляет.

Еще одна схема (Рис. 2) направлена на то, чтобы объяснить технику захвата сознания игрока. На схеме изображена уже известная из предыдущего рисунка группа методологов, в этом случае сведенная только к организатору игры, оргпроектировщику и исследователю. Зато на этой схеме представлены не только игроки, но и «знания», то, что в этом исследовании чаще именуется новыми онтологиями. Такие знания транслируются из «верхнего этажа», где находится коллектив организаторов игры, на «нижний этаж», где представлены игроки. Щедровицкий оставляет с под схемой красноречивый комментарий, отражающий его версию теории рефлексии.

Отношение захвата и поглощения одних систем другими осуществляется прежде всего за счет отношений рефлексивного отображения и мыслительного описания одними системами других, за счет рефлексивной разработки проектов организации других систем и программ их функционирования и развития, определяющих следующие за этим целевые практические воздействия первых систем на вторые. (Ščedrovickij 2004 b: 276)

Рисунок 2. Способ включения новых онтологий в сознание игроков

Источник: (Ščedrovickij 2004b: 276)

Вместе с тем, если включить в это описание теорию рефлексии Лefевра, заложенную в схему описания «социотехнического» коллектива организаторов игры,

остается открытым вопрос, какое место новая онтология занимает в сознании самих организаторов игры? Если смотреть на эту схему глазами Щедровицкого, то выходит, что «верхний этаж», где расположены основные силы организаторов игры, находится вне зоны внимания участников игры. Но в таком случае, скрытая от игроков группа методологов не находится в отражении сознания игрока в качестве заложенных в оформленную картину мира позиций. А значит, нарушается формула Лефевра, согласно которой в уравнении «я знаю, что он знает, что я знаю» отсутствует второе звено – «он знает». Схему социотехнической группы видят не участник игры, а читатель текста, которому Щедровицкий рассказывает о способе организации игр. Рефлексивное управление игроком становится возможным лишь в том случае, когда игрок участвует в осуществлении коллективной мыследеятельности. Если же это не происходит, в случае если участник не может позиционироваться как «соучастник», то тогда сам процесс онтологизации объекта происходит вхолостую.

Кроме того, где гарантия того, что игрок не подключится к онтологии руководителя игры, особенно с учетом того, что такая проблема в принципе не рассматривалась методологами? Или предположим, участник игры предупрежден одним из организаторов из «верхнего этажа», что главная задача в игре состоит в том, чтобы методолог получил возможность подключиться к онтологии игрока, а не в том, чтобы повысить его профессиональные навыки. В таком случае индивид не теряет бдительность ни на одном из этапов игры, а попытки воздействия на свое сознание через переподключение индивидуального мышления к коллективному, способен заблокировать и, таким образом, сохранить свою субъектность. Конечно, опытный руководитель игры способен заметить такое противодействие и нейтрализовать критически мыслящего индивида путем его исключения из игры. Однако проблема не в том, что подобные системные сбои нельзя предупреждать заранее или в процессе игры, а в том, что в систему ОДИ не заложена проверка эффективности механизма рефлексивного управления объектом.

Выводы по третьей исследовательской программе

Смена исследовательских программ происходит вследствие того, что каждая предыдущая научная программа оказалась вытеснена более совершенной. Но случается и так, что переход от одного этапа к другому мотивирован осознанием невозможности реализовать задуманное на прошлом этапе. Каждый раз при смене одного вектора движения методологии на новый Щедровицкий постоянно удерживал в памяти теорию Лакатоса, и каждый раз, когда становилось понятно, что задуманная программа заводит в тупик, основатель методологии вместе с коллективом ММК без колебаний переходил к новому этапу. Так, когда стало ясно, что проект содержательно-генетической нельзя преобразовать в полноценную теорию мышления, равную по глубине и конкурирующую с классической, формальной и математической логикой, Щедровицкий ушел из логики и пришел в социальную инженерию. ММК как фабрика мысли и школа мышления реализовала замысел теории рефлексии, который, в отличие от теории мышления, вышел за рамки типичного нереализованного проекта, и был воплощен в жизнь Владимиром Лефевром. Наконец, третья исследовательская программа советской методологии

позволила на практике реализовать теорию рефлексии Лефевра. Щедровицкий «колонизировал» советские деловые игры, включив в их в орбиту влияния ММК и переименовав их в ОДИ. Политическая жизнь в СССР, сначала в период Застоя, а затем в эпоху Перестройки, способствовала расширению практик организационно-деятельностных игр в ряде советских республик. Параллельно с методологическим движением инициативными группами инженеров, психологов и педагогов проводились деловые игры, но в отличие от ММК, эти группы не смогли объединиться в одно движение, что, свою очередь, не позволило создателям деловых игр претендовать на роль отдельной научной школы. При этом, на примере деловых игр Марии Бирштейн, видно, что онтологии, как и вообще методологическое представление о деловых играх, являются совсем необязательным элементом подобных игр. Скорее даже наоборот, методология «экспроприировала» деловые игры с целью найти исследовательский материал для проверки теории рефлексивного управления. Советские деловые игры видели в индивидуе всегда объект с неотчуждаемой онтологией, организационно-деятельностные игры, всегда представляли индивида как объект с подключенной к нему новой коллективной онтологией.

Экскурс в современную методологию (1991 – 2020)

Косвенным подтверждением этого вывода является то, что П. Г. Щедровицкий – сын и духовный наследник лидера ММК – осуществляет восстановление оснований интеллектуальной традиции именно в форме рефлексивной интерпретации базовых методологических схем.
Вячеслав Марача

В первой половине девяностых, после ухода из жизни Георгия Щедровицкого и на фоне общей тенденции заката советских философских школ, было крайне сложно представить себе дальнейшее развитие методологического движения. Казалось, смерть создателя ММК была равнозначна закату методологии в целом. Ни один из учеников Щедровицкого не мог занять его место, а потенциальный круг преемников оказался пустым. Но вопреки всему именно в этот период методология не только не исчезла из интеллектуального ландшафта России, но и обрела новое дыхание. И, хотя она до сих пор находится в тени достижений Георгия Щедровицкого, с каждым новым десятилетием она все сильнее укрепляет свой авторитет среди существующих сейчас школ русской философии.

Данных о советском этапе развития методологии гораздо больше, чем о современном. Объяснений такому положению дел несколько. Во-первых, в период существования постсоветской России среди методологов не возникло фигуры равной

по масштабу личности Щедровицкого; сообщество держалось вместе, но делилось на поколения. Во-вторых, последнее тридцатилетие характеризуется значительным ослаблением гуманитарного дискурса, философского в том числе, – даже по сравнению с позднесоветским периодом. Наконец, в-третьих, современная методология до сих пор не предложила обществу новую философскую систему, которую многие от нее ожидали, прежде всего оригинальную, методологическую версию онтологии.

Даже в общих чертах дать характеристику теоретическим построениям современных методологов достаточно сложно – выбор огромен. Назовем лишь самые известные имена: Юрий Громыко, Сергей Попов и Петр Щедровицкий. Все трое уже давно работают самостоятельно, хотя и начинали вместе. Объединяет это поколение методологов приверженность к устной форме коммуникации, доведенной в ММК практически до совершенства. Отсюда присущая современным методологам широко распространенная подача материала в виде докладов на установочных сессиях. Устный доклад с последующей его фиксацией на письме – обычная форма рефлексии методологов. Стоит обратить особое внимание на относительно новую лекцию Попова «К 40-летию изобретения ОДИ», редкую архивную запись Громыко «Онтология мышления» и прочитанную в рамках цикла «13 лекций о будущем» открытую лекцию Щедровицкого-младшего «Проблема времени и развития», в первой части которой отрефлексированы проблемы онтологии.

Методология Сергея Попова

Сергей Попов был частью методологического движения вплоть до распада Советского Союза. Вместе с отцом и сыном Щедровицкими он провел множество организационно-деятельностных игр, обычно находясь в роли игротехника (роль методолога в играх практически всегда принадлежала, со слов Попова, Георгию Щедровицкому). В докладе «К 40-летию изобретения ОДИ» Попов предлагает достаточно простое представление об ОДИ как практической реализации теоретических разработок ММК [Попов 2019]. Учитывая то, что в трудах Щедровицких существует бесчисленное множество равноценных определений ОДИ, объяснение Попова, как мы продемонстрируем далее, является самым простым и понятным. Конечно, одной реконструкции взглядов Попова отнюдь недостаточно, гораздо важнее раскрыть место человека в игре, что требует включение в анализ средств и возможностей имманентно критики. В таком прочтении игрок будет рассмотрен не просто как объект в системе ОДИ, а как единица, теряющая в игре свою субъектность. Такой взгляд на постсоветскую методологию, насколько нам известно, в философской науке предложен впервые.

Попов предлагает методологическое прочтение понятия мышления, корректно отражая схемы Щедровицкого, подробно эксплицированные в предыдущих частях нашего исследования, что позволяет избежать их пересказ. Но для того, чтобы понять уникальное место воззрений Попова на ОДИ, сперва необходимо описать типичный процесс игры, с учетом существенной разницы отношения к игре со стороны организаторов и игроков. Такое описание основано с учетом опыта участия в игре автора этих строк. Наша задача состоит в том, чтобы воспроизвести структуру и

динамику организационно-деятельностных игр в том в виде, как они существуют в настоящее время.

Сначала нужно собрать проблемную ситуацию, потом поставить задачу и затем объяснить участникам всю сложность хода игры. Далее, специально обученный коллектив методологов (со структурой коллектива организаторов игры можно ознакомиться в предыдущей части статьи) создает содержательные конфликты между участниками игры.

Важно обратить внимание на то, как выглядят участники игры в глазах методологов. Уже на самой ранней стадии создания ОДИ, место людей, участвующих в игре, было тождественно объекту, на который направлено психологическое воздействие. Можно сказать, что участники игр самим фактом участия в игре изначально, определенном смысле, были введены в заблуждение: они автоматически становились участниками эксперимента с неизвестными им целями. Зафиксируем эту разницу в системе игры между наличием пока не проясненной цели у методологов и явной бесцельностью участия в ОДИ игроков.

В процессе игры команда методологов как правило инициировала заранее запланированные конфликты между участниками ОДИ. Обычно это объяснялось тем, что только искусственно организованный конфликт выводил игровые команды на уровень проблематизации. Осуществлялось, в некотором смысле, выталкивание игрока из обычного состояния ради пробуждения неуверенности в себе. В мышлении участников игры, совместными усилиям ее организаторов (игротехников, методологов и исследователей) программировалась установка на невозможность решить поставленную задачу усилиями отдельного игрока. А это, в свою очередь, подталкивало участников игры к готовности признать, что на данном этапе совместной работы проблема не имеет совместного коллективного решения. Это умозаключение влекло за собой ситуацию, когда игроки в индивидуальном порядке по очереди предлагали свои варианты выхода из проблемной ситуации. Как правило подобные версии модераторами отбрасывались. Зачастую видение игроком решения поставленной задачи наталкивалось на сопротивление со стороны игрового коллектива, поведение которого регулировалось игротехниками согласно заранее составленной программе. Тем самым игроки включались в активную фазу эксперимента.

Нужно напомнить, что к началу ОДИ игроки обычно чувствовали себя защищенными своим знанием в конкретной предметной области, ощущали себя профессионалами. Углубляясь в игру и желая аргументировать свою точку зрения, в процессе командного обсуждения проблемы, участники игры автоматически попадали в роль «предметников». Подобный ход мысли методологи однозначно трактовали как пример защиты с помощью сконструированной игроком социальной идентичности. На этом этапе игротехники выводили предметников из привычного для них ощущения профессионализма путем едва заметной организации конфликта внутри команды. Как следствие, каждый игрок постепенно, не выходя из игровой ситуации, обычно утрачивал не только уверенность в том, что его знания не способны помочь решить поставленную в игре задачу, но и чувство собственного достоинства.

Таким образом, организаторы игры постепенно подступали к границам экзистенциального слоя человека, существующего в игровой ситуации.

Следствием продуманной организации конфликта становилось «распредмечивание предметников». В итоге острых дискуссий игроки подводились к выводу, что универсальное понятия мышления (или какого-либо другого понятия) либо в принципе не существует, либо же оно неизвестно участникам игры. «Распредмеченные» участники, таким образом, выходили на новый уровень игры, уже заранее подготовленный методологами, поиском выхода из грамотно организованного психологического тупика.

Поскольку межпредметное знание не могло быть ключевой компетенцией участников игры, то никто кроме самих методологов не имел возможности выстроить изучаемый объект заново. Для решения практической задачи, и это внушалось в максимально жестких формулировках, нужно изменить характер осмысления проблемы, перестроить способ конструирования объекта в сознании, переместить его из мышления индивидуальной экзистенции игрока в структуру коллективной мыследеятельности. Предполагалось, что игрок не мог не принять новые правила игры. По сути дела, в этот момент в голове игрока спонтанно формировалась новая онтология, ровно в том смысле, как это понятие понимали методологи.

Стоит подчеркнуть, что онтология методологов не была, конечно, ни аристотелевской, ни гегелевской, ни какой-то иной онтологией в классическом виде. Новая методологическая онтология не была классической онтологией даже на уровне формулировки самого понятия, и трактовалась совершенно иначе, чем учение о бытии. Наоборот, методологическому определению онтологии была свойственна размытость, а в плане внутреннего строения подчеркнута слабая проработка. Наиболее близким к методологическому представлению об онтологии могло бы стать гегелевское понятие ложного сознания или марксистское определение идеологии.

Итак, в процессе игры методолог (в широком смысле слова, включающего в себя весь набор методологических позиций организаторов ОДИ) сознательно нарушал построение неотрефлексированных онтологических предпосылок, заложенных в сознании человека. В мышлении игрока происходил разрыв между его прежним знанием, признанного методологами заведомо ошибочным, и новым знанием, обещанного ними игрокам. Аксиоматика мышления участники игры не столько нарушается, сколько разрушается. А это означает, что переход от одного типа мышления к другому, от личной онтологии к онтологии методологической, не могла пройти безболезненно. Отсюда, как следствие, у участников часто возникает травматический эффект от игры. Разрушение картины мира участника игры было главной предпосылкой для инсталлирования в его сознания новой онтологии.

Результатом смены онтологий оказывалась заново выстроенная командная работа, уже целиком и полностью происходящая под контролем методологической группы. В финале игры психологическая атмосфера в команде значительно улучшалась благодаря тому факту, что внутреннее сопротивление игроков было сломлено, а взаимное понимание между игроками гарантировалось тем, что все они уже мыслили и действовали в режиме новой онтологии. Проверкой наличия новой

онтологии в сознании отдельного игрока было профессиональное овладение им понятийного аппарата ОДИ. С этого момента коллективное мышление двигалось в неподконтрольном игроку направлении. Результатом участия в игре было то, что все предметники, если воспользоваться метафорой Попова, превращались в «фарш» (Роров 2019).

Описанная ситуация целиком типична как для советской, так и для современной методологии. Однако точка зрения Попова на ОДИ существенно отличается от традиционной. Оригинальным можно считать его суждение о том, что «методологическое мышление привносится в игру отдельно, извне» (Роров 2019). Попов считает, что практика научила игротехников, что игра возможна даже без методологической надстройки.

Собственно говоря, этот вывод напрашивается уже после общего ознакомления с историей деловых игр, в которое в свое время вторглась методология. В деловой игре результат не был запрограммирован, а команда создателей и организаторов обычно не подстраивала ход игры под заранее созданные под игроков схемы. Это объясняется тем, что предначертанная для игроков траектория лишала их возможности развиваться в игре, ради чего игры и были задуманы. Поэтому осознание Поповым подмены деловой игры внедрением методологических онтологий через программирование сознания не было особым откровением.

Мы уже говорили о том, что Георгий Щедровицкий остро чувствовал опасность разоблачения психологами главного хода ММК, «заражения» деловых игр методологией, и потому постоянно настаивал на их отличии от ОДИ. При этом целиком очевидно, что его аргументы были сильны только внутри методологического дискурса.

Попов отмечает, что с годами в играх наметилось раздвоение игротехники. Вместо творческого процесса в игре постепенно усиливалась роль сценария. Игровой процесс встраивался в жесткий сценарий, а программа мероприятий переходила в программирования набора существующих в игре ситуаций. На первое место вышла предсказуемость в игре поведения игроков, что, в целом, вписывалось в методологическое представление об ОДИ. И раньше роли, позиции, сюжеты функционировали для унификации бытия конкретных индивидуальных экзистенций.

Игра всегда воспринималось методологами не просто как деятельность, но как воздействие на способ бытия человека, постепенно переходящее в воздействие. Для обоснования такого подхода методологи неоднократно вспоминали 11-й тезис о Фейербахе, хотя в девяностые годы этот тезис был исключен из аргументации методологов. По словам Попова, «миссия ОДИ состояла в том, чтобы разрушить старое представление о мышлении и сформировать новое, то, которое соответствует совершенно другой реальности» (Роров 2019). Рождение новой реальности в сознании игрока было обеспечено методологами через имплантированную в его бытие новую онтологию.

В рассуждениях Попова заметен еще один важный аспект в вопросе о бытии, контрастирующий с обычными для методологов взглядами. Он связан с марксистским

понятием отчуждения. В качестве будущих задач методологии Попов предлагает «мыслить неотчуждаемое». Поскольку методология научилась мыслить отчуждаемое в форме знаний, следующий шаг состоит в том, чтобы мыслить неотчуждаемое. Отчуждаемо от человека не только мышление, но и деятельность. При этом в человеке все равно остается нечто неотчуждаемое, что позволяет человеку быть человеком и в этом виде бытия переживать реальность. Это неотчуждаемое бытие с неотчуждаемым от человека переживанием может осуществляться как в обычной, так и в игровой среде.

Методология Юрия Громыко

Неотчуждаемое бытие, но уже в другом, строго философском контексте в ранний период методологической деятельности обсуждал в своих докладах Юрий Громыко. Мы склонны предположить, что из нового поколения Громыко наиболее философски мыслящий методолог. Как и Попов, Громыко более двадцати лет работал над авторской версией методологии. Но вместе со сменой мыслительных установок, Громыко изменил направление своей социальной философии. В качестве главного интеллектуального авторитета место Георгия Щедровицкого в построениях Громыко теперь занял Зиновьев, а самого Громыко можно видеть на встречах Зиновьевского клуба.

Между тем наиболее оригинальный этап сделан им все же в эпоху работы в русле традиционных ОДИ. Отличительной чертой Громыко был его глубокий интерес к вопросам онтологии, в чем он пересекается с ранними работами Петра Щедровицкого, к которым мы обратимся ниже. В докладе «Онтология мышления» Громыко, перед тем как обратиться к уже хорошо известным сюжетам ОДИ, делает вступительное слово, вводящее слушателей в историко-философский контекст и задающее «рамку» доклада (Gromyko 2020).

Необычно и оригинально для методологии звучат идеи экзистенциальной философии. В советское время экзистенциализм был глубоко чужд методологии. Если методология на всех без исключения этапах своего развития стремилась мыслить объективно, то экзистенциальная философия декларировала субъективность мышления. Этот субъективизм был враждебен методологии еще и потому, что настраивал человека на интроспективное восприятие игры, а что было принципиально противопоказано игроку методологами. Внимание к своему бытию служило надежным средством для блокировки входа в сознания новой онтологии. Как отдельный сюжет это никогда не проговаривается, но подразумевается методологами всегда.

Громыко нарушает равенство между отчуждением субъективного бытия и включением объективной мыследеятельности в онтологию игрока. В методологии заранее задан не только сценарий и программа игры, но и расписаны все роли. По сути, методолог — это тоже одна из методологических ролей. Игротехник — роль, даже игрок — это роль. Есть еще проектировщик, дидактик и т. д. Но нет, и принципиально не может быть роли философа, который осознает факт своего бытия и благодаря такому осознанию способен построить свою личную онтологическую систему. Роль философа в методологическом движении еще с советских времен навсегда была закреплена за самим Георгием Щедровицким, хотя даже эта

лояльность по отношению к основателю школы не привела ММК к созданию собственной философской онтологии.

Интересно, что в наши дни роль философа в методологии пытается примерить на себя Петр Щедровицкий. Но если не учитывать самолегитимацию в роли философа ее наиболее статусных представителей, для простого методолога, и тем более игрока, выступать в роли философа запрещено. Как это часто бывает, этот запрет не прописан на бумаге, но его реальное существование легко раскрывается в случае, если кто-либо из игроков начнет «философствовать». Организованная команда методологов, всегда готовая к такому ходу событий, моментально «затравит» такого «философа», и он будет буквально «вышвырнут» из игры.

Теперь становится ясно, насколько сложную игру затеял Громыко. Он первым среди методологов стал говорить о бытии как о субъективной онтологии, личном проживании жизни в игре. Так в методологию, пусть эпизодически и ненадолго, была встроена ранее табуированная позиция философа. Теперь из набора ролей, одну из которых просто нельзя не выбрать, была роль делегирующая право игроку высказываться в философских понятиях. То, что это стало возможно, хоть осталось практически никем не замечено, целиком заслуга «раннего» Громыко.

Громыко не только включил философское «самоопределение» в качестве роли в игре, но и обыграл тему онтологии в характерном для классической философии стиле. В первую очередь речь идет об экзистенциальном выборе способа быть собой.

За свою конструкцию философ отвечает на уровне жизни и смерти. Только тогда вопрос об онтологиях может иметь большое и глубокое содержание... Одновременно нужно признать, что может существовать мышление, за которое я как мыслитель отвечаю, где я как раз на грани жизни и смерти ввожу представление о предельной реальности, что из себя вообще представляет мир, и одновременно я могу признавать, что существуют такие как я другие мыслители, которые такую же ответственность на себя берут. Проблема предельных онтологий должна ставиться точно так, как она ставилась в схоластике, как вопрос о жизни и смерти, где утверждение того или другого типа реальности наказывается. (Gromyko 2020)

Если для Попова вопрос о бытии мыслился через категорию отчуждения, то Громыко идет гораздо дальше, декларируя неотторжимость бытия от игрока и невозможность отчуждения его персональной онтологии. В этом пункте просматривается нарушение всех неписаных правил методологии. Игрока наоборот, нужно выводить из своего бытия, а не углублять его рефлексию о бытии. Мышление игрока обязано стать нелегитимным источником знания. В целом сохраняя лояльность к методологическому мышлению, Громыко переворачивает соотношение объективного и субъективного в пользу последнего, и тем самым нарушает баланс между игротехником, контролирующим сознание игрока, и игроком с подконтрольным сознанием.

Размышления человека о своем бытии эмансипируют от методологов ход его мысли, а, следовательно, выводят игрока от коллективного мышления и деятельности. Не играет особой роли, осознан этот ход со стороны игрока или он является

спонтанным. Самим фактом введения в игру роли философа Громыко артикулирует в участнике игры проблему предельного бытия, и тем самым дает возможность игроку опереться на собственную онтологию даже независимо от уровня ее внутренней понятийной проработанности.

По большому счету, чем большим предварительным опытом осмысления онтологических вопросов обладает игрок, чем больше в его арсенале прочитанных книг, тем легче он включается в контекст онтологии мышления, вводимый Громыко. Насколько в реальности этот подход был делом практичным, и как на самом деле понимали слушатели то, о чем говорил Громыко восстановить невозможно. Однако можно понять, что ситуация выбора игроком роли в игре представлено в учении Громыко таким образом, чтобы отдельное бытие сохраняло свойство выбирать свой способ быть, основываясь на личном решении.

Сказанное не означает, что у Громыко была задача противопоставить философию методологическому подходу. Наоборот, методолог новой формации прилагал значительные усилия для того, чтобы соединить методологическое представление об онтологии, как об инженерной конструкции с онтологией в ее в классически эссенциальном смысле, как учении о конкретном неотчуждаемом человеческом бытии. Из этого следует, что в построениях Громыко онтология есть ситуация кодирования и расшифровки двух принципиально различных представлений о бытии.

Если же исходить из обычной практики ОДИ, то, как уже было ранее сказано, новая онтология возникает вследствие грамотно произведенного разрыва в мышлении игрока. С этой целью осуществляется погружение человека в состояние рефлексивного переосмысления своей первоначальной точки зрения. Так обычно методология практикует незаметный переход мышления от индивидуальной к коллективной онтологии. А это в свою очередь означает, что вся конструкция игры нацелена на изменение мышления коллектива игроков.

А Громыко нарушает этот изначально утвердившийся, и долгое время нерушимый, методологический консенсус. Совершенная в учении Громыко сложнейшая операция по возвращению в сознание прочно стертых из памяти игрока начал предельной онтологии, равноценен выходу из состояния гипноза, в который игрок был осторожно введен коллективом методологов. В таком случае, игрок, как бы очнувшийся ото сна и снова осознающий свое бытие, испытывал сильнейшее отторжение от применяемых методик, требующих от игрока посеять сомнения в его первоначальных установках сознания.

Если подойти к этой ситуации максимально отстраненно, и не интерпретировать положение игрока в игре в качестве жертвы, то ситуация складывается следующим образом. Возможны две конкурирующие онтологии. Первая – набор изначальных ценностей и идеалов человека, его представление о том, что есть мир, и кто он есть по отношению к этому миру. Подобные онтологии могут различаться по качеству в зависимости от изначальных знаний участника игры. Эта первая онтология, как правило, еще не сложилась как предельная онтология хотя бы по той причине, что не возникла ситуация на грани между жизнью и смертью, когда

личная онтология становится предельной. Дело совсем не в том, что игрок во время участия в организационно-деятельностной игре находится в смертельной опасности, а в том, что смена онтологий равноценна потере себя как индивидуальной неповторимой сущности, экзистенции, способной выбирать свое бытие.

Вторая онтология интересна хотя бы тем, что до начала игры ее, по большому счету, даже не существует. Игрок самостоятельно генерирует новую онтологию, преодолевая болезненный разрыв в мышления после шоковой операции рефлексии и выходя на уровень проблематизации. Выбор роли является главным маркером смены онтологий. Когда игрока убеждают в том, что уже сложившиеся его представление о мире в игре не работают, то спонтанно воссоздаваемая в процессе мыследеятельности картина мира становится основой новой онтологии. Когда же игрок выходит из игры, эта вторая онтология либо остается все лишь как некий осадок, как эмоциональный шок и болезненное воспоминание о прошедшем событии, либо же закрепляется в сознании человека как новое эксклюзивное знание, отсутствующее у людей, никогда в своей жизни не принимавших участие в организационно-деятельностной игре. В таком случае каждое новое действие, любой минимальный выбор, каждое самое бытовое принятие решения осуществляется на основе подключения мышления ко второй, коллективной онтологии.

Залогом успеха внедрения в сознания новой онтологии может, например, быстрое продвижение по карьерной лестнице. В этом случае носители нового знания, а каждый раз для отдельного игрока – это онтология своя, находят интеллектуальную опору и практическую поддержку круга лиц, уже прошедших в свое время цикл ОДИ.

Сложно давать оценки тем, кто и почему отдает предпочтение одной из двух онтологий. Важно другое, извлечение из игры технологий методологического мышления, возможность продемонстрировать, образно выражаясь, «машинерию» игры.

Сложно понять, было ли учение Громыко направлено на то, чтобы способствовать выработке онтологического «иммунитета» у участников ОДИ. Независимо от его намерений, думающее о себе мышление уже выходит за границы, предначертанные ему сценарием игры. Намерения группы методологов осуществить, в каком-то смысле, «рейдерский захват» сознания игрока, благодаря учению Громыко о предельной онтологии, наталкивалось со стороны участвующего в игре человека на «упорное сопротивление».

Мыслить свое бытие означает не давать возможности войти в индивидуальное мышление побочным мыслям, привнесенным извне и насильно внедряемым в сознание с целью утвердиться в нем в правах единственно верной точки зрения. Если же нет сопротивление со стороны игрока, и если личная онтология находится в пассивном не актуализированном состоянии, то новая онтология легко займет ее место. И наоборот, активирование предельной онтологии препятствует рефлексивному вторжению. В таком случае, как минимум, эта стратегия узурпации мышления будет человеком сознательно приостановлена, а в лучшем случае новая онтология будет аннигилирована уже на дальних подходах к сознанию.

Методология Петра Щедровицкого

Петра Щедровицкого можно считать самым известным российским методологом. Его философия развивает наиболее традиционную версию ММК. Из всех трудов Щедровицкого здесь будет вкратце изложен и прокомментирован фрагмент лекции «Проблема времени и развития» в рамках цикла «13 лекций о будущем» (Ščedrovickij 2014). Как и в случае со взглядами Попова и Громыко, мы сосредоточимся в основном на вопросах онтологии.

В лекции представлен современный взгляд на онтологию в методологии. В ней крайне важен экскурс Щедровицкого-младшего в историю возникновения понятия онтологии. Само определение понятий можно считать камнем в основании методологического программирования, хотя обычно подобное объяснение служит не прояснению, а затемнению понятийного аппарата. Определения понятий должны ограничить их объем и содержание, поместить их в соответствующие рамки, включить их в рабочую онтологию.

В решении этой задачи у ММК есть два базовых подхода. В первом случае методолог сталкивается с мышлением человека, с уже прописанным в нем определением онтологии. Допустим, речь идет об игроке, получившем философское образование. В подобных условиях методолог, навязывающий игроку свою трактовку понятия, зачастую сталкивается с сопротивлением философа, поскольку у последнего уже имеется собственное представление об онтологии. Понятие онтологии прописано в сознании игрока, где хранится библиотека с книгами классических мыслителей. Этот пример показывает, насколько методологу трудно деконструировать онтологию игрока, практикующего классическое мышление. В подобной ситуации методолог оказывается в невыгодном для себя положении дилетанта, и единственное, что он в таком положении сделать с игроком, это убрать его из игры. Методологическая «чистка» позволяет сохранять гармонию игры в режиме рефлексивного управления.

Второй подход нацелен на основную массу игроков, не имеющих представления о том, что такое онтология. В таком случае работает стратегия программирования слушателя, когда в его сознание «вбивается» нужное и ситуативно выгодное методологу определение. Подобное действие методолога не встречает никакой критической реакции со стороны игрока, поскольку игроку нечего противопоставить исходящей извне рефлексивной экспансии.

Теперь посмотрим на то, как процесс программирования сознания происходит на практике.

Недавно объясняя своим слушателям, что такое онтология и зачем она нужна, я напомнил им, что само это понятие, сама эта философская дисциплина, которая отвечает на вопрос о том, как устроен мир на самом деле, появилась в момент активизации спора между протестантами и католиками. До тех пор, пока казалось, что теологическая картина мира едина, всегда внутри нее существовал ответ на вопрос, что есть на самом деле, а чего нет. В тот момент, когда они поссорились, и оказалось, что по нескольким ключевым вопросам существуют существенные разногласия ..., картина мира рассыпалась. И как только она рассыпалась, то мы стали понимать, что наши представления о том,

как устроен мир, сами по себе преходящи, могут быть разными, и вообще существует конкуренция кандидатных онтологий. Одни из них отвечают на вопрос об устройстве мира лучше, другие хуже. Одни держаться тысячелетия, другие, как, скажем, научная картина мира, исчерпывает себя за 300 – 350 лет. (Ščedrovickij 2014)

В свете ранее сказанного совсем несложно понять практику программирования, заложенную в процитированном фрагменте. Щедровицкому важно представить онтологию не как незыблемое основание науки о бытии, а как исторически сложившуюся и весьма неустойчивую в сознании человека картину мира. Диалог между католиками и протестантами как пример конкурирующих онтологий – нужно отдать должное Щедровицкому – является ярким и запоминающимся образом, позволяющем убедить слушателя в том, что у картин мира, у онтологий есть свойство изменяться. Если подобное происходит в истории, то что же говорить об отдельном человеке. И тогда первая задача успешно решена: слушатель лекции (игрок ОДИ) убежден в правоте лектора и, тем самым, не замечая этого, автоматически дает согласие на последующее построение онтологии в его сознания, или позволяет перестроить ряд понятий и определений, если они уже заранее имелись в мышлении человека.

Предложенное Щедровицким определение тщательно очищается от коннотаций, свидетельствующих об онтологии как науки о бытии. Иначе, если это упустить из виду, традиционное определение онтологии в сознании человека выйдет из-под контроля методолога и будет в шаге от постановки вопроса о врожденности идеи бытия. Любой из двух возможных ответов будет неприемлемым для методолога. Если понятие бытия врожденно, тогда внедрение нового определения неправомерно. А значит, как незаконный процесс проникновения в сознание, и безжизненно, поскольку ведренное переопределение бытия не отвечает уже существующему изначальному пониманию бытия. Если же понятие бытия все-таки не врожденно в сознании человека, тогда у человека есть свобода выбора решать, какое из определений бытия считать ему ключевым, а попытка заложить в сознание такое определение извне есть принудительное отчуждение бытия как такового.

Далее Щедровицкий делает эффектный ход. Чтобы не оспаривать классическое определение онтологии, его достаточно просто не включить в свое определение. Отметим также непривычное для философа, но, видимо, целиком ясное, для политтехнолога, выражение «кандидатная онтология». Онтологии конкурируют между собою как кандидаты на выборах, которые могут быть сменяемы в каждом предвыборном цикле. В переводе с языка политологии на язык философии становится ясно, что предложенная Щедровицким аналогия, зашифрованная в понятии «кандидатная онтология», подразумевает возможность новым онтологиям выступать на правах, равных уже существующим в человеческом сознании.

Закрепление в сознании методологического прочтения онтологии происходит в обратном направлении, чем попадание в сознание определения этого понятия. Для того, чтобы разрушить первично существующую в сознании игрока онтологию, нужно было внушить игроку, что онтологий множество, и каждая из них имеет право занять

доминирующее положение в сознании. Как только игрок соглашается поверить в плюралистический принцип формирования учения о бытии, старая онтология мгновенно устареет, а новая онтология занимает ее место. Однако теперь, с минуты укоренения в сознании новой онтологии, утверждается совсем обратное.

Место для онтологии в системе философии достаточно определено и задано (то есть всегда есть какие-то знания и представления, которые мы кладем на это место, придавая им статус онтологических), что «онтология» – это лишь статус, который мы приписываем нашему знанию. (Ščedrovickij 2018: 148)

Плюралистический принцип исчезает, а вместо него возникает монистический принцип. Утверждение, что место онтологии изначально задано означает лишь то, что ни какая-либо версия классической онтологии и уж тем более никакая обновленная субъективная онтология игрока уже не имеют возможности претендовать на статус основополагающей картины мира. Это место уже занято методологической онтологией, присвоившей себе право изменить правила игры и отныне руководствоваться принципом «вмонтированного» в сознание монизма. Кроме того, утверждая, что онтология тождественна знаниям, современная методология делегирует себе право онтологизировать одни знания, и отказывать в этом праве другим знаниям. Игроку остается лишь принять одну из версий знания, легитимировать которые имеет право внешняя по отношению к человеческому сознанию инстанция.

Проиллюстрированная схема смены онтологий позволяет Щедровицкому утверждать, что именно новая онтология определяет, какое знание должно быть принято на веру, а какое может быть поставлено под вопрос.

Следовательно, мы оставляем либо за собой (субъективно), либо за историей, либо в принципе возможность эти знания подвергнуть проблематизации, очистить тем самым место онтологических представлений и положить в это место другие знания и представления. (Ščedrovickij 2018: 148)

Апеллирование к субъекту здесь абсолютно мнимое. Субъективность в методологической трактовке совсем не означает самостоятельное принятие решения человеком о том, что считать его знанием о мире. Наоборот, оставить за собой субъективное право подвергать свои знания проблематизации означает лишь то, что человеку дают возможность либо самостоятельно отказаться от своего знания, либо этот выбор за него делает любая внешняя инстанция, например, «объективная история».

Делегирование внешней силе, той же «истории», права выбирать, что может считаться знанием, закладывает в сознание игрока убеждение, что человек всегда и исключительно объект. Этот объект лишен права выбирать свое бытие, поскольку субъектное начало в человеке «инфицировано» не легитимированными методологией картинами мира. При этом человек не способен ни выбрать одну из множества картин мира, ни поставить хотя бы одну из онтологий под свой личный мыслительный контроль. Вместо него это делает «история». Нужен особый вкус, чтобы оценить какому изоощренному насилию в этом плане подвергается понятие исторической

памяти. Вместо того, чтобы служить человеку для впитывания опыта извне, история здесь функционирует как идеология.

Если мы посмотрим на историю, то можно достаточно быстро перечислить все известные нам онтологии. По всей видимости, существовала онтология Космоса, существовала онтология Бога, существовала онтология Природы. (Ščedrovickij 2018: 148)

Что же в таком случае представляет собою онтологии Бога, Космоса или Природы в методологии Петра Щедровицкого? Каким будет новое определение бытия, если традиционное определение заблокировано и находится под запретом? И, наконец, какая формулировка онтологии должна быть инсталлирована в сознание?

Онтология, говорит Щедровицкий, построена как ответ на вопрос о том, как устроен мир на самом деле (Ščedrovickij 2014). Это определение по началу не вызывает возражения. Да, изначальный онтологический вопрос: «что есть бытие?» превращается в другой вопрос: «как устроен мир?». Но все дело в том, что это уточнение, особенно дополненное словами «на самом деле», это скрытый сарказм Щедровицкого. В этой внешне простой формулировке считывается чуть скрытый намек на главный исторический образец наивного реализма. Несложно понять, что Щедровицкий делает отсылку к знаменитому определению истории, сделанным в первой четверти XIX века прусским историком Леопольдом фон Ранке. Согласно его определению, история – это наука про то, «как это было на самом деле» (*wie es eigentlich gewesen ist*). Щедровицкому важно не ответить на этот вопрос «как устроен мир на самом деле», явно устаревший в свете современной исторической науки. Гораздо важнее через эту историческую формулировку понятия истории автоматически «подключиться» к самому наивному из философских определений онтологии, чтобы открыть доступ методологу к сознанию человека, тем более что это определение человеком лишь подразумевается и не защищено осмысленным понятием.

Онтология типичного игрока не артикулирована до тех пор, пока этот вопрос не будет поставлен игроку или игровой команде организаторами игры. Онтологию игрока в процессе проведения организационно-деятельностных игр запрещено субъективировать, давать возможность человеку без какого-либо давления извне определить свое отношение к тому, что есть бытие. Игрок, игровой коллектив и система игры для любого методолога, включая Щедровицкого, будет работой с объектами. Вопрос о том, кто является субъектом, выносится за рамки игры.

Определение онтологии как науки о том, как устроен мир – это захват сознания объекта с помощью определения, предположительно согласующимся с уже существующим внутри человека. Методологи навсегда решили для себя этическую дилемму о допустимости вторжения в сознание. Этический вопрос решается благодаря выработке методологического отношения к природе человека. Ровно по той причине, что методология однозначно ответила на вопрос о том, что есть человек, самому человеку, участнику игры, задавать этот вопрос себе запрещено: за него уже решено, кто он есть на самом деле.

Неосознанное игроком делегирование методологам согласия на принятие определения онтологии в редакции «как устроен мир на самом деле» и, очевидно, отсутствие ответа на этот вопрос у игрока, становится первым шагом к осуществлению рефлексивного управления игроком как объектом. Игроку внушают, что субъект «на самом деле» это – объект, поскольку «так устроен мир».

Предположим, что наша умозрительная деконструкция методологии верна, но как в таком случае объяснить то, что определение онтологии оформлено через теологическую картину мира, онтологию Бога, как ее называет Щедровицкий? Разве это не ошибочная стратегия? У слушателя лекции, потенциального игрока ОДИ, выросшего в православной культуре, по всей видимости, отсутствует какое-либо представление о том, какие споры в начале XVI века происходило между католиками или протестантами. Поэтому методолог, выступающий в роли лектора, застаёт слушателя врасплох своим утверждением, что единая теологическая картина мира в это забытое время дала трещину и породила представление о том, что отныне существуют конкурирующие между собою религиозные онтологии Бога.

Выбор человека радикально сужается до двух элементарных действий: согласиться или нет с предложенным определением онтологии, «упакованном» в историю о католиках и протестантах. Человеку не позволяют заметить того, что в этот момент он находится в силовом поле теории принятия решений. Сознание изначально находится в ловушке: дать согласие гораздо легче, чем не согласиться. Но согласиться с определением онтологии, значит согласиться с тем, что различные онтологии не врожденны, они могут быть отчуждаемы и, по сути, взаимозаменяемы. Сказать «нет», отрицать определение онтологии, значит – иметь способность предложить свое. В то же время методолог предлагает принять игроку функцию изменяемости онтологий, поданной в «историческом контексте», с учетом того, что игрок соглашается с тем, что «так было на самом деле». В таком случае игроку, безусловно, гораздо легче согласиться.

В предложенных рассуждениях в отношении игрока сквозит чувство фатализма. До этого момента игрок был представлен исключительно как объект воздействия со стороны методолога. Но как будут развиваться события, если предположить, что человек имеет мужество отказать методологу в монополии на онтологию? Наконец, если обобщить происходящее с игроком, существуют ли правила выхода из вовлеченности в организационно-деятельностную игру? Для ответа на эти вопросы вернемся к историческому примеру Щедровицкого. Исходный тезис состоит в том, что конфликт католиков и протестантов привел обе стороны к убеждению в существовании конкурирующих онтологий внутри расколотой надвое теологической картины мира, онтологии Бога. Этот пример как бы доказывает сменяемость онтологий, иллюстрирует исторический прецедент, объясняющий игроку, что в отказе от собственной онтологии нет ничего необычного. На наших глазах субъект, неспособный контролировать исторические события 400-летней давности, *eo ipso* превращается в объект. И не стоит забывать, что это согласие было получено благодаря тому, что методолог заранее подключился к сознанию игрока, вычислив

основания его онтологии через определение истории Ранке, о существовании которого этот человек может даже не догадываться.

Первое, что может сделать человек, отдающий себе отчет в том, что сохранение своей субъектности имеет принципиальное значение для продления времени своего бытия, так это обратиться к онтологии конкретного католика или протестанта, вовлеченных в дискуссию о сменяемости картин мира. Для выбора конкретной онтологии обязательно соблюдать принцип историзма, а значит обращаться лишь к онтологиям, существующим в момент конфликта, с учетом конкретного места и точного времени события.

Все сказанное, включая рекомендации по выходу из методологического лабиринта, адресовано людям по ошибке или случайно попавшим в систему ОДИ. Выше была рассмотрена ситуация, когда игрок становится объектом воздействия, не давая, по крайней мере осознанно, на это право. Игрок в таком случае превращается в жертву. Меняется ли отношение к человеку как объекту, если решение принять участие в игре происходит сознательно или даже с определенным умыслом? Что, если игрок сознательно принимает правила игры, готов в игре быть объектом, чтобы после игры, изучив ее правила и подчиняясь им, в дальнейшем делать объектов из других игроков и вообще людей? В таком случае, представленная ранее картина существенно видоизменяется. Субъектом в данном случае выступает не человек, желающий защитить свое право быть субъектом, а существо, желающее подчинить себя в роли объекта той силе, которая гарантирует ему право управлять людьми, систематически объективируя каждого субъекта в отдельности.

В целом, именно такие игроки являются главной целевой аудиторией ОДИ и СМД-методологии. Об этом свидетельствует хотя бы то, что потенциальные игроки тщательно подбираются организаторами, в расчете на включение в систему потенциально эффективных кадров для продвижения по служебной лестнице. Иначе говоря, целевая аудитория организационно-деятельностных игр преимущественно состоит из карьеристов, готовых пожертвовать субъектностью ради продвижения по службе. А субъекты, оберегающие свою идентичность, в этом случае лишь фактор случайности в организационной игре. И, напротив, экзистирование отдельной экзистенции разворачивается внутри эссенциалистского взгляда на мир, в котором бытие длится нераздельно с субъектом. В таком случае субъект защищает свое бытие, а значит, закрывает все пути карьерного роста в статусе объекта. В свете сказанного четко различимы два антагонистических способа бытия. Один нацелен на делегирование своего бытия внешней инстанции, а другой защищает от нее свое бытие. Такого рода конформизм, легкое принятие решения смены своей онтологии ради любой другой, целиком вписывается в определения главного тренда методологии – изготовления класса технократов в промышленных масштабах. Если одних определить в качестве «конформистов», а других как «нонконформистов», то интерес заслуживают только вторые, – т. е. люди, для которых сохранение своей идентичности и борьба за личную субъектность были, есть и останутся искомым идеалом и высшей ценностью.

Допустим, для методолога игрок ОДИ всегда просто объект. Все же остается открытым вопрос о том, чем мотивирован методолог, поступая с игроком подобным образом? «Трансплантация» онтологии из схемы на планшете в сознание игрока в изложении Щедровицкого выглядит чем-то само собою разумеющимся. Это наталкивает на мысль, что «бесчеловечность» методологии просто заложена как принцип, и этим вердиктом завершить анализ. Однако такой демонстративный антигуманизм раскрывает методологию совершенно с неожиданной стороны, представляя собой отдельный объект исследования. Важно раскрыть, какие причины подобного отношения к человеку со стороны методологов. Терпимость к человеку мы раскрыли на примере методологии Попова и Громыко. Обращаясь с этим вопросом к методологии Щедровицкого, мы наталкиваемся на гораздо более жесткую трактовку природы человека.

В ходе рассуждений о целях методологии Щедровицкий уделяет особое внимание вопросу о человеческой природе, тем самым закладывая основания своей педагогической антропологии.

Социальный человек, которого обнаружил и начал всесторонне изучать XX век, оказался довольно неприглядным существом – завистливым, поверхностным и злопамятным, подверженным коллективному помешательству и агрессивным реакциям по отношению к себе подобным. (Ščedrovickij 2018: 148)

Выясняется, что в человека природой заложено злое начало, разоблаченное философией XX века. Иногда Щедровицкий отходит на шаг назад и ищет точку опоры в католической антропологии Шелера. Эта неуверенность, минутное колебание в выборе антропологического вектора, представляет собою наиболее гуманное начало в учении Щедровицкого. Он отмечает, что в философских «работах начала XX века была выдвинута важная базовая гипотеза: “человек” является существом, которое постоянно ищет и испытывает самого себя, которое в каждый момент своего существования также испытывает и перепроверяет условия своего существования» подобным» (Ščedrovickij 2018: 12). Однако эта интонация, гораздо более соответствующая философии Громыко, чем Щедровицкого, довольно быстро полностью исчезает. Ретрансляция тезиса Шелера о человеке, как существе, выбирающего способ своего бытия, включен в педагогическую антропологию Щедровицкого лишь затем, чтобы установить хотя бы номинальную преемственность между классической философской антропологией и современной методологией. В структуре ОДИ нет и никогда не может быть выбора игроком собственной онтологии.

Изложение методологии Щедровицкого важно завершить раскрытием его представлений о природе человека. Еще раз стоит обратить внимание, что только современная российская методология впервые связала новую онтологию с антропологической тематикой. Игрок изначально есть человеком, и его природе не может быть редуцирована до отведенной ему в игре роли. Сложность внутреннего устройства человека, его сознательная и подсознательная борьба за свободу собственного сознания привела Щедровицкого к мысли, что строить онтологию на доверии знаний человека о самом человеке представляет собою зыбкую почву. В первом томе собрания сочинений Щедровицкого эта идея раскрыта предельно ясно.

Претензии определенных групп знаний о человеке на статус онтологии есть самостоятельный и очень проблемный вопрос современной философии... Попытка превратить представления и знания о человеке в онтологические представления ... обычно приводят к очень тяжелым эпистемологическим последствиям. Грубо говоря, если нет ничего большего, чем человек, то сам человек оказывается низведенным до очень мелких и сиюминутных явлений. (Ščedrovickij 2018: 149)

Щедровицкий говорит о тяжелых эпистемологических последствиях — но каких и для кого именно эти последствия тяжелы? Доверие к природе человека, утверждение, что человек по своей природе добр, и, как следствие, уверенность в том, что человеческое существо способно своими силами получать знания о себе, в корне противоречит методологической установке аннигиляции предельной человеческой онтологии, как построенной на ложных знаниях. Ее место должна занять новая методологическая онтология, держащая человеческое бытие и сознание «под колпаком». Лишь одна небольшая деталь заставляет методологов принимать во внимание и учитывать переводение знаний об отдельном человеке в онтологические представления — отсутствие своей онтологии, так и оставшейся невоплощенной в жизнь философской мечтой.

Выводы по современному состоянию ММК

Впрочем, в таком итоге внимательный взгляд тоже способен усмотреть преемственность между советской и современной методологией. Первая программа методологии претендовала на построение уникальной содержательно-генетической логики (методологической теории мышления), но эта логика построена не была. Вторая программа методологии претендовала на создание теории рефлексии, но стала лишь советской версией теории игр. Третья программа методологии декларировала создание беспрецедентных по своей новизне организационно-деятельностных игр, но на практике стала слабой копией деловых игр. В этой же логике двигается современная методология, декларирующая создание новой онтологии. Но главное не то, что ни один из объявленных проектов так и не был реализован, а то, что между всеми вехами методологии сохраняется строгая преемственность в надежде на переворот в философии.

Общие итоги исследования

Философские поиски Георгия Щедровицкого на протяжении всей его жизни были насыщены драматическими событиями, превратившие этот путь исканий в историю интеллектуальных взлетов и падений. Методологическая школа Щедровицкого прошла в советской философии по такой же зигзагоподобной траектории. В первую половину своего развития, в период с 1952 по 1979 гг., Московский методологический кружок хотя бы формально оставался в дискурсе советской философии, тогда как во вторую половину своего существования, с 1979 по 1994 гг., будучи уже в виде целого игрового движения, методологическая школа полностью разорвала все связи с философией и академическим научным миром.

Лишь после смерти Щедровицкого новое поколение предприняло попытку вернуться на давно утерянный путь философии. Однако несмотря на то, что еще тридцать лет назад созрели внешние условия для интеллектуального прорыва, новая российская методология не смогла предложить публике фигур масштаба Георгия Щедровицкого, Владимира Лефевра или Вадима Садовского.

Проведенное исследование создает предпосылки для понимания различий между тем, что внушается современными методологами в качестве достижений ММК, и тем, «как это было на самом деле».

Во-первых, Георгий Щедровицкий своей содержательно-генетической логикой предложил первый и чуть ли не единственный образец идеологически неангажированной философии, в чем состояло ее коренное отличие от официального и неофициального марксизма, а также толкуемых с материалистических позиций советской логики и психологии.

Во-вторых, методология Георгия Щедровицкого оказала значительное влияние на актуализацию наследия советских логиков, психологов и педагогов, достижения которых давно пропали из поля зрения философской общественности, несмотря на формальное и ритуальное их признание.

В-третьих, лишь глубокое проникновение в историю ММК позволяет разоблачить бесчисленные и навязчивые попытки методологов возвести себя в классики задним числом, чем в наши дни промышляют отдельные ее представители. Желают они того или нет, ко всем методологам рано или поздно придет осознание, что лишь история философии может стать единственным судьей в этом вопросе.

Бібліографія:

- Alekseev, N., Sčedrovickij, G. (1957). O vozmozhnyh putjah issledovanija myshlenija kak dejatel'nosti. *Doklady APN RSFSR* 3: 12–22.
- Asmus, V. F. (1947). *Logika*. Moskva: OGIZ Gospolitizdat.
- Bakhurst, D. (1991). *Consciousness and Revolution in Soviet Philosophy*. Cambridge: CUP.
- Bel'čikov, Ja. M., Birsštejn, M. M. (1989). *Delovye igry*. Riga: Avots.
- Berdiajev, N. A. (1932). *General'naja lini sovetskoj filosofii i voinstvujushhij ateizm*. Paris: YMCA Press.
- Biriukov, B. V. (2006). *Trudnye vremena filosofii. Kniga 1. Otechestvennaja istoričeskaja, filosofskaja i logičeskaja mysl' v predvoennye, voennye i pervye poslevoennye gody*. Moskva: URSS.
- Biriukov, B. V. (2008). *Trudnye vremena filosofii. Kniga 2. Otechestvennye logika, istorija i filosofija v poslednie stalinskie gody. Chast' 1*. Moskva: URSS.
- Biriukov, B. V. (2008). *Trudnye vremena filosofii. Kniga 2. Otechestvennye logika, istorija i filosofija v poslednie stalinskie gody. Chast' 2*. Moskva: URSS.
- Blauberg, I. V., Sadovskij, V. N., Judin, E. G. (1969). *Sistemnyj podhod: predposylki, problemy, trudnosti*. Moskva: Znanie.
- Bochenski, J. (1956). *Der Sowjetrussische Dialektische Materialismus (Diamat)*. Bern.
- Celpanov, G. I. (1910). *Uchebnik psihologii*. Moskva.
- Celpanov, G. I. (1917). *Uchebnik logiki*. Moskva.
- Danilova, V. I., Sčedrovickij, G. P. (red.). (2010). *Georgij Petrovich Shhedrovickij*. Moskva: ROSSPEN.
- Enciklopedija kibernetiki*. (1974) *Enciklopedija kibernetiki v 2 t*. Kiev: Glavnaja redakcija ukraïnskoj sovetskoj jenciklopedii.
- Evlampiev, I. I. (2020). *Istorija ruskoj metafiziki v XIX-XX vekah. Russkaja filosofija v poiskah Absoljuta*. Sankt-Peterburg: RHGA.
- Filosofija ne konchaetsja...* (1998a). *Filosofija ne konchaetsja... Iz istorii otechestvennoj filosofii. XX vek. 1960–80-e gody. T. 1*. Moskva: ROSSPEN.
- Filosofija ne konchaetsja...* (1998b). *Filosofija ne konchaetsja... Iz istorii otechestvennoj filosofii. XX vek. 1960–80-e gody. T. 2*. Moskva: ROSSPEN.
- Grehem, L. R. (1991). *Estestvoznanie, filosofija i nauki o chelovečeskom povedenii v Sovetskom Sojuze*. Moskva: Politizdat.
- Gromyko, Ju. V. (2020) *Ontologija myshlenija. Iz videoarhiva Nekommerčeskogo nauchnogo Fonda "Institut razvitija im. G.P. Shhedrovickogo"*. Video-lecture accessible at: <https://www.youtube.com/watch?v=YIXD69vbp-o> (accessed March 10, 2022).
- Grušin, B. A. (1994). My pytalis' otvetit' na kardinal'nye voprosy... *Voprosy metodologii* 1-2: 18–27.
- Grušin, B. A. (1999). Gor'kij vkus ne vostrebovanosti. *Rossijskaja sociologija 60-h godov v vospominanijah i dokumentah*. Sankt-Peterburg.: RHGI.
- Grušin, B. A. (2004). Nauchno-kul'turologičeskij zhurnal. *Relga.ru*, 2(92), <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=97&level1=main&level2=articles> (accessed March 10, 2022).
- Hromčenko, M. S. (2010). Simvol roda. In: Danilova, V. I., Sčedrovickij, G. P. (red.). (2010). *Georgij Petrovich Shhedrovickij*. Moskva: ROSSPEN, 404–439.
- Hromčenko, M. S. (red.). (2006a). *MMK v licah. V 2 t*. Moskva: Fond «Institut razvitija im. G. P. Shhedrovickogo», 2006.

- Il'jencov, E. (1960). *Dialektika abstraktnogo i konkretnogo v «Kapitale» Marksa*. Moskva: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR.
- Il'jencov, E., Korovikov, V. (red.). (2016). *Strasti po tezisam o predmete filosofii (1954 – 1955)*. Moskva: Izdatel'stvo «Kanon».
- Illeš, E. (2016). Propavshie tezisyy. Il'encov, E., Korovikov, V. (red.). *Strasti po tezisam o predmete filosofii (1954 – 1955)*. Moskva: Izdatel'stvo «Kanon», 14–142.
- Jahot, I. (1981). *Podavlenie filosofii v SSSR (20-30 gody)*. New York: Chalidze Publications.
- Kant, I. (1964). Kritika chistogo razuma. Kant, I. *Sochinenija v shesti tomah*. T. 3. Moskva: Mysl', 69–756.
- Kogan, A., Krasil'shnikov, S., Malyj, V., Solov'ev, G. (red.). (1999). *V tom daliokov IFLI. Vospominanija, dokumenty, pis'ma, stihi, fotografii*. Moskva: Filologicheskij fakul'tet MGU.
- Korsakov, S. N. (2015). Iz istorii vozrozhdenija logiki v SSSR v 1941 – 1946 gg. Chast' I. *Logicheskie issledovanija* 21(2): 145–169.
- Korsakov, S. N. (2016). Iz istorii vozrozhdenija logiki v SSSR v 1941 – 1946 gg. Chast' II. *Logicheskie issledovanija* 22(1): 145–170.
- Kosičev, A. D. (2007). *Filosofija. Vremja. Ljudi: vospominanija i razmyshlenija dekana Filosofskogo fakul'teta MGU im. M. V. Lomonosova*. Moskva: OLMA-Press
- Kuznecova, N. I. (2004). Predislovie. Kuznecova, N. I. (red.). *Poznajushhee myshlenie i social'noe dejstvie (nasledie G. P. Shhedrovickogo v kontekste otechestvennoj i mirovoj filosofskoj mysli)*. Moskva: F.A.S. Media, 7–9.
- Ladenko, I. S. (1998). G. P. Shhedrovickij v razvitii geneticheskoj logiki i metodologicheskogo dvizhenija. *Filosofija ne konchaetsja.... Iz istorii otechestvennoj mysli: HH v. 60-80-e gody*. Moskva: ROSSPEN, 564–595.
- Lahuti, D. G. (2004). Stalin i logika. *Voprosy filosofii* 4: 164–169.
- Lefevr, V. A. (1973). *Konfliktujushhie struktury*. Moskva: Sovetskoe radio.
- Lektorskij, V. (1998). Predislovie. *Filosofija ne konchaetsja.... Iz istorii otechestvennoj mysli: HH v. 1960-80-e gody*. Moskva: ROSSPEN, 3–7.
- Lektorskij, V. (2004). Georgij Petrovich Shhedrovickij i sovremennaja filosofija. *Poznajushhee myshlenie i social'noe dejstvie (nasledie G. P. Shhedrovickogo v kontekste otechestvennoj i mirovoj filosofskoj mysli)*. Moskva: F.A.S. Media, 171–205.
- Lektorskij, V. (2016). Glazami ochevidca. (Vmesto predislovija). Il'encov, E., Korovikov, V. *Strasti po tezisam o predmete filosofii (1954 – 1955)*. Moskva: Izdatel'stvo «Kanon», 5–13.
- Lektorskij, V. (2016). Razmyshlenija o sud'be filosofii i ee predmete. (Vmesto zaključenija). Il'encov, E., Korovikov, V. *Strasti po tezisam o predmete filosofii (1954 – 1955)*. Moskva: Izdatel'stvo «Kanon», 55–87.
- Mamardašvili, M. K. (1991). Nachalo vseгда istorichno, t.e. sluchajno. *Voprosy metodologii* 1: 44–53.
- Mamčur, E. A., Ovcinnikov, N. F., Ogurcov, A. P. (1997). *Otechestvennaja filosofija nauki: predvaritel'nye itogi*. Moskva: ROSSPEN.
- Marača, V. G. (2010). Vmesto vvedenija. Otlichitel'nye cherty metodologicheskogo myshlenija kak «ideal'nogo jadra» Moskovskogo metodologicheskogo kruzhka. Danilova, V. I., Sčedrovickij, G. P. (red.). (2010). *Georgij Petrovich Shhedrovickij*. Moskva: ROSSPEN, 9–70.
- Maslov, N. (1989). «Kratkij kurs istorii VKP (B)» – Jenciklopedija kul'ta lichnosti Stalina. *Surovaja drama naroda: Učenie i publicisty o prirode stalinizma*. Moskva: Politizdat, 334–352.
- Minakov, M. (2020). *Dialektika sovremennosti v vostočnoj Evrope. Opyt social'no-filosofskogo osmyslenija*. Kiev: Laurus, 2020.

- Motrošylova, N. V. (2012). *Otechestvennaja filosofija 50-80-h godov HH veka i zapadnaja mysl'*. Moskva: Akademicheskij proekt.
- Ogurcov, A. (1989). Podavlenie filosofii. *Surovaja drama naroda: Uchenye i publicisty o prirode stalinizma*. Moskva: Politizdat, 353–374.
- Ojzerman, T. I. (2011). *Vozniknovenie marksizma*. Moskva: «Kanon+», ROOI «Reabilitacija».
- Pahomov, Ju. V. (2004). *Igrotehničeskij bukvar'*. Moskva: Shkola kul'turnoj politiki.
- Pedagogika i logika*. (1993). *Pedagogika i logika*. Moskva: Kastal'.
- Piskoppel', A. A. (2004). G.P. Shhedrovickij – podvizhnik i myslitel'. *Poznajushhee myshlenie i social'noe dejstvie (nasledie G. P. Shhedrovickogo v kontekste otechestvennoj i mirovoj filosofskoj myslj)*. Moskva: F.A.S. Media, 11–57.
- Popov, S. V. (2019). *K 40-letiju izobrenenija ODI Doklad S.V. Popova. 8 janvarja 2019 goda*. M.: MMASS – Mezhdunarodnaja Metodologičeskaja Asociacija
- Poznajuščee myshlenie*. (2004). *Poznajushhee myshlenie i social'noe dejstvie (nasledie G. P. Shhedrovickogo v kontekste otechestvennoj i mirovoj filosofskoj myslj)*. Moskva: F.A.S. Media, 2004.
- Raskin, I. (2016). Strasti po predmetu. Iljenkov, E., Korovikov, V. (red.). *Strasti po tezisam o predmete filosofii (1954 – 1955)*. Moskva: Izdatel'stvo «Kanon», 148–168.
- Rozin, V. M. (1998). Rozin V.M. K istorii Moskovskogo logičeskogo kruzhka: jevoljucija idej, lichnost' rukovoditelja. *Filosofija ne konchaetsja.... Iz istorii otechestvennoj myslj: HH v. 1960-80-e gody*. Moskva: ROSSPEN, 547–563.
- Rozin, V. M. (2010). Postroenie teorii myshlenija – «sinjaja ptica» G.P. Shhedrovickogo. Danilova, V. I., Sčedrovickij, G. P. (red.). (2010). *Georgij Petrovich Shhedrovickij*. Moskva: ROSSPEN, 71 –108.
- Rubinstejn S. L. (1946). *Osnovy obshhej psihologii*. Moskva.: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogičeskoe izdanie Ministerstva prosveshhenija RSFSR.
- Sadovskij, V. N. (2004). Sadovskij V.N. Intellektual'nyj blesk i tvorcheskie trudnosti rannego Shhedrovickogo. *Poznajushhee myshlenie i social'noe dejstvie (nasledie G. P. Shhedrovickogo v kontekste otechestvennoj i mirovoj filosofskoj myslj)*. Moskva: F.A.S. Media, 81–129.
- Sarapov, Ju. P. (1995). *Licej v Sokol'nikah. Oчерk istorii IFLI – Moskovskogo instituta istorii, filosofii i literatury imeni N. G. Chernyševskogo (1931 – 1941)*. Moskva: AIRO-HH.
- Sarapov, Ju. P. (2021). *Moe vremja*. Moskva; Sankt-Peterburg: Institut rossijskoj istorii Rossijskoj akademii nauk, Centr gumanitarnyh iniciativ.
- Sčedrovickij, G. P. (1957). “Jazykovoje myshlenie” i ego analiz. *Voprosy jazykoznanija* 1: 56–68.
- Sčedrovickij, G. P. (1964). “Jazykovoje myshlenie” i metody ego issledovanija. Dissertacija na soiskanie stepeni kandidata filosofskih nauk.
- Sčedrovickij, G. P. (1964). *Problemy metodologii sistemnogo issledovanija*. M.: Znanie.
- Sčedrovickij, G. P. (1996). *Ontologija i ontologičeskaja rabota*. M.: Kastal'
- Sčedrovickij, G. P. (2004). *Moskovskij metodologičeskij kruzhok: razvitie idej i podhodov*. Moskva: Put'.
- Sčedrovickij, G. P. (2004a). *Organizacionno-dejatel'nostnye igry. Sbornik tekstov (1)*. M.: Nasledie MMK.
- Sčedrovickij, G. P. (2004b). *Organizacionno-dejatel'nostnye igry. Sbornik tekstov (2)*. M.: Nasledie MMK.
- Sčedrovickij, G. P. (2006). *O metode issledovanija myshlenija*. Moskva: Fond «Institut razvitija im. G.P. Shhedrovickogo.
- Sčedrovickij, G. P. (2012). *Ja vseгда byl idealistom*. Moskva: Fond «Institut razvitija im. G. P. Shhedrovickogo.

- Sčedrovickij, P. G. (2010). Predislovie. Danilova, V. I., Sčedrovickij, G. P. (red.). (2010). *Georgij Petrovich Shhedrovickij*. Moskva: ROSSPEN, 5–8.
- Sčedrovickij, P. G. (2014) *Problema vremeni i razvitija*. Otkrytaja lekcija Petra Shhedrovickogo iz cikla "13 lekcij o budushhem" v Tochke Kipenija ASI 21 maja 2014 g. Video-lecture: https://www.youtube.com/watch?v=m_92RF0Mufw&list=PLRqHN2GyUff7A_DqieCnaTGZx6uwi_1Gs&index=6 (access checked on March 10, 2022).
- Sčedrovickij, P. G. (2018). *Vvedenie v filosofskuju i pedagogičeskuju antropologiju*. Moskva: ROSSPEN.
- Shhedrovitzky, G. P. (1966). Methodological problems of system research. *General Systems XI*: pp.
- Sojfer, V. N. (2007). *Stalin i moshenniki v nauke*. Moskva: Izdatel'skij dom Dobrosvet.
- Strogovich, M. S. (1946). *Logika*. Moskva: Izdanie RIJu VJuA KA.
- Svyriov, V. S. (2004). Formirovanie ishodnyh principov poznajushhego myshlenija. *Poznajushhee myshlenie i social'noe dejstvie (nasledie G. P. Shhedrovickogo v kontekste otechestvennoj i mirovoj filosofskoj mysli)*. Moskva: F.A.S. Media, 59–79.
- Vinogradov, S. N. (1947). *Uchebnik logiki*. Moskva: OGIZ Gospolitizdat.
- Vvedenskij, A. I. (1910). *Logika*. Sankt-Peterburg.
- Vygockij, L. S. (1996). *Myshlenie i rech'*. Moskva: Labirint.
- Zinovjev, A. A. (1959). Ob odnoj programme issledovanija myshlenija. *Doklady APN RSFSR* 2: 71–74.
- Zinovjev, A. A. (1979). *V preddverii raja*. Lausanne:] L'Age d'Homme.
- Zinovjev, A. A. (2002). *Voshozhdenie ot abstraktnogo k konkretnomu (Na materiale «Kapitala» K. Marksa) (1954)*. Moskva: Institut filosofii RAN.